

С.А.Колдыбаев
КОСТАНАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
А.БАЙТУРСЫНОВА

КАЗАХСТАН: НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Костанай 2015

ISBN 978 – 601 – 7481 - 8

УДК 316.3

ББК 87.6 (каз)

К 60

Колдыбаев С.А.

Нация и национальное самосознание. Костанай, 2015, 169 с.

Рецензенты:

Айтмухамбетов А.А. – доктор исторических наук, проф.

Тайматаев Д.А – кандидат философских наук, доцент

В работе исследуются социально-философские аспекты роли и места национального самосознания в формировании и развитии нации. Основное внимание уделено обоснованию национального самосознания, как исходного и основного признака нации, развития национальных процессов в истории.

Исследуемые аспекты раскрываются на проблемах исторического развития национальных процессов Казахстана. В этой связи в дискуссионном плане исследуются вопросы возникновения нации, формирования гражданской нации в РК, национальной идентичности, общеказахстанской и внутриказахской консолидации.

Монография рекомендована преподавателям вузов и других учебных заведений, научным работникам, всем тем, кто интересуется проблемами развития нации и национальных отношений.

Печатается по решению Ученого Совета

Костанайского государственного университета

Имени А.Байтурсынова От 26 октября 2015 г № 14

ПЛАН

Введение	4
1. Место «национального самосознания» в феномене «нация»	8
2. Философско-исторические аспекты возникновения и становления казахской нации	31
3. О современной казахской национальной идентичности	68
4. Проблемы национальной консолидации казахского народа	89
5. О казахстанской идентичности и природе гражданской общности РК	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164

ВВЕДЕНИЕ

Общепризнано, что проблема нации – одна из дискуссионных и сложных для исследования. Достаточно сказать, что она имеет в науке множество граней для своего изучения: исторический, психологический, социально-философский, этнографический и т.д.

Исходной основой научного интереса к проблематике является актуальность феномена «нации» в мировой практике. Ведь в современном мире, понимаемом в его самом широком контексте, мы видим в реальностях различных стран неутихающий плеск национальных проблем, которые весьма остро противостоят своему антиподу – процессу глобализации общественных отношений. По своему они стоят весьма актуально и в Республике Казахстан.

В этой связи нельзя не сказать, что с самого начала после получения государственной независимости Казахстана новая политическая ситуация республики поставила как перед политиками, так и перед учеными-обществоведами вопрос, на какой общей теоретико-методологической основе строить практику управления и исследования проблем нации и национальных отношений в стране. Ведь прежние теоретические работы были написаны с позиции советско-марксистской теории нации и национальных отношений. Но практика развития межнациональных отношений показала очевидную несостоятельность ряда важнейших теоретических тезисов советского марксизма, которая была подтверждена реальным опытом развала многонационального государства СССР.

Сегодня ясно, что в рамках сугубо прежних каркасных этнонациональных представлений, даже если они наполнены новым фактологическим содержанием, не теоретически, ни практически нельзя полностью объяснить насущные национальные проблемы. Отсюда явно

заметным становится малочисленность сторонников склонных придерживаться в ортодоксальной форме прежних отживших теоретических представлений по проблемам нации и национальных отношений. Становится все более понятным, что развивать исследовательскую проблематику нации необходимо в рамках научных представлении, свободных от прежних политико-идеологических установок.

Осознание этого противоречия привело к активизации научных исследований в этом направлении. В этой связи нельзя не отметить, что тематика исследования отечественными учеными национальных процессов в настоящее время весьма разнопланова. В этой части можно отметить исследования А.Айталы, Н. Нысанбаева, К.Л.Сыроежкина, М.Б.Татимова, К.Е.Кушербаева, Р.К.Кадыржанова, Д.К.Шиббекова, Г.В.Малинина, Н.Масанова и других казахстанских авторов. Отечественные ученые особенно активно разрабатывают проблемы гражданской нации, казахстанского патриотизма, народа Казахстана и т.д. Многие идей отечественных ученых по нации и национальным отношениям в РК отражают новые государственные реалии независимого Казахстана, исследуются в соответствии с политическими установками республики.

Одновременно, нельзя не отметить, что в среде отечественных ученых в условиях методологического кризиса советского варианта марксистской теории национальных отношений, все большей популярностью стали пользоваться взгляды западного толка, так же рассматривающие проблемы этносов и национальных процессов несколько в ином плане, чем советская теория нации.

В условиях существующего теоретического плюрализма значительную активность в разработке злободневных национальных проблем стали демонстрировать современные отечественные СМИ, казахстанские политики. Журналисты, публицисты в вопросах оценки нации и национальных отношении в Казахстане, как впрочем, на всем постсоветском пространстве, оказались более оперативными, нежели отечественные ученые. Сегодня в СМИ довольно модны дискуссии о гражданской или этнической природе казахской нации, реальности или вымысла идей казахстанской нации, природы внутренних отношении казахов и другие. Здесь вполне уместны слова видного теоретика по вопросу наций и национализма Отто Брауна, сказанные более 100 лет назад: “Наука до сих пор почти совсем не занималась вопросами о нации – она предоставляла ее почти в исключительное ведение лириков и фельетонистов, ораторов народных собраний и отдавала обсуждение этих вопросов на откуп парламентам и пивным”[1]. Добавим, только вместо пивных современному Интернету.

В целом, на наш взгляд, собственно научные усилия отечественных ученых в разработке национальных проблем заметно отстают от результатов публицистики. Особенно это сказывается в нечеткости и разноголосице в понимании теоретико-методологических проблем нации. Наблюдается

некоторая поспешность, необоснованное введение новых общих понятий, недостаточно адекватно соответствующих нынешним реалиям национально-этнических процессов казахстанского общества. Становится понятным, что современное понимание природы и социальной роли нации, способное объяснить и сегодняшний накал в сфере национального бытия и перспектив его развития в будущем, невозможно получить без определенного критического анализа прежней методологии исследования национальной проблематики.

Сегодня разработка теоретико-методологической проблем исследования национальных процессов выступает насущной необходимостью для современной отечественной науки. Вот только некоторые такие теоретические проблемы, на наш взгляд, настоятельно требующие своего внимания со стороны ученых-философов. Каковы механизмы появления и возникновения нации? Какими признаками характеризуется нация? В чем природа национального самосознания и какова его историческая роль в становлении и развитии нации? Какова природа гражданской нации в Казахстане и др.

Эти и подобного рода проблемы исследования национальных процессов считались долгое время решенными. Но отказав марксистской теории нации в способности быть эффективным гносеологическим инструментарием познания современных национальных реалий, отечественная наука пока в целом не предложила и принципиально нового в методологии исследования этой сферы общественной жизни.

В этих условиях, важным представляется, на наш взгляд творческое осмысление природы нации в свете нынешних теоретических достижений и сегодняшних практических реалий. И в то же время, мы считаем, констатация сложности методологического состояния в исследовании теории нации и национальных отношений, не должна означать полного отказа от бывшего теоретического отечественного багажа исследования. Речь, должна идти не о повторении прежних аргументов в поддержку некогда популярного учения. Необходим определенный критический подход к советскому варианту марксизма по национальному вопросу, который, в сущности, идеологически интерпретировал природу национальных процессов общества. Важна на наш взгляд, весомая корректировка прежней методологической парадигмы теории нации, более соответствующая нынешнему уровню исследования национальных процессов. В контексте такого общего творчески осмысленного методологического подхода необходимо исследование более частной картины - проблем формирования и развития нации в Казахстане. Здесь усилия исследователей, как представляется, должны быть нацелены на разработку методологических проблем определения критериев развитости нации. формирования современной общеказахстанской идеи, ее реальности, сложностей и трудностей формирования национальных процессов, проблем национальной

консолидации казахской нации и народа Казахстана, национальной идентичности и др.

В практическом плане важны усилия по поиску эффективных внутренних механизмов управления национальными процессами, нахождение необходимых методологических приемов способных больше консолидировать полиэтничный, многонациональный состав казахстанского общества. Важнейшим здесь остается вопрос исследования и разработки идеологии общенационального единения и согласия всех нации и народностей РК. В этом плане несомненную ценность представляют работа Президента РК, Председателя Ассамблеи народа Казахстана Н.А.Назарбаева «В потоке истории», в котором глубоко обсуждаются проблемы национальной картины и национального образа мира, этнического многообразия и единства, соотношения тоталитарного и национального, социального и национального уровней идентификации населения Казахстана в переходный период. Обратим внимание, что, в частности, Президент Н.А.Назарбаев на заседании Ассамблей народа Казахстана подчеркивал: «Особо я хотел бы обратиться к нашим специалистам-политологам, ученым сферы общественных наук. На мой взгляд, проблемы межнациональных отношений могут и должны стать ключевыми в ваших исследованиях. Общество чрезвычайно нуждается в четкой характеристике процессов, происходящих в этой области ... в Казахстане». [2].

Исследование не претендует на окончательное и исчерпывающее разрешение трудных и весьма противоречивых проблем нации. Скорее работу надо рассматривать как изложение авторской позиции по некоторым актуальным проблемам нации и национальных отношений, которые возможно привлекут внимание сторонников к поднимаемым и исследуемым в ней вопросам.

МЕСТО «НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ» В ФЕНОМЕНЕ «НАЦИЯ»

Современной научной общественностью изучающей проблемы национальных отношений выделяются два методологических подхода к феномену «нация», в которых, собственно, как правило, исследуются национальные проблемы. Первый – примордиалистский, при котором нация рассматривается как результат появления в обществе необходимых объективных предпосылок, логики естественноисторического развития общества. Этот аспект исследования нации, заметим, ныне не столь моден как прежде, о чем свидетельствует, в частности, довольно малое количество научных публикаций ставящих проблемы нации в таком контексте. Нация при примордиалистском подходе выступает как высший продукт развития этносов, имеющего в истории различные сменяющие друг друга формы: род, племя, народность, нация, которые нельзя смешивать, а тем более отождествлять. В последнем случае нередко национальная принадлежность связывается «кровью», происходит отождествление двух исторических реальностей — этноса и нации. Но в научных представлениях большинство исследователей их различают. Естественноприродное, связанное «с кровью», соединяют в основном с родоплеменной общностью и отчасти с народностью. Что касается нации, то оно рассматривается и исследуется как преимущественно социальный феномен. Этнос при этом рассматривается в качестве широкого понятия, включающего в себя совокупность исторических форм общностей людей: род, племя, народность, нация.

Второй – конструктивистский, согласно которому нация есть объединение всего населения страны под эгидой государства и его власти. Подобный подход к пониманию «нация» сегодня более популярен, в научной общественности, но в особенности среди политиков. При таком взгляде политическая деятельность, выступает главным фактором, созидающим нацию как определенную общность. Признается, что на формирование этой общности государство влияет больше, чем биологическая или какая-либо иная предопределенность. Но в то же время утверждается и то, что такая конструирующая деятельность государства должна сочетаться с наличием доброй воли граждан, а также с существованием необходимых предпосылок, в частности определенного уровня культурной гомогенности (сплоченности) и образованности общества. Такой взгляд придает нации определенный прагматический подход, удобное средство управления национальными процессами.

Однако, при всем общепризнанном прикладном значении конструктивистского подхода, в нем, на наш взгляд, не учитываются естественная логика исторического появления исторических общностей, а самое главное значимость внутренних духовно-этнических констант в них, которые

существенны для понимания природы нации.

Но будем справедливы, не только конструктивистский, но и некогда господствующий в советской науке вариант примордиалистского подхода к нации также страдает известным недостатком. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует сталинское понимание нации, который являясь разновидностью примордиалистского, в течение 70 с лишним лет являлось методологическим руководством для ученых СССР занимающихся исследованием проблем национальных отношений. В нем довольно определенно проявляются некоторые несоответствия, которые не вписываются в эмпирически видимую картину национального развития, особенно современного.

Нацию Сталин, как известно, определял в такой формулировке: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [3].

По своей сути эта концепция, будучи сугубо социальной, ставит проблему нации в зависимости от наличия известных четырех ее признаков. Однако данное определение нации уже не может нас удовлетворять, для чего обратимся к анализу их. Во-первых, такие признаки, как общность территории, общность экономической жизни, языка выступают с точки зрения современности не признаками, а условиями образования, формирования нации, т.е. они входят в его генетическое определение. Более того, если даже их рассматривать гипотетически в качестве внешних признаков нации, то они скорее выступают исторически преходящими, т.е. не носят жестко обязательного атрибутивного характера. Их нельзя рассматривать как сущностные, определяющие развитие нации с одним и тем же постоянством в прошлом, настоящем и будущем.

Во вторых, в частности, такой признак как культура скорее выступает вопреки сталинскому взгляду, как причина, нежели как следствие. Иначе говоря, культура является причиной и условием по отношению к формированию психического склада людей. Но одновременно и признаком всякой нации. Тому подтверждение сама практика развития нации. В самом деле, поставим вопрос, что объединяет, скажем, итальянцев независимо от их социального положения, политических взглядов и пр. и одновременно отличает их всех от всех русских, всех англичан, всех французов. Во всяком случае, не пребывание в составе одного геосоциального организма, а тем самым и не общность территории и экономики. Итальянец даже навсегда покинувший родину и переселившийся в США, долгое еще время, а чаще всего до конца дней своих остается итальянцем. В США к концу 80х годов XX в. проживало 5000 тыс. итальянцев, 5100 тыс. немцев, 3800 тыс. поляков, 1000 тыс. русских и т.п. Первое, что, казалось бы, роднит всех членов данной этнической общности и одновременно отличает от

членов других таких общностей – язык. В известной мере это справедливо по отношению к русским, полякам, башкирам и многим другим этносам. В мире существует только одна этническая общность, члены которой говорят на польском. Это поляки. То же самое можно сказать о русских, башкирах, финнах и т.д. Но это не может быть отнесено к англичанам, испанцам, немцам, французам, португальцам, сербам. Язык, отличая англичан от французов, не отделяет их от американцев, англо-канадцев, англо-австралийцев, англо-новозеландцев. Отличая испанцев, скажем от шведов, язык не ограничивает их от мексиканцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев. На немецком языке говорят не только немцы, но также австрийцы и германо-швейцарцы. На французском языке, кроме французов, говорят валланы, франко-швейцарцы и франко-канадцы. На одном языке говорят сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы.

Однако различия не только между русскими и итальянцами, но и между англичанами и американцами, немцами и австрийцами, сербами и хорватами, французами и валланами проявляются в культуре. Нет американского языка, но существует американская культура. Нет аргентинского языка, но существует аргентинская культура. Один язык, но разные культуры у сербов и хорватов.

Общая культура – вот что роднит всех англичан, пока они остаются англичанами и отличает их от американцев, ирландцев, шотландцев. Что касается языковой общности, то она как в том случае, когда эта общность в общем и целом совпадает с культурной, так и в том, когда она значительно шире последней, является одновременно и важнейшим условием возникновения и развития культурной общности и существеннейшим компонентом последней.

Конечно, иногда различия в культуре между частями одной этнической общности могут быть не меньшими, чем между разными этносами. Например, различия в традициях духовной и материальной культуры двух групп русских, одних – традиционно живущих в своей стране, и приезжающих (в России, например, приехавших русских из Казахстана называют «казахами»), не меньше, чем их отличие от белорусов и украинцев. И тем не менее, русские в Казахстане не образуют самостоятельную нацию, а принадлежат к одному общему этносу – русскому.

И предпосылкой тому является общность культуры, взятая в его фундаментальных и существенных характеристиках. Она во многом способствует тому, что и живущие в России и Казахстане в одинаковой степени осознают себя русскими. Подобно этому, под влиянием своей культуры англичане осознают себя англичанами, норвежцы норвежцами и т.д. Своя культура ведет к осознанию и своей общности, чужая культура воспринимается и как чужая нация. Не случайно, по мнению Ковалевского П.И. группа людей, сознающих себя объединенными множеством общих своеобразных культурных элементов и общим историческим прошлым и потому отличными от других людей, образует

нацию»[4].

Культура, таким образом, может рассматриваться как явление групповой схожести этноса, как комплекс чувств, основанных на принадлежности к культурной общности, как коллективное ощущение, в результате которого и формируется общая идентичность. Помимо этой сферы самосознания (идентичности) этнос характеризует единый язык, разделяемые членами группы представления об общем историческом происхождении, общие черты материальной и духовной культуры; обряды, традиции, обычай, нормы поведения, привычки, народное искусство, т.е. такие компоненты культуры которые передаются из поколения в поколение.

Есть некоторые корректировки и в отношении общности экономической жизни. Этот признак связывался в сталинском определении при его формулировке жестко с капитализмом, с процессом становления индустриального, капиталистического общества. Под его воздействием сложились в частности, европейские нации, которые необходимо учесть. Известно, что марксизм как теория создавался на материале Европы, причем, прежде всего Западной Европы. Классическая схема формаций прекрасно отражает историческое развитие западноевропейской цивилизации: рабовладельческая античность, феодальное средневековье, буржуазное новое время. Но стоит выйти за рамки западно-европейской цивилизации, и обратиться к реалиям Востока, как формационная теория начинает основательно буксовать И тут в марксизме возникает понятие «азиатского способа производства», (введенного К.Марксом для характеристики своеобразия восточных стран), которое в сущности отражает признание определенной специфики проблемы возникновения и развития нации на Востоке.

Все это позволяет сделать вывод, что данное “четырёхпризнаковое” определение нации полностью не отвечает реалиям бурно развивающейся общественной жизни. Тем не менее, такое понимание сущности нации вошло в современную науку, в общественное и политическое сознание, исторически являлось основой деятельности в СССР в сфере развития нации и национальном вопросе

И в настоящее время, данное определение и понимание нации остается популярным, о чем свидетельствует факт развития некоторыми обществоведами и политиками теоретической концепции нации за счет увеличения начального набора признаков, или же некоторого их изменения. Сегодня помимо сталинских признаков называются: наличие своего собственного обособленного национального государства, единство происхождения, антропологического типа, исторической судьбы, хозяйственного уклада, религиозного вероисповедания и т.д.

«Нация,- пишет например, Канагат Жукешев – есть устойчивая форма

общности людей, занимающих определенную территорию, имеющих свои особенности ведения хозяйства, обычаи и традиции, литературный язык, культуру, национальную психологию»[5]. Как видим, автор статьи все перечисленные слагаемые считает признаками, добавляя дополнительные.

Однако нельзя не видеть, что ограничение восприятия нации только принципом учета роли объективных факторов оставляет в тени активную сущность нации. И здесь надо отметить, что сталинское определение, выдвигая на первый план объективные признаки, по существу игнорирует такой важнейший субъективный признак нации, как общность психического склада людей. Точнее, хотя он упоминается, но он недооценивается. Нация в сталинской трактовке не воспринимается общностью людей, сложившейся исторически, осознающей свое единство и на этой основе осуществляющих свой жизненный процесс, т. е. как субъект деятельности. Из основания теории нации выпадает принцип его духовно-психологического содержания, объясняющий специфику, характер способ жизнедеятельности конкретного этноса, отличающего его от других этнических образований. Нация в результате рассматривается как нечто зависимое лишь от экономических, социально-классовых отношений, как пассивное, развивающееся в результате изменений в других сферах общественной жизни. Вместо самого явления исследуются сопутствующие феномены. В итоге получается, жизнь народа подчиняется заранее принятым схемам, Такая схема, как мы помним, в советское время объективно способствовала как в исследованиях, так и в политике управления межэтническими отношениями взгляду на развитие нации и межнациональных отношений в СССР как бесконфликтному, прямолинейному. В практико-политическом плане в то время, сталинское определение нации, будучи односторонним, ориентирующим на такое понимание детерминации развития нации, когда она делалась марионеткой исторической необходимости, заложенной в процессах, происходящих в сферах социально-экономических отношений, сыграло роль идеологического обоснования политики создания безнациональной общности.

. Но нация не только объективная, но и прежде всего и главным образом, субъективная данность, представители которой, прежде всего, говорят в отношении себя “это - мы”, а в отношении других “это - они”. Нация всегда субъектна. Если она слишком долго объектна, то она теряет свойства субъектности. Более того она способна на каком-то этапе полностью потерять собственную субъектность, если достаточным образом не борется за нее. История знает случай, когда такая нация начинает тяготиться и даже гордится своей самореализацией в чужой субъектности, таковое мы наблюдаем у части современных российских татар, российских украинцев и мордвы, некоторой части казахов. Для такой категории этнической нации характерно нежелание

выразить себя в собственной этничности, что компенсируется самореализацией в чужой ипостаси. Исследователи, в частности, отмечают, что в таком положении, например, находится, в целом современная белорусская нация, которая весьма быстро теряет свою субъектность.

Иначе говоря, в определении нации субъективному его признаку, «психическому складу», на наш взгляд, необходимо дать должное место. Ведь нация, будучи формой организации человеческой жизнедеятельности, в то же время обладает и субъектными качествами. Подобный вывод необходимым образом вытекает из диалектико-материалистического взгляда. Введение в теоретическое обществоведение категории субъекта означает вычленение в человеке и человеческих коллективах наличия активного творческого начала, характеризующего его существование на основе осознания самого себя, выбора вариантов поступка, целеполагающей деятельности.

Субъектные качества нации обнимают собой все проявления психического склада людей, которое мы рассматриваем как тождественное национальной психологии. В концентрированном виде они выражают исходную основу психического склада – самосознание т.е. в способность нации и его представителей осознавать самого себя как единую общность и выражать их внешне в деятельном виде: национальном характере и национальных чувствах.

Понятие «самосознание» в характеристике нации возникает только при рассмотрении нации на основе введения в ее характеристику понятия субъекта деятельности. Иначе говоря, только вычленение субъектно-духовной природы человека, понимание объективности такого качества, подчеркивание того, что человеческая история и на уровне рода, и на уровне личностного бытия осуществляется на основе собственной деятельности, дает основание в свою очередь для выделения на субъектном уровне нации феномена «национального самосознания». Реализация этого принципа возможна на основе освобождения субъектных функции нации, т. е. возможности самоопределения и самовыражения. Эти взгляды при их корреляции с результатами рефлексии идеального этноса, с точки зрения ведущей, структурообразующей функции, и могут служить основой иного понимания нации.

Исторически человек является субъектом сознания и самосознания. Первое предшествует второму. С.Л. Рубинштейн писал: «не сознание рождается из самосознания, из «Я», а самосознание возникает в ходе развития сознания личности, по мере того, как оно реально становится самостоятельным субъектом»[6]. Формирование самих этнических общностей детерминировано социально-экономическими факторами, т.е. это объективный процесс, но при этом сам этот процесс проявляется в возникновении и развитии самосознания. В каждой закономерно возникающей исторической общности происходит совершенствование самосознанием различения своих и чужих особенностей,

отличительных черт своего этноса и чужого.

Выделяя природу этнического самосознания в сознании этноса, Гегель считал, что оно «состоит существенно в том, чтобы созерцать себя в других народах». Он утверждал, что самосознание народа - важнейшее качество и в характеристике национальной общности. Конкретизируя это положение, Гегель обращал внимание на существенный фактор в характеристике национальной общности - этносоциальную направленность самосознания, предполагающую эмоционально-оценочное отношение к представителям своей и другой этнонациональной группы. Впоследствии эта особенность самосознания оформилась в рамках тезиса-противопоставления - «мы - они». Иначе говоря этническое самосознание (родо-племенное, народности, нации), как одна из форм социального сознания формируется на основе противопоставления свойств, образов и других особенностей в процессе межэтнических контактов. Б.Ф.Поршневу писал, что «субъективная психологическая сторона всякой общности людей конституируется выражением «мы» и «они». Нет такого «мы», которое явно или не явно не противопоставлялось бы каким-то «они» и наоборот. Именно противопоставление своей общности другим всегда способствовало внутри общности фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым скреплению общности» [7]. Данные этнографии, социальной и этнической психологии подтверждают, что самосознание, в том числе и этническое, формируется на основе сопоставления и в определенных условиях и противопоставления свойств и образов своей и других общностей.

По своему подобному методологического подхода к нации в частности, придерживался и Л.Н.Гумилев, который обращал внимание на историческую эволюционность осознания общностью своего отличия от других подобных образований, самосознание, историческую память. Исходным, при переходе от одного качества осознания своей общности к другой, знаменующим переход от одного типа этноса к другому он также считал развитие антитезы «мы - они». По теории Л.Н.Гумилева люди объединяются по принципу комплиментарности, под которым понимается неосознанная симпатия к одним и антипатия к другим. Это неосознанное чувство, отмечал он, является тем вирусом, который пробуждается в определенные моменты. Начинается болезнь под названием "национализм". Каждый человек принадлежит к своему этносу - общности, которая, с одной стороны, представляет собой феномен, непосредственно взаимосвязанный с географической средой, с другой стороны, ее трансцендентное ядро - это местные нравы, обычаи, культ. И как следствие, этносы всегда различаются, ибо они основаны на разделении "Мы" и "Не -мы". Иногда к этим несоответствиям относятся спокойно, без раздражения в силу своей воспитанности, понимания, что мы все разные и не можем быть одинаковыми. Когда к различиям относятся агрессивно, не воспринимая

особенности другого этноса, это критерий заболевания. Причина его: гипертрофированное противопоставление "своего особенного" своеобразию другого этноса

Таким образом, фиксация подобной исходной состоящей в сопоставлении и в определенных условиях и противопоставлении свойств и образов своей и других общностей является исторически сквозной во всех феноменах сознания, как предшествующих, так и составляющих непосредственно само национальное самосознание, т.е. они формируются на основе осознания этнической специфики в сравнении и нередко в противопоставлении "мы" и "они", своего и чужого. Но само качество «мы-они» в этническом самосознании при смене исторических форм общностей оставаясь сущностной доминантой, кардинально трансформируется, знаменуя собой первоначально появление родо-племенного самосознания (а значит рода и племени), затем самосознания народности, (появления народности), впоследствии национального самосознания (а значит нации).

Впервые на важность национального самосознания и в целом психического склада людей в национальной общности указали в дискуссии, проводимой редакцией журнала «Вопросы истории СССР» (1966) А.Г.Агаев, М.С. Джунусов, П.М.Рогачев, М.А.Свердлин и В.И. Козлов. Они и предложили ввести категорию национального самосознания как одну из существенных признаков нации в область философских исследований и социально-культурологических направлений.

Такая точка зрения в более качественном виде, была еще предложена в 50-х годах П.И.Кушнер, который подчеркивал особое значение самосознания как «этнического определителя» [8], выдвинув его на первое место среди признаков этнической группы.

Сегодня это теоретическое положение стало общепризнанным: без самосознания этнической группы просто не существует, поэтому именно «самосознание», а не этническое сознание следует рассматривать в качестве основной отличительной черты этнической группы. Характерно, что в западной науке национальное самосознание отождествляется с этническим. Так, по мнению американского исследователя 20-х годов XX в. А. Крёбера, национальное (этническое) самосознание – это «по существу – чувство отличия или единства, ощущение границы между своей группой (in-group) и тем, кто вне ее (out-group)».

Справедливости ради отметим, что понятием «национальное самосознание» спорадически пользовались социологи еще в 20-е гг., но в тот период содержание его не подверглось сколько-нибудь специальному теоретическому осмыслению. Тем более, оно не рассматривалось в качестве существенного признака нации, как исторической общности. Но уже в 40-е годы понятие «национального

самосознания» довольно обстоятельно было представлено в 1947 г. В. Мавродиным в труде о формировании русской нации.

Однако впоследствии, совершенно определенно можно говорить о некоторой, мягко говоря, недооценке данного аспекта в научной литературе, в результате которого, начиная с 70-х годов, в исследовании проблемы национального самосознания были допущены теоретико-методологические ошибки. Некоторые ученые считали, что национальное самосознание - это нечто субъективное и инстинктивное (т.е. этноприродное – К.С.), а раз дело так, то оно не способно выполнять существенные социальные функции. Именно это природно-этническое начало с их точки зрения в национальном самосознании и есть рассадник национализма. Отсюда, как писал Э.А.Баграмов «боязнь растворить национальные проблемы в психологии... привела к тому, что обществоведы долгие годы не изучали эти явления»[9]. Понятие «национальное самосознание» надолго исчезает из научного арсенала.

Одной из причин подобного забвения этой категории были командно-административные методы, которые оказали отрицательное влияние и на общественные науки, на исследование социально-философских проблем, связанных с национальным самосознанием. На это справедливо указывал В.Ж. Келле, отмечая, что понятия «национальная психология», «национальная культура», «национальное самосознание», их соотношение - все эти дефиниции и категории не оказались в центре внимания ученых, а теоретические дискуссии никакого отношения к реальным проблемам не имели. Командно-идеологическая система вводила нашу отечественную науку в сторону от этих научных категорий. Теория лишь прикрывала независимую от нее реальную практику. В результате происходило игнорирование субъективного начала в нации, проявлялась явная недооценка его роли. Более того, многие исследователи считали, что национальное самосознание не является признаком нации.

Сегодня значимость национального самосознания как признака нации в научной литературе не отрицается. Признается, что национальное самосознание как реальное индивидуальное бытие лежащее в основе человеческих поступков, деятельности народов должно занять подобающее место в феномене «нация». Но термин «подобающее» чаще всего квалифицируется как необходимость обязательного учета национального самосознания в определении «нации». Но, на наш взгляд, этого недостаточно. Национальное самосознание, по нашему мнению, должно рассматриваться как исходный, основной признак нации. Иначе говоря, по своей сущности нация – феномен субъективный, т. е. свойство определенного содержания сознания, а именно национального самосознания.

Нация, должна рассматриваться как духовно-психологический феномен. Прежнее объективированное понимание нации рассматривающее его как сугубо

определенный порядок, организация социального явления страдало не только излишней объективацией. Одновременно такой подход не проводил и качественной разницы между различными формами исторической общности людей. Фактически получалось, что род, племя, народность, нация по своим объективным параметрам: общности экономики, территории, языка отличались друг от друга лишь размерами подобной «общности». Происходила тем самым определенная нивелировка, размывание качества лица конкретной этнической общности.

Но лицо, качество любой исторической общности выступает отличным, специфическим, когда учитывается реальность каждой в его действительном выражении - этническом самосознании. Так, самосознание рода, племени характеризуется не только узостью, но также и тем, что признак общности распространяется на людей по кровнородственной линии. Самосознание народности характеризует единые складывающиеся признаки принадлежности людей родов и племен к одной общности. Качество нации, в отличие от предшествующих исторических этнических общностей в его социальности. Зрелое национальное самосознание в своей содержательной части свободно от элементов родо-племенной принадлежности, либо их имеет как остаточные, второстепенные явления.

Сказанное отнюдь не противоречит тому, что исторически как донациональные, так и национальные формы самосознания – есть продукты развития определенных объективных предпосылок. Иначе говоря, речь не идет об игнорировании объективных параметров нации. Определяющая роль объективного начала в формировании нации не только не отрицается, а она органически предполагается. Но только общность экономики, территории, языка, культуры, других исторических факторов в этом случае выступают не признаками, а обязательными условиями, предпосылками образования нации, т.е. национального самосознания. Нация, выступая как духовно-этническое явление, отнюдь не игнорирует, а необходимым образом предполагает образование объективных предпосылок, под влиянием которых собственно и происходит формирование национального самосознания.

Национальное самосознание можно определить как совокупность знаний, оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности представления национально-этнической общности и ее членов о своей истории, современном состоянии, перспективах своего развития, а также о месте среди аналогичных общностей и характере взаимоотношений с ними. Стержнем же Национального самосознания выступает осознание людьми своей принадлежности к определенной социально этнической общности и ее положения в системе общественных отношений. Это – основной, существенный элемент национального самосознания. Определенная совокупность людей, однозначно

или приоритетно осознающих свою общую принадлежность к одной общности и есть нация. В национальном самосознании изначальным является общее чувство принадлежности определенного совокупности людей к одной определенной нации, где каждый представитель нации осознает себя как ее часть (самоидентификация). Понимание национальной принадлежности выражается в приверженности национальным ценностям, родному языку, национальной культуре, духовным ценностям своей нации. Национальная культура представляет собой естественную форму проявления и самореализации национального самосознания. В национальной культуре объективируется материальные и духовные представления нации о самой себе, о специфических чертах образа жизни, характера и т.д. И в тоже время, и развитие национальной культуры, его материальной и духовной базы выступает важнейшим условием формирования нации и его национального самосознания. Функционирование национальной культуры выступает одновременно и предпосылкой и выражением национального самосознания.

Из данного центрального элемента вытекают другие составные национального самосознания: представления об этноконсолидирующих признаках (осознание тождественности со своим этносом, сознание собственных этнопсихологических особенностей, осознание себя субъектом своей этнической общности т.е. представителем своего этноса) и этнодифференцирующих признаках(этноним – самоназвание, представления о происхождении и историческом прошлом своего этноса, этнической территории, языка, религии, культуре, экономике). Осознание принадлежности к определенной нации, представление о ее свойствах как единого целого с общим историческим прошлым, «привязанным» к определенной территории, наконец осознанное отношение к духовным ценностям своего народа и ориентация на них, — все это выступает исходным в формировании других, рационально-этнических признаков нации. К ним относятся чувства национального патриотизма, национальная гордость, национальная ответственность, национальная честь и пр., которые можно определить как национальный дух народа. Дух народа, в свою очередь выражается специфически в национальном характере каждого народа(психическом складе нации).

Таким образом, национальное самосознание по сути дела лежит в основании всего спектра проявлений духовно-психологической жизнедеятельности нации. Второй, образно говоря этаж национального самосознания образуют его общие рационально-этнические компоненты. Третий – особенности национального характера конкретного народа, через которые выражаются предыдущие компоненты.

Исходная всей гаммы спектра национальных чувств и культуры - духовно-этническое соотнесение представителей общности с определенной, конкретной

нацией. Центральноеобразующая роль осознания принадлежности к общности придает нации характер духовной природы. Иначе говоря, фактор национального самосознания выражающийся в осознании принадлежности к общности, и в наличии соответствующих национального духа (национальной гордости, патриотизма, ответственности, достоинства) и есть феномен нации как результат развития исторических форм общностей людей..

Ведь чем в конце концов отличаются нации? Тем, что каждая нация объединяет людей, которые считают себя принадлежащими к определенной, а не какой либо другой общности. В результате огромные массы людей объединяются в различные национальные общности, в зависимости от той этнической духовно-психологической принадлежности, к которой они сами себя причисляют. Общий духовно-психологический склад этнической общности выступает показателем и формой выражения нации, его сущностью И здесь вполне очевидно, что, не географические границы, ни территория, ни государственная принадлежность, ни кровь, ни антропологический тип, ни быт, ни даже язык сами по себе не являются признаками, отличающими одну нацию от другой.» Признаком, отличающим, в действительности, нацию, является уровень общего духовно-психологического единения данной исторической общности, общее чувство принадлежности к ней, вытекающее из этого чувство национальной гордости, национального патриотизма. Э. Геллнер, например, справедливо отмечает, что «обычная группа людей (скажем, жителей определенной территории, носителей определенного языка) становится нацией, если и когда члены этой группы твердо признают определенные общие права и обязанности по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства. Именно взаимное признание такого товарищества превращают их в нацию, а не другие общие качества, какими бы они и были, которые отделяют эту группу от всех стоящих вне ее». И еще по Э.Геллнеру «1 Два человека принадлежат к одной нации, если и только если их объединяет одна культура, которая в свою очередь, понимается как система идей, условных обозначений, связей, способов поведения и общения. 2 Два человека принадлежат к одной нации, если и только если они признают принадлежность друг друга к этой нации. Иными словами нации создает человек, нации – продукт человеческих убеждения, пристрастии и склонностей».[10].

В своем содержательном выражении национальное самосознание есть не что иное, как комплекс представлений национальности о себе, интересах, ценностных ориентациях, установках по отношению к другим национальностям.. Национальное самосознание – это осознание общностью, личностью себя, своих национальных интересов и ценностей, своего места в мире, значения своей истории, культуры и перспектив дальнейшего развития. Иначе говоря, нация в своей сути – это единство людей, обладающих своей собственной общностью

национального самосознания. Это единство нации не способно проявиться на уровне объективных факторов. Скорее общность языка, территории, экономической жизни, культуры – объективные признаки в сталинской трактовке в своей совокупности дают нечто похожее на единство, которое можно определить, на наш взгляд, как сходство индивидуумов, составляющих нацию. Но ведь сходство не есть единство. Сходство есть одинаковость, подобие, соответствие с чем-то, в тоже время как единство согласно толковому словарю русского языка характеризует цельность, сплоченность нации. Нация безусловно есть единство принадлежности индивидуумов к определенной, общей для всех них нации и его невозможно свести к сходству индивидов общности. Чем глубже осознание принадлежности к единой общности, тем масштабнее проявления национального самосознания (концентрировано национального духа), тем сильнее нация. Единство проявляется на самых различных уровнях носителей национального самосознания. Человек говорит в отношении себя: «Я – турок», «Я – русский», «Я – американец»; на уровне всей общности: «Мы - турки», «Мы – русские», «Мы – американцы»; в отношении своей страны, своего государства: «Турция – моя родина», «Россия – моя родина», «США – моя родина». Т.е. без национального самосознания не может быть нации. Совокупность людей относящих себя к определенной национальности составляет историческую общность называемой нацией. Именно в национальном самосознании любая нация определяет свои общие, коренные интересы, цели и идеалы, свое лицо в многонациональном мире, свое отношение к другим нациям и государствам.

Объективные факторы нации важны, но не в констатации, определении феномена существования нации. Они необходимы в процессе становления, развития нации. Но по своему значению объективные факторы не характеризуют нацию. Это вполне доказывается тогда, когда анализируется значимость конкретных объективных факторов, формирующих ту или иную конкретную нацию. Посмотрим, как приведенные объективные факторы работают на конкретных современных нациях.

Русские. Вроде бы все признаки налицо. Общность происхождения, территории, исторической судьбы, языка, национального менталитета, антропологических характеристик. Наличие своего государства, единство (хотя сейчас, довольно относительное) в православном вероисповедании. Но все же возникают вопросы. Скажем, русские в национальных республиках СССР, конечно, относились к русской нации. Тогда можно было говорить об общности большой территории - СССР. А как быть теперь, когда бывшие советские республики стали независимыми, суверенными государствами и на многих новых границ России с обеих сторон сооружаются пограничные столбы? Как быть с теми русскими, которые остаются в этих государствах? Что они перестали относиться к русской нации на том основании, что они потеряли общность

территории с русским населением России?

Швейцарцы. Государственное единство без общности языка. Известно, что в Швейцарии четыре языка, четыре этнических общности - германо-швейцарцы (65% всего населения), франко-швейцарцы (18,4%), итало-швейцарцы (9,8%), реторманцы (0,8%) - но есть единая швейцарская нация.

Казахстан - пример из нашего бытия. 30% казахов не знают казахского языка, пользуются русским языком. Так что эти 30% казахов не относятся к казахской нации?

Американцы. Ни общности происхождения, ни общности антропологического типа, ни общности менталитета. Языковая общность есть, но она роднит американцев с британцами, частью канадцев, австралийцами и т.д., то есть не является признаком национальной идентификации. Остается только общность государственной принадлежности, территории и (возможно) исторической судьбы.

Евреи. Ни общности территории, ни языка, ни общей исторической судьбы. Общность антропологического типа и исторического происхождения – более чем сомнительны. По сути, единственный формальный признак – религиозная принадлежность, да и этот признак в настоящее время относителен. Тем не менее, евреи прекрасно осознают себя отдельной нацией(на уровне самосознания) и эффективно поддерживают свою национальную идентичность, столетиями не ассимилируясь среди других народов.

Вывод состоит в том, что ни один из формальных объективных признаков нации не является необходимым и достаточным. Объективное существование нации может успешно обходиться без любого из этих признаков, если наличествует главное: факт национального самосознания.

В некоторых этнонациональных исследованиях, наблюдается определенная недооценка центрального компонента национального самосознания, игнорирование его активной роли в феномене «нация». Перечисляются духовные образования, связанные с жизнью нации, и в то же время они не дают представления о функционировании нации, о роли национального самосознания в развитии нации, в осуществлении ею деятельности, на основе которого и происходит ее изменение. Так, согласно С.Т.Калтахчяна в самосознание нации включаются: 1) сознание этнической общности и отношение к другим этносам; 2) приверженность к национальным ценностям: языку, территории, демократической культуре; 3) сознание национально-культурной общности; 4) патриотизм; 5) сознание общности в национально-освободительной борьбе. [11]. В работах М.Н.Куличенко вводится в теорию нации понятие “национальное сознание” вместо национального самосознания. В его состав включаются: национальное самосознание, этническое самосознание и сознание, осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации, осознание нацией

необходимости своего сплочения для осуществления национальных интересов, осознание всех сторон взаимоотношений своей нации со всеми народами. [12]

При кажущемся различии подходов и полемике между М.Н.Куличенко и С.Т.Калтахчяном они не имеют принципиальных различий в понимании нации. В позиции как одного, так и другого структура и содержание национального самосознания включают в себя разнородные элементы, не связанные интегрирующей идеей. Подобное же объективистское толкование национального самосознания в жизнедеятельности нации характерно и для К.Н.Хабибулина. В ряде своих работ национальное самосознание он представил и определил как “совокупность черт индивида, группы, общности, образовавшихся в процессе общения и восприятия своего отличия и сходства при соотношении с другими социально-этническими общностями или их представителями” [13]. И здесь национальное самосознание настолько объективно, что забывается, что это феномены сознания. Такой подход к национальному самосознанию лишает в понимании нации ее идеальной основы.

На практике в полной мере важность центрального места национального самосознания, в частности, было продемонстрировано событиями второй половины 80-х—90-е годы XX в., в период обострения межнациональных отношений на постсоветском пространстве. В это время процессы, как известно, объективные, так и субъективные, связанные со сферой национального и межнационального бытия, проявились в полной мере. Ведь именно феномен духовно-этнического, выражаемый в могучем подъеме национального самосознания народов бывших республик СССР и выступил тогда важнейшей побудительной силой развала Советской империи.

Нельзя не отметить, в частности, что за постсоветский период происходит определенная практическая переоценка феномена «национального самосознания», как фактора детерминирующего не только сферу межнациональных отношений, но и социально-экономических и политических отношений. Все более осознается, что сила нации определяется осознанием членами социума частью общего и единого национального организма.. В современной литературе вполне справедливо, в частности, указывается на то, что «...при объяснении неравномерности экономического развития разных стран надо, в первую очередь, исходить из представлений о состоянии коллективного (национального) духа с точки зрения содержащейся в нем энергии, то есть включить фактор духовности»[14] .

Приходит понимание, что именно по состоянию национального самосознания следует судить о силе народа, государства. Практика национальной жизни демонстрирует, что там, где фактор национального самосознания не проявляется достаточным образом, нация выступает раздробленной, слабой, не способной отвечать вызовам времени. В ней слабо проявляется национальный дух,

являющийся совокупным выражением качественного состояния национального самосознания (национальной гордости, национального патриотизма, национальной чести и пр.) Никогда не будет возвышен дух народа, который находится в постоянном унижении, зависимости и покорности. Национальный дух — это не совокупность бойцовских качеств отдельных героев и народных витязей. Это высокое чувство связано с защитой Отечества, героической борьбой народа за судьбу страны, выпячиванием и доминированием ее судьбоносных интересов. Когда привлекательная общенациональная идея охватывает весь народ, она становится составной национальной духа, выражением национального самосознания народа. Образно говоря, народ, живущий одной высокой идеей, становится всемогущим. А в экстремальных ситуациях национальный дух превращается в некую магическую волшебную силу. Недостаток общей консолидированного национального духа, например, во многом объясняет трагические события, которые происходят в современной Украине. Именно отсутствие единого и сильного национального самосознания, позволяет предположить, что в этой стране в принципе нация, как таковая, еще не сложилась. И наоборот, общая безоговорочная духовная консолидированность современной русской нации как ответ западным санкциям, попыткам США устроить кордон вокруг России демонстрирует силу современных русских, готовность нации выдержать все трудности.

Нация, таким образом - есть, прежде всего, и главным образом духовно-психологическая реальность. Ядро его образует осознанная принадлежность представителей общности к нации. Это главный и исходный признак национальной общности. Качество нации проявляется в развитости остальных признаков нации: национального патриотизма, национальной гордости, национального достоинства и пр. слагаемых, являющихся выражением национального духа народа.

С.Булгаков, писал о нации, как о «живом духовном организме», принадлежность к которому «совершенно не зависит от нашего сознания; она существует до него и помимо него и даже вопреки ему. Она не только есть порождение нашего сознания или нашей воли, скорее, наоборот, само это сознание национальности и воля к ней суть порождения ее в том смысле, что вообще сознательная и волевая жизнь уже предполагают некоторое бытийственное ядро личности как питательную и органическую среду, в которой они возникают и развиваются, конечно, получая затем способность воздействовать и на самую личность» [15].

П.Б. Струве считал, что: «Нация — это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью духа, культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого будущего». «В основе нации всегда лежит культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общее

культурное наследие, общая культурная работа, общие культурные чаяния» [16].

Нация – есть национальный дух, национальный характер, национальная гордость и пр. т.е. те слагаемые, которые свидетельствуют, что не каждый народ может быть назван нацией. Дух нации есть наиболее тонкое, глубоко интегрированное в веках национальной истории, онтологическое ядро национального самосознания. Дух нации не поддается вербальному описанию («духа не видел никто никогда»), но именно он входит как безусловное генерирующее начало во всю национальную идею, национальную идеологию и национально-историческое действие, определяя собой то, что называют *национальный характер*, являясь самой фундаментальной константой национального бытия. Где жив национальный дух, там жива и нация» [17].

Нацию в строгом смысле слова нельзя отождествлять с понятием «народ», что довольно часто встречается в популярной научной литературе. В мировой литературе сложилось совершенно четкое понимание «народа» как территориального сообщества и как согражданства. Под ним, как правило, имеется в виду все население страны. Британский, испанский, бразильский, канадский, австралийский, китайский, российский народы означает население соответствующих государств. Тот же смысл носят обозначения жителей страны по ее названию: австралийцы, бразильцы, британцы, испанцы, канадцы, россияне. Под этой категорией понимаются все жители страны разной этнической принадлежности, включая иммигрантов. Условно можно назвать эту общность народом по государству. В тоже время в определенных ситуациях или в политико-административных целях иммигранты (тем более, если они не граждане) не считаются частью соответствующего народа.

По своему характеру, внутренней сущности формирования понятие «народ» не носит характер природно-этнического феномена. Оно скорее выступает механической совокупностью, объединяющей население какого либо государства, разные этнические общности. Известно, например, из мировой истории, что сегодня иностранцы всех подданных британской короны называют «англичанами», хотя шотландцы, уэльсцы, ирландцы и другие народы, населяющие Британские острова, себя таковыми не считают. Аналогично, немцами себя считают далеко не все граждане ФРГ, помня что они баварцы, саксонцы и другие народы. Многие граждане Франции, в свою очередь знают себя не как французы, а как нормандцы, бретонцы, валлийцы и др. Долгое время, не удосуживая себя трудом разобраться, иностранцы всех подданных Российской империи, а позже и граждан СССР огульно именовали «русскими».

Следовательно, понятие «народ» используется равным образом применительно и к этническим общностям. Поэтому есть понятия русский,

украинский, немецкий, татарский, и другие народы, Отсюда вполне логично есть понятия «народы Казахстана», казахстанский народ», но есть в Казахстане казахский народ, русский народ, украинский народ и т.д. Всего в Республике Казахстан, согласно переписи населения 2002 года, проживало 158 народов или этнических групп, а вместе с подгруппами (например, казаки и поморы в составе русских, кряшены и сибирские татары в составе татар, кубачинцы и кайтагцы в составе даргинцев) общее число этнических «единиц» составляет 182.

История человечества, в том числе Казахстана знает немало примеров, когда во имя достижения общих целей создавались союзы этнических организации, казалось бы незыблемых, вечных. Нередко по отношению к ним ученые и политики применяли термин «народ», не рискуя такие общности назвать нацией. Далеко не надо ходить за примером. Таковым был некогда «советский народ», просуществовавший 70 с лишним лет и совершенно легко распавшийся.

Кардинальное отличие подобного рода исторических общностей в том, что они создавались зачастую директивно, искусственно, путем механического объединения. Не были, или были недостаточно развиты механизмы органических взаимосвязанных нитей экономического, а самое главное духовного, культурно-психологического и иного плана, которые позволили бы эту общность сделать целостно единой, неразрывной. А таковой в отличие от народа является именно нация, которая характеризуется духовно-психологической общностью.

Таким образом, понятие «народ» отражает в большей мере внешние параметры общности – территориальную, материально-культурную и пр. но в меньшей степени общность духовно-этническую. Общность людей на определенной территории так или иначе всегда является «народом». Но когда эту общность состоящую из представителей разных этнических объединений объединяет не только территория, языковая, экономическая связь, а приоритетное осознание принадлежности всех к общему целому, то здесь мы имеем дело с нацией, независимо от того, является ли она гражданской, или природно-этнической. А глубина этого осознания характеризует силу нации, ее мощь.

Сущность нации состоит в общности психологического склада и прежде всего в осознании принадлежности к данному этносу, вытекающих из них чувствах национального патриотизма, национальной гордости, национальной ответственности и пр. Такое понимание «нация», на наш взгляд, должно относиться в равной степени не только к его этническому, но и гражданскому толкованию. Скажем, употребляемые гражданские понятия «американская нация», «французская нация» несут в себе несомненно дух общности духовно-психологической спаянности, выражаемой в наличии единого национального самосознания американцев, французов.

Конечно, тот или народ в истории, как известно, также может демонстрировать высокий дух самопожертвования и готовности защищать себя. Скажем из нашей недавней, общей для народов бывшего Союза истории, высочайший героический дух продемонстрировал советский народ, который, обратим внимание, не являлся нацией. Тем не менее, несмотря на подобные примеры, представляется, что характер духовно-психологической спаянности нации и народа определенным образом различаются. Во-первых, объединение народа, построенное в большей степени на общности внешних показателей – языка, территории и пр. способно, как показывает история, демонстрировать духовное единение на исторически кратковременный период. Подтверждение тому - ситуация быстротечного развала СССР, межнациональные конфликты на постсоветском пространстве, которые весьма наглядно показали цену духовной спаянности советского народа. В то же время нации, построенные на примате духовно-психологической и этнической спаянности, общности национального самосознания, как правило, в истории показывают большую сплоченность и постоянство в защите и достижений своих интересов (вспомним, историю национально-освободительных движений и революции). Во-вторых, национальный дух, выражаемый в патриотизме нации, национальной гордости, национальной ответственности и пр., как представляется, есть следствие, прежде всего и главным образом, состояния и наличия национального самосознания народа. В то же время источником народного духа в истории тех или иных стран выступают чаще всего внешние факторы: угроза внешней опасности общей Родине, те или иные конкретные вызовы времени.

Без национального самосознания нет и нации. Более того. В широком плане, именно по состоянию национального самосознания следует судить и о состоянии нации, степени ее продвинутости, развитости, силе духа и т.д. »Именно качество нации, - подчеркивает Н.Назарбаев,- сила духа народа, способность принять вызовы времени и идти вперед, было и будет определяющим фактором успеха государства»[18]. Духовно-психологическое единство нации – это некое общее, что характеризует и объединяет невидимо определенную общность людей в единый организм. Оно возвышаясь над каждым индивидом входящим в данную общность выступает образно говоря своего рода надличностным организмом.

Силу национального самосознания, а следовательно и мощь нации зависит от степени продвинутости национальной гордости, национального патриотизма, национального достоинства, приверженности национальным ценностям, т.е. того, что вытекает из общего осознанного чувства принадлежности к одной, общей нации.

Важным, следовательно, в каждой общности выступает не только наличие, а качество национального самосознания, выражающееся в сплоченности, единстве,

приверженности общности своим национальным идеалам и ценностям, готовности их отстаивать. Именно эти показатели и характеризует развитость нации. Конечно, прибора, который может зафиксировать уровень развитости их нет и не может быть. Но в социальной философии существуют более общие понятия отражающие уровень развитости нации в целом, его сущностного признака. Ведь употребляются же в научном лексиконе понятия «продвинутая нация» «формирующаяся нация», «становящаяся нация» и т.д. Существуют «спящие нации». В Индии например, живут мале-элам. Их около 100 млн. Они имеют свой штат-state в составе Индии, свой язык на котором говорит около 100% этого народа. Они учатся на своем языке. Они имеют свой heritage. Но субъектность у них слабо выражена. Это "спящие нации". Они проснутся в один год и разбудят друг друга. А пока они накапливают свою энергию. В Российской Федерации это в известной мере якуты, тувинцы, буряты. Во всех этих понятиях, как представляется, отражается в принципе уровень развитости именно субъективного начала нации, его духовно-психологических характеристик, национального самосознания.

Иначе говоря, уровень состояния нации определяется состоянием национального духа, развитостью чувства национальной гордости, патриотизма, цивилизованностью и что немаловажно свободой сознания общности от негативных следов своего донационального прошлого.. Зрелость компонентов национального самосознания - есть показатель степени продвинутости конкретной нации. Это в равной степени относится не только к народам, которые находятся в стадии становления собственного национального самосознания, но и тех конкретных общностей, которые традиционно причисляем к развитым народам (страны Западной Европы).

В реальной жизни национальное самосознание, безусловно, в первую очередь проявляется на индивидуальном уровне, но оно также существует на уровне общности, которое существенно отличается от ее функционирования на индивидуальном уровне. Здесь необходимо учитывать вывод французского социолога Э.Дюргейма, сделанного еще в начале века о том, что социальная группа думает, действует иначе, чем ее члены, если бы они были разъединены.. Необходимо иметь в виду, что нация и индивид, как представитель этой общности, - это не одно и то же. Здесь необходимо исходить из того, что подобно тому, как общество не есть “сумма” составляющих его людей, так и общественной сознание есть не сумма сознаний отдельных личностей, а качественно особая духовная система, которая живет своей относительно самостоятельной жизнью. Национальное самосознание также представляет собой систему духовных образований, объединяемых неким интегративным элементом, и задача определения состоит в выявлении этого интегративного начала и определении национального самосознания через него.

Подобный уровень организации, заметим, в целом вообще присущ всем конкретным частностям материального и духовного мира. Известно, например, что живая материя имеет множество уровней организации, и уровень отдельного организма – далеко не высший из них. Существуют и надорганизменные уровни – такие как популяции и биоценозы. Очевидно, что это общее правило распространяется и на человека. Конечно, было бы вульгарным упрощением видеть в нации *только* популяцию людей. Понятие популяции отражает лишь биологическую составляющую человеческой природы. Однако это нисколько не отрицает того факта, что и человеческому виду присущи надорганизменные уровни организации, но имеющие не только биологическую, но и социально-культурную составляющую.

Нация - это общая совокупность людей, в которой все относят себя к определенной единой нации, т.е. обладают единым общим национальным самосознанием. Общая коллективно-субъектная самоидентификация национального самосознания выступает в нации определяющей, главной. Если же мы наблюдаем в этой общности полную разногласию и уже не можем увидеть реальность этнопсихологического единства, если разные представители одной нации самым различным образом понимают границы нации и признаки принадлежности к ней – это значит только одно: нация находится в глубочайшем кризисе. Образно говоря, она пребывает уже в бессознательном коматозном состоянии. Она может выйти из этого состояния, обретя вновь свою субъектность, а может и погибнуть, распавшись на отдельные социальные группы, племена или попросту «человеческую пыль». Нация, говоря емко, есть не механическая совокупность составляющих ее индивидуумов, а прежде всего целостный этно-духовный феномен, обладающий собственным общим самосознанием

Иначе говоря, нация – это общее духовно-этническое единство, выступающее в виде надличностного субъекта, которое не отменяется теми или иными людьми, сознательно или бессознательно выделяющими себя или попросту выпадающими из нее. Но приоритет и доминанта общего, не должны на наш взгляд, приводить к игнорированию желания личностного национального самосознания. Необходимо не только уважение, но и должное признание национального самосознания личности, его желание быть частью той или иной конкретной нации. Это в конце концов одно из незыблемых естественных прав человека.

Здесь в реальной жизни могут быть самые различные варианты. И чаще всего на уровне национального самосознания отдельных личностей. Личность, например, может не знать, или крайне слабо знать родной язык, но тем не менее он внутренне считает себя органической частью той нации, где он функционирует как государственный. Или человек территориально может жить

вне пределов своей Родины, но считать себя также частью нации, которая в ней живет. Отдельные личности, несмотря на имеющиеся у него внешние отдельные инациональные параметры (например, проживает в другой стране), совершенно четко относят себя к определенной нации. Кстати, здесь и проявляется определенное отличие понятий «нация» и «этнос». Нация в отличие от этноса - это то, что существует не во мне, а вне меня, что дано не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором. Нацию можно сменить, этнос - нельзя.

Могут возразить – это отдельные случаи, это нетипично. Но в жизни подобного рода противоречия проявляются и внутринациональных общностях, что довольно часто фиксируется на уровне общественного мнения. Для одной части казахов, к примеру, обрусевшие казахи – несомненная часть казахской нации, для других, склонных подходить более радикально такие казахи не являются таковыми. С точки зрения одних людей, казахи, не знающие родного языка, является казахами с точки зрения других – они не казахи. Таких примеров можно привести множество. В любой момент времени найдутся люди, так или иначе, не вписывающиеся в национальные стандарты общественного мнения. В этой ситуации абсолютизация стандартов способны приводить к противоречию коллективно-субъектной самоидентификации нации и индивидуально-субъективных идентификаций со стороны отдельно взятых членов этой общности. И это противоречие должно разрешаться не стандартами коллективно-субъектной самоидентификации, а самой личностью, тем к какой нации его собственное личное национальное самосознание себя относит.

Более того, реальная практика способна демонстрировать и случай, когда не только на уровне личности, но и более крупных этносоциальных групп, например диаспор именно характер национального самосознания небольшой общности, а не основного массива нации, выступает главным определителем их национальной принадлежности. Диаспоры, как известно, живут вне своей исторической Родины, не вписываются в некоторые стандарты объективных факторов нации, например, территориально, экономически. Тем не менее, в истории, в том числе современной, как правило, представители диаспоры в преобладающей себя части вполне определенно считают себя частью нации находящейся на их исторической Родине. И причина тому – их собственное национальное самосознание

Таким образом, само введение в структуру нации понятия самосознания ставит проблему нации как субъекта исторической деятельности со всеми вытекающими из этого последствиями. Национальное самосознание занимает центральное место в определении нации. Такая фиксация, будучи научно обоснованной требует и изменения представления о сущности нации. Полагаем в теоретическом обществоведении такое исследование нации—дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Браун Отто Национальный вопрос и социал-демократия. СПб, 1909, с.139
2. Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. Алма-ата, 2003, с. 143
3. Сталин И.В. соч., М., 1953, т.2
4. Ковалевский П.И. Психология русской нации. Спб, 1915, с.1
5. Жукешов Канагат Элемент родовой идентичности. Трибуна. 2013, 13 ноября
6. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 146
7. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 221
8. Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель.// КСИЭ – М-Л., 1949, вып. 8
9. Баграмов Э.А. Национальные проблемы и обществоведение // Правда, 1987, 14 августа
10. Геллнер Э. цит. Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. М., 1990, № 12, с.12
11. Калтахчян С.Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983, с.193
12. Куличенко М.Н. Расцвет и сближение нации в СССР. М., 1981, с.92
13. Хабибуллин К.Н. Самосознание и интернациональная ответственность социалистических наций. дис. на соиск. учен. степени д.ф. н. М., 1977. С.73
14. [www.apn.kz | publications|comments 146. htm](http://www.apn.kz/publications/comments/146.htm)
15. Булгаков С.Н. Из размышлений о национальности. М., 1914, с. 3
16. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи// Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990, с. 248

17.Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XX веке. СПб, 2008, с.24

18.Казахстанская правда. 2015, 21 мая

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОЙ НАЦИИ

Нация не продукт внезапного появления в истории, не словесного самопровозглашения, а результат определенного естественноисторического развития. Закономерная историческая логика развития этносов – род, племя, народность, нация. Национальные общности – продукт капиталистического развития и только. А это значит, что первые нации в истории общества стали появляться в XV в. и позже. Исторические исследования например показали, что нации образовались в Западной Европе не так уж и давно — в эпоху раннего Нового времени, а в других регионах и того позже — в Восточной Европе в XIX веке, в Азии и Африке — XX веке, так что весьма проблематично возводить их к какому-либо одному этносу. Например, французская нация образовалась в эпоху Просвещения и Великой французской революции в результате соединения различных по культуре народов — гасконцев, бургундцев, бретонцев и т. д. Многие из них продолжали существовать еще в XIX и XX веках, так до конца и не «офранцузившись».

Однако нельзя не заметить, что в последние десятилетия в отечественной научной литературе принцип историзма и конкретного подхода, особенно в отношении образования казахской нации довольно вольно трактуется. Так, некоторые отечественные ученые связывают образование, конкретно, казахской нации с социализмом. При этом подобная позиция принимается как бы само собой разумеющаяся, с советско- идеологическим безоговорочным тезисом о полной завершенности процесса образования казахской нации в процессе социалистического строительства Казахстана. Эти положение, заметим, по - прежнему, и сейчас служит для ряда отечественных ученых методологическим руководством.

Другие отечественные исследователи появление казахской нации, связывают с теми временами, когда полновластно господствовали в истории казахов родоплеменные отношения. В подобном методологическом ключе высказывается, в частности, Кадыр Ертай [1], который в своем реферате кандидатской диссертации выражает сомнительность в « правильности в отношении казахского этноса этнологического научного подхода», который предусматривает « линейность трансформации от рода к нации, по которому, как предполагается, предыдущая целостность должна полностью перейти в последующую, при этом полностью потеряв себя».

Однако на наш взгляд, с подобными довольно вольными трактовками времени образования нации нельзя согласиться. Последовательная смена родоплеменной общности, народностью, а затем нацией и их отличающихся друг

от друга типов самосознания – это историческая логика развития всех народов мира, в которой собственно не должно быть исключений для некоторых из них. Здесь совершенно уместен вывод немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля о том, что результат без пути, к нему приведшему, есть труп, лишенный тенденции. И с этой точки зрения уникальный путь казахской этноса это важнейшая и неотъемлемая часть всемирной истории. Предки казахов широко известные в летописях под различными этнонимами, прошли длительную, последовательно сменяющую этноисторическую стезю, которая в основных параметрах совпадает с мировым процессом образования нации.

Вместе с тем, хотелось бы возразить против установившейся среди известной части исследователей традиции рассматривать логику естественной смены одних исторических общностей другими как постепенное усиление и расширение значимости общности экономики, языка, территории, культуры. Такой акцент только на объективизации условий смены форм исторических общностей представляется несколько односторонним. При таком подходе исчезает сама особенность появления новой формы исторической общности, форма его выражения.

Подобная специфика каждой формы исторической общности определяется качеством этнического сознания и самосознания, происходящих под влиянием изменений социально-экономических условий. В этой связи процесс образования и формирования казахской нации - это долгий, трудный синтезированный путь, который последовательно подчиняется определенной естественно-исторической логике своего возникновения и развития. И если внешними вехами на этом историческом пути являются донациональные общности – род, племя, народность, нация, то с позиции внутренне сущностной основы - это прежде всего родо-племенное сознание, самосознание народности, национальное самосознание. Каждому качеству этнического самосознания соответствует определенное новое качество исторической общности.

Исходная историческая форма общностей народов - род и племя. Особенность их в том, что они складывается на кровнородственной основе, самобытных стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях – архетипах. Будучи чрезвычайно консервативными, мало подверженными изменениям, они объединяет индивидов одной крови, которые противопоставляются субъектам другого рода. Общее самосознание рода и племени – есть следствие общности кровнородственной. Конечно, при складывании рода и племени действуют и объективные факторы – общность экономики, территории, языка и пр. Нельзя отрицать их роль и в формировании родо-племенного самосознания. Однако социокультурные механизмы в них являются сопутствующими, доминирующими в родо-племенной общности выступают кровнородственные узы. И впоследствии, как показывает

этническая история фактор биологического живуч, консервативен, сохраняется и при образовании более высших исторических форм общностей людей. И даже в нации, высшей для современности исторической общности людей нельзя игнорировать наличие биологического. Скажем в современности,, когда мы пытаемся понять и объяснить сохранение этнической самоидентификации внутри того или иного доминирующего этноса представителей этнических меньшинств несмотря на частичную, а иногда и полную утрату языковой, культурной и социальной идентификации, мы не можем не учитывать биогенетический фактор этого явления. Ярким примером такой самоидентификации является еврейский этнос, представители которого в массе своей зачастую полностью интегрируясь в социокультурное пространство доминирующего этноса, сохраняли свою самоидентичность, благодаря кровнородственным связям и внешней идентификации по биогенетическим параметрам.

Человек рождаясь, например, уже объективно, в силу своей биологической предпосылки автоматически принадлежит к определенной нации. Биологический фактор, в частности, был и остается до сих пор во многом главным, правда формально-юридическим определителем принадлежности того или иного человека к определенной нации.

Дихотомия в противопоставлении «Я» своего этноса (рода, племени) другим родам, племенам, по мнению исследователя О.С.Терехова происходит по различным «вариациям этнических признаков»:

- в биотехносфере: от формы лица и черепа, цвета кожи (подобные признаки неизменяемы или крайне сложно поддаются изменениям до одежды, прически, оружия и мебели);

- в социосфере: от структуры семьи, рода, клана (подобные структуры крайне сложно поддаются внешним изменениям и конструированию извне), до заново создаваемых и изменчивых этнических группировок и диаспор (представляющих собой структуры с открытой возможностью вступления);

- в психосфере: от темперамента, неосознаваемых архетипов языка – генетических зататков психики, до меняющихся идей и идеологии, которые навязываются и передаются в этнической среде;

- в культосфере: от ядерных символов культуры и владения родным языком до восприятия неологизмов многоязычия и различных эффектов внешнего культурного влияния .

В рамках такой модели этнос (на уровне рода и племени) представляется в виде ядра, в которое входят представители данного этноса по праву рождения, или, «по праву крови», имеющие определенные антропологические признаки принадлежности к данному этносу, свободно владеющие родным языком без акцента, выполняющие ритуалы жизненного цикла (принятие новорожденного в

сообщество, брачные и похоронные церемонии), демонстрирующих определенное повседневное поведение, характерное для данного этноса и окружающих его слоев (оболочек этнического ядра).

Вокруг ядерной группы О.С.Терехов выделяет три таких слоя. Первый слой состоит из лиц, рожденных от моноэтнических родителей ядра этноса, но не соблюдающих традиции, которые являются обязательными для соответствующей этнической группы. Второй слой включает детей межэтнических браков, в которых один из родителей принадлежит либо к ядерной группе, либо к первому слою вокруг этнического ядра. Третий состоит из «этнических иммигрантов», не имеющих кровного родства с данным этносом, но стремящихся ассимилироваться и в определенной мере быть принятым в него[2].

Осознание специфики духовного единения «мы» обусловленное кровнородственным происхождением, в отличие от «они» выступает фундаментом общности, фактором, определяющим и решающим в жизнедеятельности родо-племенной общности. В последующем, исторической перспективе, в частности, в переходных ситуациях в развитии донациональных общностей роль этносамосознания как консолидирующего начала еще более возрастает. Более того, можно утверждать, что формирование донациональных исторических форм общностей происходит при повышенной роли этнического самосознания, которое становится главным фактором единства и сплочения. выражения народного духа. Лишь впоследствии жесткие, безусловные границы сознания “мы” – “они” становятся более мягкими и подвижными, что собственно происходит в процессе перехода от родоплеменной общности к народности, а затем, особенно, к нации. Самосознание выступает силой, объединяющей этнос и показывающей общность происхождения исторических судеб, противопоставляющей их другим этносам, подобно тому, как силы противостоят в социально-политическом отношении “мы” – “они”. Иначе говоря в процессе выделения и противопоставления «своих» и “чужих”, обособления “мы” от “они”, этническое самосознание выполняет духовно-консолидирующую род, племя, народность и нацию функцию единения. Недостаточность развитых материальных оснований этноса (общности экономики, языка, территории), до появления капитализма - процесса перехода от рода к племени, а затем к народности, компенсируется относительно самостоятельными процессами развития кровнородственной и духовно-психологической консолидации.

Родо-племенное самосознание является узким, в известной мере моносодержательным, традиционалистским. Индивид ассоциирует себя с общностью в большей степени рефлексорно, традиционно, нежели осознано, рационально. В родоплеменной структуре “я” (личность) растворено в “мы”, которое совершенно четко противопоставлено к “они”. Родовое самосознание

характеризует общность индивидов на бессознательно-традиционной, кровной основе.

Переходной исторической общностью от стадно-общинного родоплеменного сознания к национальному самосознанию выступает народность. Этническое единство народности основывается не на искусственно сконструированных региональных юридических нормах, а на стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях — архетипах. Эти этнические «коллективные представления о добре, зле, о том, чего надо стыдиться, чем гордиться и т. д.» - составляют основу оригинальной этнической нравственности, которая и регулирует внутриэтнические отношения. При этом у каждого этноса свои нравы, т. е. свои особые коллективные представления о тех трансцендентных ценностях (Боге или «суперэго»), ради которых можно и должно поступаться собственным эгоизмом — вплоть до самопожертвования.

Самосознание народности, – это более высокая по сравнению с родом и племенем ступень развития общности, ибо его функционирование все более обеспечивается социальными механизмами. Усиливается роль территориального, материального, языкового факторов, общих традиции, обычаев, культурных памятников в формировании этноса. В природе народности преимущественно, все более определено заявляют о себе социокультурные механизмы формирования этноса.

В литературе процесс складывания казахской народности относят к периоду Казахского ханства, которое можно рассматривать как его политическую основу в виде государственности. По мнению Чокана Валиханова формирование казахской народности происходило в период распада Золотой Орды, т.е. в XIУ-ХУ веках. С этого времени . происходит интенсивный процесс сложения казахской народности из различных тюркоязычных и монголоязычных этнических групп. Конкретно казахская народность образовывалась путем смешения и консолидации племенных групп ,складываясь из разноязычных и разнокультурных компонентов, (тюркоязычных и монголоязычных этнических групп), часть которых подвергалась ассимиляции и входила в зарождающийся общий этнос. Поэтому самосознание народности можно определить как переходное к нации, когда подготавливаются предпосылки для доминирования в будущем национального самосознания.

Для формирования народности необходимы следующие условия:

- 1) определенный уровень развития культуры;
- 2) собственная территория с четко обозначенными границами;
- 3) сформированное общественно-этническое сознание;
- 4) сформировавшийся язык

5) характерный внешний облик, присущий большинству этнических представителей;

6) название государства, отражающее главные этнополитические или историко-географические признаки этноса.

За многовековую историю у этнических образований на территории Казахстана постепенно создавались эти условия. Следует иметь в виду, что территория Казахстана из-за постоянных этнических миграций, связанных со смещением тюркоязычных групп с востока на запад, являлась регионом экспансии, т.е. подвергалась захватническим нападениям. Исторически в период своего формирования родоплеменная структура казахской народности находилась в мобильном состоянии. Одни родоплеменные подразделения распадались и исчезали, вторые уходили к другим этническим общностям, третьи, напротив, присоединялись, откалываясь от своих образований. Поэтому, временной интервал между двумя “критическими точками”, т.е. формированием родоплеменной организации и окончательным складыванием народности занимал долгие столетия, был в условиях кочевой цивилизации замедленным процессом эволюционных изменений. Более динамичные, радикальные по своему характеру изменения в этом процессе становились возможными лишь только тогда, когда возникал государственный строй, например, в эпоху Казахского ханства, когда происходило преобразование самого способа производства – кочевое хозяйство постепенно уступало место земледельческому, а родоплеменные отношения эволюционировали к территориально-земляческим.

Несмотря на это, процесс расового - генетического становления казахского этноса протекал непрерывно. Интенсивное этническое смешение, особенно в эпоху гуннов, тюрков и, конечно же, монгольское нашествие, наложило свой отпечаток на внешний вид казахов, облик которых представляет собой смешение различных рас.

Свидетельством становления казахской народности является и образование общего для казахов языка, который начался формироваться еще в эпоху кыпчакской конфедерации. В значительной степени это было связано с усилением связей между различными частями территории страны, складыванием общности культурной и хозяйственной общности. Эти факторы создавали более благоприятные условия для этнической консолидации, укрепления этнического единства и этнического самосознания. Постепенная неуклонная эволюция хозяйства, сдвиги в характере общественных отношений, укрепление феодальных начал естественно содействовали объединению родственных по языку однотипных в хозяйственно-бытовом укладе жизни племен и племенных групп и способствовали сложению новой этнической общности феодальной эпохи - народности и возникновению государственности. Но в тоже время, казахские

жузы и после образования народности во многом сохраняли состав племен и племенных объединений прошлого. Такая генетическая связь прослеживается в родоплеменной структуре казахов, в однородности их хозяйственных и культурных форм, образа жизни и быта, общности территории.

В качестве духовных факторов сплочения выступали также и фольклорно-эпические сюжеты, которые были широко распространены в годы Казахского ханства (жырау, акыны и т.д.). Данные этнолингвистики и археологии свидетельствуют, что именно при казахской народности постепенно складывается общее самосознание всех казахов и самоназвание «казак», появившееся еще в XV в., под которым эта общность стала известной своим соседям. И хотя впоследствии оно исторически менялось на название «киргиз-кайсаки», термин собственно «казахи» уже отражал новую складывающуюся историческую общность этнического сознания людей.

В этой связи нельзя не сказать, что наличие этнического сознания необходимо предполагает существование общего названия этноса – этнонима (от греч. этнос – народ и лат. *nomina* – название, имя). У этноса может быть несколько названий, одно из них – самоназвание, другие – имена, даваемые данному этносу людьми, принадлежащими к другим народам. Этническое самосознание невозможно без самоназвания. Если члены той или иной культурно-языковой общности не обладают этническим самосознанием, то эта группа не является этносом. Важно, что это происходило под влиянием растущего значения социальных механизмов консолидации общности. По мнению антрополога М.В. Крюкова “критическая точка”, “прерыв постепенности” характеризуется формированием у того или иного этноса прежде всего “отчетливого самосознания, одним из проявлений которого является возникновение общего самоназвания”, что и свидетельствует о “завершении процесса этногенеза”[3].

Появление самоназвания свидетельствовало о появлении общих этнических приоритетов казахов, что существенно сказывалось на уровне осознания идеалов и интересов складывающейся народности. Этнические приоритеты обуславливались коллективной идентичностью на базе общности «крови и почвы», т.е. представлениями о едином этнониме (самоназвании народа), общем происхождении членов этноса, его едином историческом прошлом, этнической территории, а также некритическим отношением к сложившимся традициям, идеалам, ценностям. На формирование самосознания влияли также религиозные воззрения ислама, возникшие в казахских степях с У11 в. воздействующие на менталитет народа, на его мировосприятие в контексте мировой цивилизации.

Собирательный этноним «казах» уже выражал общие параметры формирующейся казахской народности. В иерархии идентичности и сопряженной с ней аксиологической иерархией понятия «казах», «арыс», «алаш», как

отмечается в литературе, в целом однозначно доминировали в сознании морально адекватного большинства над узкоплеменными ценностями. Но в то же время при народности превалирование понятия «казах» происходило одновременно при все еще сильных позициях родового сознания. Консолидированное начало казахского народа только складывалось. И как результат, этническое сознание индивида в это время представало двояким. С одной стороны оно выступало в виде родственного отношения к своему соплеменнику, на основе родовой принадлежности. С другой, проявлялось все более крепнущее, чувство общности с другими казахами, совместной защиты своих интересов, противопоставлении их чужакам.

Консолидированность общего казахского самосознания на уровне народности в частности, наглядно проявлялась в борьбе против джунгарских завоевателей, совместной битве казахов в знаменитой Анракайской битве и др. Как известно, казахам пришлось вести частые освободительные войны против внешних завоевателей. Формирование патриотического сознания играло определяющую роль в преодолении центробежных тенденций, связанных с проявлением «корпоративных» родо-племенных интересов, в растущем процессе осознания принадлежности к одной единой этнической общности. В частности, по мнению И.Ерофеевой:»Анракайская битва, где по ее мнению на первый план выступило величие национального духа, является эпохальным событием в истории казахского народа. Эта битва имела для казахов то же значение, что Куликовская битва для русских, или Курская дуга для Советского Союза. Казахский народ осознал-таки свое единство, неразрывную целостность и взаимосвязь. То есть был дан мощный толчок формированию национального самосознания казахов, становлению чувства уважения к себе и своей истории. Казахи стали воспринимать себя не как отдельно взятые аргыны, кыпчаки, найманы или шапрашты ... Теперь они стали говорить: «Я – казах!, «Мой народ», «Моя страна».[4].

Соглашаясь с общей оценкой значимости Анракайской битвы 1729 г. все же заметим, что в это время общность казахов только начала формироваться.. Казахи жили в условиях складывающейся народности, при которой родо-племенные узы были еще сильны... Эта общность не была и не могла быть национальной, ибо последнее связано с образованием капитализма, появлением национального самосознания. Времена же Казахского ханства – это период складывания казахской народности.

Безусловно, существовала и общность территории в складывании казахской народности. Но этот фактор действовал довольно слабо в складывании этнической консолидации. Здесь не надо забывать, что казахи долгое время, $\frac{3}{4}$ населения вплоть до 30 – х годов XX века находилось в кочевом и полукочевом состоянии. С самого начала развития этноса территориальный ареал

расселения казахов, в частности, был исторически традиционно огромным, несоразмерным с массой населения проживающих в ней. Отсюда интенсивные контакты казахского населения были затруднены не только в силу сохраняющихся родо-жузовых отношений, но и по причине природного фактора – громадности территории. Подобная разбросанность казахов не могла приводить к устойчивым хозяйственным и иным связям и как следствие негативно сказывалась на процессе общей этнической консолидированности самосознания народа.

Следует учитывать и слабость политического фактора. И здесь даже проблема не в том, являлось ли Казахское ханство государством или нет, это дискуссионный в науке вопрос (мы сторонники констатации Казахского ханства, как государства, но специфического, кочевого). Вопрос еще и в том, что при Казахском ханстве рода и племена сохраняли серьезно свою самостоятельность. А это значит, что еще довольно сильны были позиции родо-племенного сознания. И как историческое время показало впоследствии казахи и после Казахского ханства еще продолжительное время жили в раздвоенном личностно-этническом самосознании, когда они себя относили не только к единой общности – народности казахов, но и одновременно к тем или иным конкретным родам, племенам. При этом, влияние второго в тот исторический период времени, было значительным, ибо интересы рода, племени все еще нередко были приоритетны над этносамосознанием отдельного индивида. Родовые, жузовые и другие земляческие узы оставались еще довольно длительное время устойчивыми, консервативными. Они не заменялись полностью территориально-земляческими, а продолжали играть важную роль в общественной и личной жизнедеятельности казахов. Складывающееся как кочевое государство Казахское ханство не могло серьезно повлиять на процесс образования и складывания этнической консолидации казахов.. Поэтому, не совсем правомочна позиция, согласно которой единая казахская нация, «образовалась уже при появлении первого казахского ханства, когда ряд родов и племен объединились в одну политическую нацию на основе политической идеи степной свободы»[5].

Хотя автор обратит внимание, говорит не о нации в этническом смысле слова, а о политической нации, тем не менее, с его суждением нельзя согласиться. Нация как бы она не называлась, появляется, как показывает мировой опыт истории в период капиталистического развития.

Механическое объединение казахских родов и племен далеко еще не свидетельство образования нации, которая качественно отличается от предшествующих общностей. И дело не только в том, что говоря словами Л.Гумилева этнос есть «естественная общность», а нация – продукт социально-исторического развития. Здесь еще в полной мере надо учитывать еще качество различия этнического и национального самосознания. Исторически род и племя

связано с господством родо-племенного сознания, которое в силу присущего ему дифференциального начала не может выступать последовательно объединяющей силой народа. Но родо-племенное сознание и при народности сохраняет серьезные остаточное влияние. В то же время национальное самосознание, принципиально отличаясь от донациональных форм общностей характеризуется общим, объединяющим чувством принадлежности к единой общности, при котором групповые рецидивы сознания либо вообще исключены, либо второстепенны, имеют тенденцию окончательного отмирания.

Казахская народность, формирующаяся в условиях Казахского ханства в большей степени выступала культурно-языковым и бытовым феноменом. Более того, и после процесса присоединения Казахстана к России казахи, по нашему мнению продолжали жить в состоянии формирующейся народности. И тому есть свои причины.

Весомым фактором, обуславливающим отсутствие национальной консолидированности казахов в период XIY –XU являлось родо-племенная дифференциация, которая сохраняла в обществе все еще сильные позиции. Об этом вполне определенно пишут В.И.Бушков и А.С.Толстова, утверждая, что этническая консолидация казахской народности к началу XX в. еще не была завершена [6]. Среда казахов к середине XIX века насчитывала свыше 40 крупных племенных групп. Вплоть до Октябрьской революции родоплеменная общность в среде казахского населения занимала весьма серьезный удельный вес. При этом не меньший, чем этническое самосознание в целом для казахов. Примечательно, что энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона издававшийся в конце даже XIX – начале XX веков отмечал, что отдельные лица из киргиз-кайсаков (тодашнее русское название казахов) иногда обозначают свою национальность общим именем «хасак», но чаще определяют ее наименованием того рода, к которому они себя считают принадлежащими [7].

В подобной традиционной системе индивиды осознавали себя не только представителем казахской народности но и органически соотносили себя с определенным родоплеменным подразделением. В какой-то мере такое массовое сознание народности можно назвать “плавающим”. Оно как бы “плавает” между состоянием формирующейся народности, и существующим все еще крепким родоплеменным состоянием этнического развития. Этносоциальное развитие казахского общества в продолжение столетий представляло собой процесс эволюционирования от родоплеменной организации к сознанию народности, нации, а порой, временно и наоборот. Очередной рецидив отклонения от магистрали в сторону родоплеменной (правда на бытовом уровне) мы видим даже в начале XXI в, в условиях государственно-политической независимости Казахстана, когда казалось бы архаизм родового сознания вполне очевиден. Поэтому можно утверждать, что рецидивы такого своеобразного

«плавающего» состояния национального сознания проявляются и сегодня, по крайней мере, в этнобытовой сфере и в определенных известных социальных ситуациях.

Словом казахское самосознание в период формирования народности выступало внутренне противоречивым, что определялось не только логикой его собственного развития, но и сочетанием в нем консервативности, инертности, традиционности, а с другой стороны - пластичности, способности к обновлению, впитыванию новаций. Эта амбивалентность усугублялась впоследствии еще и противоречивостью социального процесса присоединения Казахстана к России, которое, играя роль и стимулирующего и тормозящего фактора, гармонизировало или же приводило к дисгармонизации всей системы духовно-этнических связей и отношений казахского этноса.

Именно этой противоречивостью этнического самосознания казахов на стадии народности, в зависимости от новых социальных отношений на рубеже XIX начала XX в. как известно замечательно была описана великим Абаем в его всемирно известном произведении «Слова назидания». Зарождающиеся новые социальные отношения, связанные с присоединением Казахстана к России вступающие в острое противоречие с вековыми патриархальными устоями казахов создавали в тот период историческую массовую духовную драму казахов привыкших жить и общаться по старинке. Отсюда боль и беспощадное бичевание Абаем атмосферы чванства, ничегонеделания, взаимного никчемного препирательства, отсутствия потребности в деловой, рациональной работе, которые по мысли поэта выступают общими, отрицательными качествами казахов этого времени по сравнению с другими народами. Примечательно, что поэт не упоминает и не анализирует в этом произведении родовые отношения (хотя позиции его в это время были довольно сильны) а фиксирует свое внимание на общих этнических особенностях казахов, характеризующих формирующуюся казахскую народность.

Во времена Абая еще не было казахской нации. И это естественно, ибо нация складывается там и тогда, когда формируются капиталистические отношения. Такова азбука не только марксизма, но и, что любопытно, ряда антимарксистских буржуазных теорий. Капитализм создает объективные предпосылки появления нации, которые И.Сталин ошибочно называет признаками этой исторической общности. Речь идет об общности экономической жизни, территории, языка, культуры. Факт остается фактом: невозможно отрицать в процессе формирования нации факт многовекового существования народов на определенном территориальном пространстве, роль коммуникативных отношений осуществляющихся в них через стабильное функционирование определенного языка, локализованных во времени и пространстве культур, как форм и способов деятельности человеческих коллективов, выходящих в своей

организации за пределы естественнородовых отношений. Поэтому речь в данном случае должна состоять не в отказе от данных очевидных объективных оснований развития народов, а в адекватной их оценке в феномене «нации. Иначе говоря, национальное самосознание, как сущностный признак нации формируется не автономно, не сам по себе, не под влиянием естественно-биологических предпосылок, а является продуктом определенных социальных условий, возникающих при капитализме.

Иначе говоря, национальное самосознание - главный, основной признак нации формируется не сам по себе, а под влиянием объективных социально - экономических предпосылок. Нельзя игнорировать роль объективных условия в формировании национального самосознания, которые выступают органическими слагаемыми образования нации. В противном случае создается основа для понимания национального самосознания как сугубо продукта духовного саморазвития. Здесь как раз и создается почва для известного утверждения западного исследователя Андерсена о том, что нация – надуманное понятие, это воображаемая реальность (8) ,

Но с этим нельзя согласиться. С нашей точки зрения, национальное самосознание – будучи по природе духовно-психологическим выражением нации, есть продукт определенных объективных предпосылок, возникающих с образованием капитализма.

Как устойчивая общность людей, нация не может возникнуть в эпоху феодальной раздробленности и экономической обособленности, ибо они не способствуют формированию общности. Только капиталистический способ производства, разрушающий хозяйственную замкнутость, создает общность экономической жизни людей, общий мировой рынок, что является материальной основой для развития наций. Общность экономической жизни при капитализме выражается в наличии общественного разделения труда, развитии региональной, хозяйственной специализации, экономического взаимодействия между различными районами страны. И.Сталин писал: «Вопреки вашим ошибочным утверждениям не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое. Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими

и культурными центрами» [9].

Интенсивный взаимообмен товарно-денежных отношений, характерный для рынка в условиях общественного разделения труда, способствует постепенному и неуклонному формированию общих духовно-этнических признаков людей этнической общности, развитию национального самосознания. Объективная логика появления нации является естественноисторической. В течение длительного исторического периода характеризуемого К.Марксом эпохой господства отношений личной зависимости [10], а Ф.Теннисом – господством общности (Gemeinschaft) существуют такие общности, которые можно подвести под понятие этноса. А с утверждением сначала в Западной Европе, а затем постепенно - и в большинстве регионов мира эпохи, именуемой К.Марксом эпохой вещной зависимости [10. с.101] , а Ф.Теннисом – обществом (Gesellschaft)[10. с.9-10] начинают формироваться и утверждаться нации. В этой связи связь между этносом и нацией есть, прежде всего, связь между менее развитой формой общества и более развитой. Это – отношение по «вертикали», или «по иерархии» согласно диалектике развития более развитая форма снимает внутри себя менее развитую.

Здесь важна естественноисторическая связь, когда нация выступает как следствие появления рынка, капитализма, его социальных предпосылок. Порой оппоненты возникновения нации при капитализме ссылаются на то, что де эта формула действует в западных странах, а в восточных она не срабатывает. И в самом деле,, формирование западно-европейских наций и их выделение из единого котла средневековой римско-католической цивилизации более или менее исторически совпадает с развитием капиталистических отношений.

Поэтому определение наций в качестве структур буржуазного общества на материале Западной Европы работает почти без натяжек. Но эта формула работает и в азиатских странах. В Китае капитализм возник в XIX в. и насчитывает в общей сложности два столетия своего существования, что способствовало развитию китайской нации. В Японии буржуазное общество стало быстро формироваться после знаменитой революции Мэйдзи, что также не могло не иметь благоприятные последствия для появления нации японцев. Другой вопрос, можно говорить об определенном своеобразии общей закономерности появления и развития нации в этих двух странах, что обусловлено спецификой их традиционных установок общественной жизни, влиянием конфуцианской философии и пр. Подобная же азиатская специфика, но несколько своеобразного плана, исторически проявилась и при складывании казахской нации. В частности, она как представляется, связана в большей степени с драматическими страницами казахской истории XIX, XX века. В известной мере «азиатский» след проявляется и в современной полосе развития казахской нации.

Но обратим внимание, специфика не та, которая свидетельствовала бы о возможности появления казахской нации при другой формации нежели капитализм. Некоторые отечественные исследователи склонны отрицать позитив капитализма в формировании казахской нации. Так, уже вышеупомянутый выше исследователь Кадыр Ертай считает, что колонизация Российской империей Казахстана является процессом, который являлся только препятствием на пути сложения казахской нации ибо «любая форма колонизации служит тормозом этногенеза»[11].

Однако с такой позицией нельзя согласиться. Здесь в объяснении подобной исторической ситуации методологически важную роль, на наш взгляд играют мысли К.Маркса из его работы Ф.Энгельсу, где он пишет: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю подлость и славянскую грязь, господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[12]. Впоследствии эта мысль, более развернута, была представлена в известной работе К.Маркса «Британское владычество в Индии», где он указывает, что всякая метрополия по отношению к своей колонии неизбежно выполняет две органически связанные функции. С одной стороны – колонизаторскую, когда метрополия грабит природные богатства своей колонии, использует ее как сырьевой придаток, с другой – цивилизаторскую – когда она объективно способствует развитию в ней определенной материально-промышленной базы, культуры, национальной интеллигенции, приобщению к цивилизации.

Кадыр Ертай прав в том, что он отмечает одну, отрицательную сторону влияния русской колонизации, на процесс складывания казахской нации. Это факт, что царская Россия своей политикой способствовала в своих колониальных интересах внутреннему расколу казахского народа, задерживала ростки казахской нации. Показательна в этом плане установка императора Александра II и генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда в 1850 г.: «Проводить среди казахов Запада политику подчинения царю постепенно, не спеша, потихоньку, обратить особое внимание на усиление межродовых и межплеменных конфликтов, чтобы ослабить их внутреннюю силу и заставить их потерять единство. Нет единения – нет успехов в их деятельности» Подобные действия отмечал прямо проф. Р.Смал-Соцкий есть не что иное, как «политика уничтожения нерусских народов как нации». Выражая ее конкретное содержание депутат Госдумы царской России Марков отмечал: «Киргизы «казахи – потомки орд Чингизхана и Тамерлана и ... с ними нужно поступать так, как поступали с краснокожими в Америке» [13].

Но в то же время весь мировой опыт развития колониально зависимых стран показывает, что метрополия сама того не желая, объективно создает в них условия для формирования нации . И такой объективной основой формирования

национального самосознания являются ростки буржуазных отношений, возникающие под влиянием метрополий в колониях.

Исключением из этого правила не являлось и присоединение Казахстана к России. Под влиянием царской России, в Казахстане стали появляться ростки промышленных предприятия, возникала национальная интеллигенция, менялось система образования и пр. Хотя капиталистические отношения в казахской степи были развиты очень слабо. А это соответственно свидетельствовало о том, что материальная база формирования казахской нации являлась недостаточной. Между тем лишь полный цикл развития капитализма создает благоприятные возможности для появления развитой национальной общности (например, современные западноевропейские народы). И наоборот, недостаточное развитие товарно-денежных, рыночных отношений затрудняет естественный процесс развития нации, способствует длительной консервации донациональных отношений.

Реальность такова, что по общему признанию, как такового капитализма зрелого, развитого в исторических судьбах казахского народа не было. К моменту Октябрьской революции казахи подошли, имея господство патриархально-феодальных и родовых отношений, которые соседствовали как следствие присоединения Казахстана к России с развитием слабых капиталистических общественных отношений. Строительство дорог, создание укреплений, административно-территориальное деление, введение повинностей, налогообложения, установление типов торговли и религии, переселение народов – все это в известной мере нарушало номадизм как органическую основу прежнего, отживающего казахского бытия. Однако не в той мере, чтобы говорить о зрелых материальных условиях образования нации.

Экономическая экспансия царизма имела своей целью закабаление казахского населения с помощью хозяйственных рычагов и превращения казахских земель в сырьевой придаток Российской империи. Интеграция Казахского ханства в систему экономики Российской империи способствовала разрушению натуральных форм хозяйства. Но развитие капитализма в казахской степи было по сути дела представлено обрабатывающими, сырьевыми приисками и предприятиями, которые к тому же принадлежали в основном иностранным, в меньшей мере русским капиталистам. Национальной казахской буржуазии как класса, фактически не существовало. И хотя, в социально-классовой среде были отдельные предприниматели-казахи, которые занимались перекупкой и перепродажей в основном сельскохозяйственного сырья, но представители коренного населения, которые занимались бы производством и продажей не то чтобы промышленного, но даже сырьевого товара отсутствовали вообще.

В этих условиях внутренний рынок был развит крайне слабо. Он сводился по сути дела к взаимобмену и то довольно слабому между громадным аграрным

регионом Казахстана и слабо развитыми промышленно-сырьевыми районами России. Поэтому рынок межрегиональный в Казахстане был более развитым, более интенсивным, нежели внутренний. Все это приводило к тому, что характер экономики, рыночных отношений, в силу крайней их слабой развитости, отсутствия широкого взаимобмена товарами между регионами делал хозяйство казахов в основном и главным натуральным.

Подобный уровень развития экономического фундамента общества с преобладанием докапиталистической материальной базы объективно не мог радикально сказаться на ломке все еще преобладающего патриархально-родового сознания, способствовать интенсивному сложению единых духовно-психологических качеств казахской нации. Тех самых качеств национального самосознания, при котором казахи чувствовали бы однозначную духовно-психологическую соотнесенность с одной единой общностью. Родо-жузовое сознание оставалось все еще сильным и, по-прежнему, серьезно дифференцирующим казахский народ на узкокорпоративные этнические общности.

Поэтому, вполне определенно можно утверждать, что к началу XX века казахский народ еще не имел условий сложиться в единую нацию. К этому историческому сроку, на наш взгляд нет полных оснований для применения понятия «нация», ибо реально казахи представляли собой в большей степени докапиталистическую общность. Объективно казахский народ к этому времени еще выступал не окончательно сформировавшейся национальной общностью. Можно сказать, новое социально-этническое целое, в значительной мере являлось складывающимся, имеющим черты механистичности, известной искусственности. Здесь докапиталистическое целое выступало превалирующим, в тоже время как его составные части все более модернизировались. Отсюда проявлялась, прежде всего, неполная духовно-национальная консолидированность казахского народа. Акцент в данном случае выражался в недостатке развитости именно общих, единых духовных параметров казахского национального самосознания, которые обуславливались слабостью развития материальных условий капитализма.

Все это создавало ситуацию, при которой можно сказать казахской нации как таковой в дооктябрьский период времени еще не было. Поэтому следует признать неточным слова известного казахского просветителя Ахмета Байтурсынова, который в конце XIX начале XX в. в одной из своих публицистических работ писал: «Само существование казахской нации стало острой проблемой». Сказанное в эмоционально-гражданском порыве оно, скорее характеризует трагическое, бедственное положение казахского народа после восстания 1916 года, нежели отражает его зрелое национально-этническое состояние в то время. В это историческое время логично предположить

доминирование в среде казахского народа родства, (от третьего до седьмого колена) землячества, деление на родовую и жузовую принадлежность, но не единой нации казахов.

Более того, на наш взгляд, нет оснований говорить об окончательной завершенности формирования казахской нации, и в последующий, послеоктябрьский, социалистический этап развития Казахстана. Такая точка зрения, заметим, существенно расходится с известной аксиомой советского обществоведческого подхода, которая утверждала обратное, пропагандируя идею окончательного формирования казахской нации как исторической общности при социализме. Исходная такого объяснения образования казахской нации была идеологической, ибо образование казахской нации рассматривалось как результат определяющего воздействия господства общественной (государственной) собственности на средства производства. Такая позиция одновременно не признавая рынка при социализме, считала, что нации в коммунистической формации образуются под влиянием принципиально иных материальных, политических и духовных предпосылок нового общества.

На наш взгляд, все же более точно утверждать, что в период советского периода создавались более благоприятные, в том числе материальные, по сравнению с царским временем объективные предпосылки для складывания казахской нации. Реальное становление казахской нации в СССР также происходило в условиях рынка, но рынка своеобразного, общесоветского. С теоретической точки зрения нельзя не учитывать, что экономическая основа нации – рынок реально выражается в истории в различных вариациях, что не может не сказываться на состоянии и зрелости национального самосознания. Такой рынок управлялся одним единым хозяином – всемогущим государством, монополизировавшим всю собственность советской империи. Подобное своеобразное проявление одного из основных признаков «азиатского способа» производства в условиях реалии советского социализма (по сути азиатского социализма) не могло не сказаться на характере формирования и развития нации в республиках СССР. В истории советских нации такой монополизированный рынок, объективно своим механизмом разделения труда и взаимобмена производства между разными республиками раздвигал рамки личностного мира, ломал узкоэтнические стереотипы человеческого сознания, способствовал формированию общих национальных признаков общности. Но в то же время тотально-монополизированный характер партийно-политической надстройки и государственной собственности, отсутствие обстановки свободной экономической конкуренции объективно сдерживало проявление национально-этнического многообразия народов и личности, ограничивало мир всеобщей социальной связи человека с действительностью.

И здесь, для понимания характера воздействия экономических предпосылок

на формирование казахской нации существенно важно учитывать, что развитие товарно-денежных отношений Казахстана происходило в рамках общесоюзного, всего советского межреспубликанского механизма производства и обмена. Как известно, в Советском Казахстане в результате крупных социально-экономических преобразований развивалось внутрирегиональное и межреспубликанское общественное разделение труда, происходил обмен товарами и материальными ценностями. Такой обмен, осуществляясь на основе товарно-денежных отношений между индустриальными и аграрными сферами общественной жизни придавал в целом социуму СССР промышленно-производственный характер. Это был процесс функционирования социалистического рынка хозяйства, внутривластьственная деятельность, которой как при капитализме также основывалась на циркуляции товарно-денежных отношений. Хотя существенное отличие социалистического рынка было в том, что оно базировалось на государственной собственности, при отсутствии частной. Тем не менее, специфический рынок на иных, нежели капитализм характере формы собственности также проявлялся в своем функционировании на общественном разделении труда между регионами, взаимном экономическом обмене между ними, наличии интенсивных хозяйственных связей между республиками, областями, отраслями народного хозяйства. Товарно-денежный обмен между промышленным Карагандой и сельскими регионами, между фруктово-овощными районами юга страны и зерноводческими, животноводческими территориями Казахстана, между другими регионами осуществляясь на денежном эквиваленте, объективно способствовал развитию общих духовно-культурных и психологических признаков казахской нации.

Но рынок в Казахстане был не национальный. Республика являлась органическим слагаемым общесоюзного рынка. Поэтому подобное функционирование общесоюзного рынка при диктате государства в огромной экономической империи приводило к тому, что в сознании народов СССР постепенно становились преобладающими не столько национально-этнические, а сколько элементы общесоюзного сознания. Все более сокращался удельный вес условий способствующих развитию природных компонентов национального самосознания конкретных народов и соответственно увеличивалась доля материальных предпосылок развития т.н. интернационального общесоюзного сознания. Существенно развитию этой тенденции способствовала проводимая руководством Центра страны идеологическая причина: общесоюзная политика руссификации. Она привела к тому, что в годы Советской власти историческая память казахов не только постепенно забывала свой родной язык, но все больше усваивала идеологические, ритуальные праздники, события и ценности русской истории, русского языка и культуры.

Во-вторых следует учитывать, что преобладанию общесоюзного и

нивелировке национального сознания казахов способствовала и ситуация, связанная с изменением численности национальных общностей в Казахстане т.е. больших и малых наций. В частности, в процессе освоения целинных и залежных земель в Казахстане, как известно, произошло демографическое изменение соотношения населения республики, в ходе которого коренной этнос в крае стал меньшинством. Справедливости ради отметим, демографические процессы в сторону уменьшения удельного веса казахов складывались и ранее. Так, еще до Октябрьских событий, уже с начала 60-х годов XIX века в казахские земли начинается интенсивное переселение жителей России. В частности до конца века в Казахстан было переселено 1,5% миллиона российских крестьян. В результате меняется демографическая ситуация. Уже к началу 1914 года численность казахов в регионе составляла 58,5 %, а русских – 29,6 %.

Освоение целинных земель в Казахстане с привлечением большого числа переселенцев привело к еще большему существенному изменению демографической диспропорции в стране. По переписи 1959 г. в Казахстане казахов насчитывалось 2 мл. 787 тыс. человек, т.е. уже всего 29 % от общей численности населения. И такая демографическая тенденция в процентном соотношении, характеризующаяся постепенным падением удельного веса основного этноса сохранялась в Казахстане вплоть до начала 90-х годов XX в. Ко времени приобретения независимости в 1991 г. из 2,7 млн. кв. км территории около 650 тыс кв. км самой плодородной земли целых районов, областей запада, севера, востока и юга республики, особенно города, были заселены переселенцами русского, славянского происхождения (для сравнения – в Алма-Ате казахов было всего 17 %.). Таким образом, казахское общество из этнически однородного стало полинациональным. И это обстоятельство не могло не сказаться на определенном размывании и потере именно национально-этнических компонентов казахского сознания, и благоприятствовании условию развития общесоветского сознания. В результате суммарно складывались объективные слагаемые не сколько для естественнонационального, а сколько для роста компонентов руссифицированного казахского сознания.

Заметим, полиэтнический состав республики сам по себе не способен создавать сложности и трудности формирования казахского национального сознания. В реальности, многообразие нации и национальных культур в любой стране, их взаимообмен обогащает, делает красочней духовную мозаику любого общества, государства. Этническое смещение - это всемирный естественноисторический процесс. Об этом свидетельствуют факты на всех континентах, во всех государствах мира живут мирно и спокойно трудятся выходцы из многих стран Европы, Азии, Америки, Австралии без национальной напряженности и острых конфликтов, потому что там нет нарушений прав человека, нет преследований по национальному признаку. Сказывается и

цивилизованность гражданского общества, и иное сознание, чем в районах с межнациональными конфликтами. Для подтверждения своей мысли приведем следующие данные. Сегодня вне своей основной территории проживает свыше 9% общей численности голландцев, около 10% англичан, свыше 12% поляков, около 14% шведов, около 16% итальянцев, свыше 16% португальцев, свыше 17% греков, около 12% австрийцев. У некоторых народов доля в инонациональном окружении существенно ниже: японцев - 1,3%, китайцев - 2,6%, турок - 5,8% .

Иначе говоря полинациональность любого государства – это благо. И примером этому являются современные государства Западной Европы, которые активно формируются за счет мигрантов Азии, Африки. Но благо тогда когда проводится правильная, устраивающая все этносы национальная политика, когда этносы входящие в единое государственное образование имеют возможности для свободного беспрепятственного самобытно-культурного развития, своего национального самосознания. И отчасти, в ходе социалистического созидания СССР подобные условия для развития и формирования национального самосознания казахов были. Так, серьезную роль в развитии национального самосознания сыграли процессы территориальной скученности, пришедшие на смену кочевому образу жизни. Произошедший в середине 30-х годов процесс перехода от кочевого образа жизни к оседанию был революционным актом способствующий территориальной общности казахов. Политика оседания бывших кочевников, проводимая советской властью способствовала в известной мере национальной консолидации, развитию общего этнического самосознания казахского народа.

Мощной предпосылкой формирования казахского этнонационального сознания явилось развитие советской культуры при СССР. Создание десятков школ, театров, домов культуры, ликвидация неграмотности произошедшая в середине 30-х годов, открытие вузов в республике приобщили массы к мировым духовным ценностям, способствовали ликвидации былых архаичных предрассудков, вестернизировали сознание казахского этноса.

Но в целом, оценивая в стратегическом плане национальную политику Советской власти можно однозначно констатировать, что она не способствовала свободному развитию национально-природных элементов самосознания народов СССР. В частности, уже изначально в начале 30-х гг. XX века в истории Казахстана произошел процесс форсированного одномоментного насильственного массового оседания казахов-кочевников, слома их историко-цивилизационной формации (идентичности) - основы субъектности, исторической самостоятельности любого народа. Большевики пошли против законов естественно-исторической эволюции. Ведь известно, что кочевнический способ производства складывался в казахской степи на протяжении нескольких тысячелетий под воздействием географической среды и климата, корни этого

процесса уходят в эпоху бронзы. Ему в засушливой степи Казахстана просто не было альтернативы.

Широко известно, что ряд философов, культурологов и геополитиков особо выделяют среду обитания этноса как базовое системообразующее понятие. Именно оно естественно предопределяет и формирует хозяйственную основу этноса, которая далее определяет содержание и основные ценности их политико-экономического, социального и культурного развития. Так, например, понятия «месторазвитие этноса» Л.Н. Гумилева в книге «Этногенез и биосфера Земли», или «географический индивидуум или ландшафт» П.Н. Савицкого в «Географическом обзоре России-Евразии» рассматриваются как единство этноса, его территории и социально-политической среды».

Единство двух факторов: объективного (природно-географического, технологического начал) и субъективного (общественные формы сознания - культура, государство, религия) обобщаются в понятии «психосоциокультурная матрица». Именно она формирует образ жизни, базовые мироориентации человека и этноса в целом.

Поэтому такой резкий переход, скачок казахов-кочевников от одного способа бытия в полностью противоположный, сопровождался трагическими последствиями в различных аспектах (отсутствие квалификации, навыков производственно-технологического труда, личностные трагедии связанные с адаптацией к новой среде и т.д.)

Следует помнить, что целевой установкой идеологизированной национальной политики советского времени была идея слияния всех нации в СССР. Как известно государственная национальная политика была основана на пресловутой сталинской «теории» о том, что должен быть единый советский народ (без деления на нации) и единый государственный язык, «каковым должен быть русский язык».

При этом с установкой: возможно в более быстрые исторические сроки и под эгидой верховенства культуры и языка русского этноса. Такая идеологическая теоретическая доктрина сыграло свою пагубную роль. Исходя из нее одним из методов уничтожения казахской нации была избрана искусственно созданная ассимиляция коренного населения. Она осуществлялась разнообразными средствами: путем плановой мобилизации неказахского населения для пополнения трудармейцев в Казахстане в годы войны и последующие годы индустриализации; выселения в Казахстан раскулаченных в период коллективизации; депортации корейцев с Дальнего Востока, а также кавказских народов и немцев во время войны и вербовки многомиллионной армии целинников на освоение казахстанских степей.

Форсированная модернизация степи сопровождалась уничтожением скотоводства и кочевого хозяйства казахов, их быстрого насильственного

оседания и организации в коллективные хозяйства. Статистика того периода показывает масштабы катастрофы: 10-кратное сокращение поголовья скота с 40,5 млн. голов (до коллективизации) до 4,5 млн. голов на 1 января 1933 года, и одновременно, стремительная динамика создания колхозов: 2% в 1928 г., 50% в 1930 г., 65% в 1931 г. [

Были репрессированы, уничтожены и изгнаны представители как традиционной элиты (чингизиды и кожа, родовые бии, зажиточное байство), так и пассионарный слой мыслящей интеллектуальной элиты, участвовавший в создании и деятельности партии «Алаш», национальная интеллигенция в различных сферах деятельности.

Старое традиционное казахское общество было обезглавлено и лишено всяких традиционных ценностей, ориентиров и тысячелетних регуляторов, как например, обычное право, шариат, морально-этические нормы, традиции.

Новое бесструктурное аморфное оседлое общество было присоединено к новому российско-советскому паровозу и заново переформатировано как ведомый вагон. Эти трагические процессы ломки прежнего кочевого строя и образа жизни сопровождались насаждением советской идеологии, русификацией, отрывом и отчуждением автохтонов-казахов от своих национальных корней, от своей истории, религии, культуры и языка.

Таким образом, в 30-х годах XX в. была полностью разрушена исходная многовековая духовная основа казахов, распространившаяся в казахской степи еще с X в.: ислам, тенгрианство и вера в духов предков-аруахов, игравшие огромную роль в духовно-нравственной жизни народа. Под их непосредственным воздействием формировалась вся традиционная культура и мировоззрение казахов начала XX гг. Подобная участь постигла и суфизм, который ранее выступал важным и близким по духу кочевникам-казахам. В результате, основы религии, морально-этических норм духовной жизни, наряду с языком и самобытной устной мифо-эпической культурой делавшие культуру казахского народа неповторимой и своеобразной были искоренены из самосознания народа.

В общественно-социальной жизни казахов шло ведение в жизнь упрощенной линии насаждения национальных ценностей, обычаев, культуры ведущего этноса, в данном случае русского народа, в жизнь, ментальность, сознание других народов, входящих в СССР. И это не могло не сказаться на том, что многие советские народы, в том числе казахи, потеряли, забыли некоторые исконно присущие им национальные ценности. Тотальная русификация, например, привела к тому, что подрастающее поколение не знало собственной национальной истории, но зато прекрасно усваивала соответствующий курс по истории русского народа, русской литературы. Произошла в целом, под влиянием идеологизированной национальной политики задержка естественных циклов развития этноприродных процессов, в частности национального

самосознания многих нации страны. При этом в среде народов СССР казахи были наиболее податливыми этому идеологическому воздействию. Будучи коренным этносом, в своей республике казахи оказались не только в численном меньшинстве, но и в массе своей (половина населения) не знали к моменту получения своей независимости своего родного языка, своей национальной истории. Но ведь еще Маркс утверждал: «чтобы уничтожить народ нужно у него отнять язык».

По данным переписи 1959 года казахи на своей родине превратились в национальное меньшинство, и составили всего 29,8 % (для сравнения: в начале XX века – более 85 %, что явилось демографической катастрофой. – данные Жасарал Куанышалина.). Такое изменение соотношения пропорции населения вполне соответствовала идеологической линии Советской власти, что с удовлетворением отмечал Н.С.Хрущев «Если царь в течение долгого времени не смог заполнить людьми этот регион, используя царские методы, то нам удалось это сделать, применив советский метод»[14]. И только к 1970 г. казахи восстановили свою численность на уровне 1926 г. До голода в Казахстане в 1932—1933-х годах в Казахстане в этническом отношении доминировали казахи, но только в 80-х годах XX-го века они достигли пропорционального соотношения в 50 % по отношению к другим этносам в Казахстане

Нельзя не учитывать, что катализаторами, которые способствовали торможению, медленным темпам эволюции развития этнонационального самосознания выступали и другие обстоятельства трагически сказавшиеся на судьбах формирования нации. Так, громадный урон становлению казахской нации был нанесен массовым голодом начала 30-х годов XX в. По разным данным в результате в течение 1931—1933 гг. умерло от голода половина, или даже 65-70 % казахского населения, что составляет примерно 4,048 млн. человек.[15].

Часть казахов были вынуждены были откочевать в Китай, Монголию, Ирак и Афганистан. Согласно некоторым источникам численность казахов, совершивших такие вынужденные миграции оценивается в более, чем в 1 млн. человек. Количество казахов на территории Казахстана сократилась более чем наполовину.

Численность народа – цифра статистическая и казалось она не имеет какого либо отношения к развитию нации, его духовно-этническому состоянию. Но такой взгляд неверен. Во-первых, как известно без определенной численности населения, компактно живущей на определенной территории, говорящей на одном языке, объединенных культурно нет ни народа, ни нации, ни какой либо иной этнической общности. И во-вторых, и это главное, мы обращаем внимание не сколько на численную констатацию числа умерших, хотя она сама по себе ужасает, а сколько на то, как сам процесс повального, вымирания людей влиял

на духовно-этническое настроение людей, как пропагандистская машина освящающая «Голодомор» отрицательно сказывалась на национальном самосознании казахов.

И здесь надо обратить внимание на то, что «Голодомор» являл собой отнюдь не бессмысленный процесс физического вымирания тысяч людей. Сам этот акт, продолжавшийся несколько лет сопровождался постоянной идеологической обработкой мозгов, основанной на лжи о том, что у казахов не было прошлого, не было государственности, предки были дикими кочевниками, и только благодаря помощи «старшего брата» русских казахам суждено стать цивилизованными. Казахская кочевая культура была просто сломлена и уничтожена, выброшена как ненужный хлам, который нужно стыдиться из-за его кажущейся отсталости и дикости. Историческое сознание казахов формировалось ущербным. В результате, казахи у себя на родине стали чувствовать себя второсортными. Искусственно созданное превосходство одного народа над другим ущемляло национальное достоинство казахов, оно становилось заниженным.

Происходил процесс регресса, деградации, постепенной ликвидации базовых элементов национальной культуры и национальной самоидентификации, эти катастрофические потрясения 1920-30-х гг. до сих пор сказываются в наше время. Сознательно и бессознательно, явно или скрыто, в массовое сознание внедрялась европоцентристская установка и даже убеждение, что кочевая культура - всего лишь тупиковая ветвь развития, тотальная дикость и отсталость. Вместе с правдивой историей древних номадов - саков и гуннов, половцев и хазар, «татаро-монгольских завоевателей», отрицался гигантский вклад кочевников в мировую культуру, построение ими мировых империй. Например, имевшее глубокие золотоордынские историко-генетические корни, Московское государство рассматривалось как всего лишь победа славян и руссов над дикими татаро-монгольскими завоевателями, не давшими ничего позитивного, лишь законсервировавших и изолировавших поработанные народы от передовой Европы. Эти установки и постулаты настолько глубоко пустили корни, что до сих пор дают о себе знать. Прогресс всецело отождествлялся только лишь с пролетарской, потом советской и, в целом, с европейской культурами. Отсюда недостаточная развитость не только национального достоинства, но и национальной гордости казахов – это проблема, сказывающаяся до сегодняшних дней и отмечаемая рядом современных исследователей.

В то же время в 1920-30-е годы борьба с неграмотностью носила в Казахстане массовый характер, так как практически все население, от мала до велика, осваивало письменность и грамоту через новые языки. Но, несмотря на успехи в народном просвещении, создании системы школьного образования, открытии ВУЗов, академии наук, массовых казахских СМИ, закладке основ и институтов современной русско-европейской культуры и профессионального

искусства (открытии театров оперы и балета, оркестра народных инструментов, клубов и кружков, музеев, зарождении кинематографа и т.д.), проблемы сохранения и развития традиционной автохтонной культуры оставались в тени. Массовая ликвидация казахских школ, отсутствие преподавания на казахском языке в средних и высших специальных учебных заведениях привели к угрозе исчезновения самобытной культуры народа.

Для развития любого казаха, его дальнейшего карьерного роста, необходимо было знать русский язык и азы марксизма-ленинизма-сталинизма, вступить в Коммунистическую партию и придерживаться принципа пролетарского интернационализма. Знание же родного языка и культуры никак не поощрялось и не приветствовалось.

Со всей определенностью надо отметить, что процессу этнического национального сознания казахов не способствовали и развитие культурно-языковых процессов советского Казахстана. Особенно губительны были непродуманные реформы казахского алфавита, когда в 1929 году арабская графика была отменена и введена латиница, а затем и ее сменила кириллица в 1940 году. Тем самым в истории республики была произведена двойная смена графической основы казахского языка, что сделало недоступным культурное наследие на арабской письменности, и наряду с репрессиями против творческой интеллигенции негативно повлияло на состояние языка, литературы, духовной жизни в целом. Двойная смена графики – это был инструмент колониальной языковой политики направленной на разрушение основы языка, литературы, культуры. К этому ряду этноцида (подавление национального языка, культуры, религии, их ассимиляция) следует отнести русификацию казахского языка: принятие за его графическую основу русского языка с буквами (е, ц, ч, щ, ь, идр), для обозначения неприсущих казахскому языку фонем, написание заимствованных слов из русского языка в русской орфографии. Что в совокупности вызвало «эрозию» (болезнь) фонетической, лексической, орфоэпической, синтаксической основы казахского языка, способствовало обеднению и засорению казахской лексики.

Нельзя не учитывать, что каждый язык несет в себе кроме набора символов и звуков еще и способ мироощущения. Шпенглер обращал внимание на то, что «расовая черта содержится уже в том, как укладывается в предложения то, что необходимо сообщить. У ТАЦИТА и НАПОЛЕОНА предложения не такие, как у ЦИЦЕРОНА и НИЦШЕ. Англичанин синтаксически подразделяет материал иначе, чем немец. Не представления и мысли, но мышление, образ жизни, кровь определяют в языковых общностях – первобытной, античной, китайской, западноевропейской – тип разграничения предложений как единств, а тем самым – и «механическую» связь слова с предложением».

Язык – средство выражения внутренней структуры национального колорита,

имеющей национально-культурную специфику. Несовпадение родного языка и этноса – тенденция все более набирающая силу в условиях советского Казахстана свидетельствовала о факторе языковой ассимиляции, смены родного языка. Нация, усваивающая в массовом количестве язык другой общности меняет свою национальную психологию, становясь все более похожей на внутренний мир этого народа. Исчезал национальный колорит, связанный с казахским образом жизни (топонимы, ономастика, реалии, слова, обозначающие родственные отношения, национальные и религиозные обряды, отражающие признаки эпохи, национальной манеры, облика, поступков и т.д.). С другой стороны происходила утрата казахского колорита, связанная со спецификой языковой структуры: идиомы, пословицы и поговорки, вульгаризмы, жаргонизмы, диалектизмы, междометия, сравнения, эпитеты и др. Все эти рассмотренные нами элементы национальной культуры и этнической психологии составляют ядро структуры этнической психологии. Психический склад этноса представляют собой различные системы, различные типы внутренней организации, связанные между собой отношениями взаимосвязи и взаимовлияния. Руссификация языка все больше приводила к тому, что в среде казахов увеличивалось количество людей самоотчужденных от своей нации, при котором русский язык признавался вторым родным языком. Между тем понятно, что родным языком может быть только один – родной.

Происходила постепенно утрата культурного фона слова, в результате которого язык превращался сначала в «домашний» язык, а затем в своеобразный «пинжин рашн», язык общения на узко бытовом уровне (процесс фоссилизации)

Так была похоронена прежняя традиционная казахская культура, а на ее обломках была построена советская коммунистическая культура и идеология, была искусственно прервана преемственность поколений носителей казахской культуры, был репрессирован и уничтожен целый пассионарный слой мыслящей интеллектуальной элиты, участвовавший в создании и деятельности партии «Алаш» (А.Букейханов, А.Байтурсынов, М.Дулатов, М.Тынышпаев и др.). С уничтожением мыслящей и руководящей элиты традиционное казахское общество было само просто уничтожено. Физическое уничтожение более половины казахского этноса, ликвидация его традиционных духовно-культурных устоев и носителей его государственности, веры и культуры сказываются до сих пор. Идет ли речь о конформизме и малодушии казахской интеллигенции, тотальной русификации горожан или отсутствии иммунитета казахов к сектантским религиям и верам (ваххабизм, кришнаитство или баптизм).

Массовое закрытие казахских школ, особенно в 50-е годы прошлого столетия, освобождение от обязательного изучения казахского языка в русских школах с 1955 года, внедрение среднего специального и высшего образования на русском языке несло ассимиляцию коренного населения: в советское время

родным языком владела лишь четвертая или пятая его часть. Развитие казахского языка застопорилось, он стал в основном бытовым. Повсеместное распространение и утверждение в массе казахов русского языка, руссифицированная культурно-образовательная политика не способствовали формированию национального самосознания казахов.

В целом, преподносимая как национальная, казахская литература на самом деле утратила свои национальные корни вместе с утратой кочевой культуры. Формировавшаяся в первой трети XX века культура и литература была атеистической и советско-тоталитарной, она подстраивалась под стандарты «социалистического реализма» и партийно-классовой пропаганды. Все это в совокупности способствовало становлению деформированного национального самосознания казахского народа. В нем продолжали набирать силу уже отмеченные ранее «плавающие» тенденции, которые размывали национально-природную выраженность национального самосознания казахов. Национальное самосознание казахов все слабее проявляло свой естественно-природный потенциал (чувство национальной гордости, казахский патриотизм и пр.) В то же время увеличивалось значение элементов общесоветского (руссифицированного) сознания (общесоветская гордость, советский патриотизм и пр.), при сохраняющихся элементах родо-жужовой психологии. При этом интенсивность формирования руссифицированного сознания в среде казахов было даже выше, нежели в других основных этносах союзных республик СССР. И как итог, фактически к концу советского периода развития казахская нация, как таковая, своего завершеного, развитого состояния развития не достигла. Все это создавало обстановку возможного катаклизма для перспектив дальнейшего развития казахской нации. Само существование казахской нации к середине 80-х годов XX в. стало под вопросом.

Хотя заметим, с точки зрения, формально-объективистских, юридических параметров – общности экономики, территории, языка казахская нация имела казалось бы объективные предпосылки для своего развития. Однако по существу эти предпосылки больше являлись основанием развития общесоветского (руссифицированного) сознания казахов, нежели природно-этнических элементов в нем. Все это подтверждает слова известного политического русского деятеля начала XX в. П.А.Столыпина: «Народ, не имеющий национального самосознания, есть навоз, на котором произрастают другие народы».

История не раз показывала, что в критические для образования и существования нации времена исключительно большую роль призваны играть представители национальной элиты (пассионарии). Здесь мы исходим из того, что национальное самосознание – есть результат не только объективной логики развития, но в значительной мере инициативы и усилия активных, динамичных социальных слоев и групп, выражающих интересы своей нации и является

результатом их убеждений, интересов и стремлений. И здесь мы вполне согласны с мнением известного ученого, философа Бенедикта Андерсена, который писал: «не нация формирует национализм, а национализм формирует нацию»[16]. Идей национализма формируемого лучшими представителями нации способны рационально выразить общие национальные идеалы, идей своего народа, единый национальный дух, концентрированный национальный интерес своего народа.

Известно, что национальность есть явление интеллектуального порядка, поэтому интеллигенция полнее других слоев общества выражает национальную идентичность народа. Однако надо признать, что ни в царской империи, ни в советское время подобная национальная сила в Казахстане так и не сумела в полной мере проявиться. И хотя основные контуры реального существования казахской интеллигенции уже явственно проявлялись к середине 30 годов XX в., ее лучшие сыны (Ахмед Байтурсынов, Алихан Букейханов, Мыржакып Дулатов и др.) были обвинены в национализме и фактически уничтожены, репрессированы. Но ведь национализм национализму рознь. Есть негативный национализм, проникнутый возвеличиванием своего национального и пренебрежением к другим народам. Подобный национализм не имел и не имеет корней в менталитете казахов. Но есть и другой национализм, добивающийся свободы своего родного языка, культуры, образования национального государства. И вся формирующаяся казахская интеллигенция 30-х годов боролась за практическую реализацию идей здорового национализма, того национализма, который мог бы ускорить развитие казахской нации. Но, к сожалению, в силу уничтожения казахской интеллигенции степень воздействия их на рост национального самосознания казахского народа не проявилась в достаточной мере.

Таким образом, успешное промышленное развитие, насильственное оседание и формирование колхозов, культурная модернизация Казахстана в первой трети XX века, имевшие положительные результаты в количественном и материальном исчислении, сопровождались русификацией и европеизацией всех сфер национальной жизни казахов. И как результат, сформированное этническое национальное сознание казахов не было полновесным, свободным в своем природно-этническом проявлении. Были слабо закреплены сложившиеся на протяжении длительного времени народные обычаи, традиции казахов, богатство родного языка, национальные моральные и социальные нормы, культурные и духовные ценности. Фундаментальные ценности этнического национального сознания казахов не получили своего полноценного развития. Происходил на протяжении всего советского периода развития казахов процесс усиления доминирующей тенденции складывания общесоветских элементов сознания. В целом, на протяжении 70 с лишним лет, как в Казахстане, так и в СССР, складывались более благоприятные материальные, политические,

культурные предпосылки для развития не сколько компонентов национального, а сколько интернационального самосознания – советского патриотизма, общесоветской гордости и др.

Полновесные условия для естественно-природной самореализации национального потенциала общности возникают только после получения государственно-политической независимости Казахстана. История развития казахского народа в целом распорядилась так, что, не пройдя в царской империи полный цикл капитализма, а фактически его только задев, бывшая окраина перешла к 70-летнему полновластию социализма, после которого опять начался, но уже естественный период начального этапа развития капитализма. Общий позитив тенденции развития несомненен. Сегодня после получения государственно-политической независимости РК есть все основания утверждать, что современная казахская нация имеет объективные предпосылки формирования нации, в виде своей общей территории, языка, экономики, культуры, благотворно влияющих на формирование казахского национально-этнического самосознания. Все это позволяет говорить, что именно с начала 90-х годов XX в. собственно и начинается полновесный процесс формирования казахской нации, как таковой.

Под влиянием рыночных отношений меняется качество национального самосознания казахов, оно переходит в новый этап своего развития. Одновременно национальное самосознание в условиях мировой глобализации испытывает на себе мощное воздействие сложного комплекса разнородных связей, отношений, пластов – культурных, цивилизационных, идеологических, находящихся в постоянном движении. В современном национальном самосознании казахов возрастает потребность осмыслить историю казахского народа сформулировать перспективы его развития и на этой основе построить некую целостную социально-историческую систему, состоящую из наиболее характерных для нации политических, идеологических, экономических, культурных и иных образований, сведенных воедино в пространственно-временной форме. Все это обогащает казахскую нацию, выводит ее на новый уровень самоорганизации, определяет ее лидеров, возглавляющих борьбу за реализацию национальных интересов, обозначает цели и задачи национального развития. Нынешнее поколение казахов заново переосмысливает особенности своей общности, формирует национальное самосознание в соответствии с современным ему миром. И безусловно, исходная основа столь масштабных перемен в благоприятном развитии национального самосознания казахов находится в развитии Казахстана, начиная с 90-х годов XX в. рыночных отношений в производстве.

Но было бы определенной вульгаризацией выводить формирующееся новое национальное состояние казахской нации непосредственно из материально-

рыночных отношений. Здесь отношения между национально-духовным и материальным более сложнее. Было бы правильнее сказать, что общественное разделение труда, экономический взаимообмен между регионами на определенной территории, развитие товарно-денежных отношений в новом Казахстане непосредственно формирует общие социально-духовные признаки людей: рациональность, деловитость, инициативность, рачительность и пр. всех казахстанцев. Но это рационально-деловые качества людей, необходимые и обусловленные широким развитием рыночных отношений не имеют сами по себе национально-этнической окраски. Иначе говоря, если говорить о непосредственной воздействии рынка, специализации производства и взаимообмена между ними то оно проявляется в формировании рационального нравственно-делового общества, но отнюдь не национально-этнического. Другое дело, что сама нравственно-моральная этика и психология рыночного общества, складывающаяся на базе товарно-денежных отношений, в свою очередь преломляется и выражается через духовно-этнические механизмы каждого народа. Среди них - образ жизни конкретного народа, существующий темперамент людей народа, его обычай, традиции. В результате и создается при всяком рыночном обществе, особенно в период его становления тот причудливый, многообразный колорит национальных характеров, психологии, уровня продвинутости и зрелости национального самосознания представителей разных народов столь различный в условиях одной страны, современного Казахстана.

Именно с такой точки зрения подобного учета конкретного и общего, и думается надо подходить к состоянию и оценке современной казахской нации. Здесь следует учитывать, что сама природа развития национального самосознания представляет собой сложный, длительный естественный процесс, связанный с эволюцией самого народа и не всегда однозначно характеризующийся поступательными качественными и количественными показателями роста. Национальное самосознание вообще формируется не только поступательно, но и противоречиво, под влиянием различных социальных и исторических предпосылок в ходе развития истории. Поэтому в оценке состояния казахской нации целесообразно учитывать как сложности влияния условия на развитие национального самосознания в истории, так и собственно специфические трудности исторического развития казахского народа.

Оценим в этой связи общую ретроспективу истории развития казахской нации. Ведь фактом сегодняшнего дня является то, казахская нация в современном его виде, причудливым образом сочетает в себе как достоинства, так и недостатки своего исторического прошлого и настоящего. Нельзя не учитывать, в частности, что формирование казахского национального самосознания объективно в

истории шло с перерывами (неполнота развития капитализма до Октябрьской революции, недолговечность пока развития рыночных отношений после 1991 г.), что также не способствовало стабильному и уверенному росту национального самосознания. Действие объективных предпосылок формирования казахской нации в не позитивном плане усугублялось и специфическими историческими обстоятельствами трагического плана в судьбах казахского народа. Здесь, в частности, нельзя не сказать о страшных годах казахского «Голодомора, когда от голода в 30-е годы умерло почти половина казахского народа. Необходимо вспомнить тяжесть и трагические последствия для казахов последствий процесса насильственной коллективизации, действия официальной политики руссификации. Все это социальные деформации во многом и объясняют слабую выраженность развития этноприродных начал начала национального самосознания казахов.

Но были в истории казахского народа периоды, когда национальное самосознание казахов под влиянием временных демократических веяний формировалось особенно интенсивно. В этой связи нельзя не сказать, что события декабря 1986 года имели огромное историческое значение для роста национального самосознания казахов. Многие тогда впервые задумывались о своей национальной принадлежности, вспомнили свои корни, историю, культуру. Именно тогда актуализировался вопрос национальной идентичности. Кроме того, данные события стали катализатором появления новой идеологии, идеологии национал-демократии, основными принципами которого стали вопросы отказа от коммунистического партийного диктата, возрождение национальной культуры, языка, истории казахского народа. Это было первой формой оппозиции коммунистической идеологии. Впоследствии возникли соответствующие политические организации. Это движения «Невада-Семипалатинск», партии «Желтоксан», «Алаш».

Подобного рода конкретные социально-политические процессы и события укрепляли и формировали национально-этнические черты самосознания казахского народа, способствовали духовному возрождению нации. Однако в целом, в историческом прошлом казахов особенно в советское время не складывались полновесные условия для проявления зрелого состояния казахского национального самосознания. По сути, основные его проявления были подменены формированием слагаемых общесоветского самосознания. Вместо национальной гордости развивалась общесоветская гордость, вместо национального патриотизма советский патриотизм. Национальная идентичность казаха, как впрочем и любого представителя другого народа СССР замалчивалась и происходило официальное декларирование особенно за рубежом общесоветской идентичности. Национально-культурные и исторические основы формирования собственно национального самосознания казахов постепенно

угасали (сокращалось количество казахских школ, забывался родной язык, обычай, традиции, приходила в состояние забвения историческая память народа и т.д.).

И как итог, состояние современного казахского национального сознания сегодня можно уподобить длинному составу вагонов, где головная часть отражает начальный этап современного капитализма, середина связана с тоталитарным прошлым, а задняя несет в себе следы былого донационального патриархально-феодалного прошлого. И как следствие, складывающееся сегодня национальное сознание казахов наряду с формирующимся чувством этнической общности, единства, самым противоречивым образом сочетает в себе еще привычки приверженности узкородовым традициям, жузового чванства, элементы руссифицированного сознания. Поэтому можно констатировать, что в силу упомянутых исторических своеобразных обстоятельств, придававшим условиям образования казахской нации известную специфику, и сегодня, в начале XX 1 в. национальное самосознание казахов еще не сформировалось в окончательно зрелом виде. Ведь когда нация еще не сложилась в полной мере, национальное самосознание, как правило, отягощено донациональными формами сознания.

Интересный показательный пример в этом плане приводит казахский поэт Олжас Сулейменов. Он вспоминает, как в 1983 г. был в африканской стране Руанде где вместе со съемочной группой делали фильм к 20 – летию освобождения от «бельгийского владычества». Прекрасная страна, добрые, счастливые, свободные люди. Президент пригласил посетить через десять лет, к следующему празднику Освобождения. Но в 1993 году президентский вертолет упал. Президент был из племени хуту (или тутси?). Обиженные тутси (или хуту?) достали мачете и за неделю во взаимной резне пало более миллиона человек.

Пример этот показателен, где родоплеменное сознание себя проявляет себя в столь дикой, характерной для первобытности черте. Но столь нецивилизованно оно проявляет себя и в повседневных, будничных отношениях людей, выражаясь своеобразно в работе государственных органов, кадровой политике, производственной атмосфере.

В современном Казахстане, казахи не будут братья за мачете для выяснения личностных отношений. Но, тем не менее, некоторые способны вполне по тем или сиюминутным житейским ситуациям руководствоваться в своей деятельности рецидивами родоплеменного сознания, которое способно уживаться с растущим национальным и интернациональным сознанием. Вот примеры, о которых все знают ввиду их типичности.

Скажем, руководитель – казах, переезжая главой района или области, перевозит и свою команду единомышленников, значительная часть из которых из его рода. Или, будем справедливы, казахи аула нередко стараются показать себя

не реальными деловыми выдающимися успехами, а памятниками мнимым батырам, которые принадлежат к их роду. Некоторые казахи, добившиеся богатства и имеющие бразды управления, стараются своеобразно увековечить имена своих родственников, переименовывая названия улиц и скверов.

Примеры такого рода можно множить. Но есть общее слагаемое в подобного рода фактах – узость сознания, общее состояние которого нельзя назвать однозначно родоплеменным. Скорее эти факты характеризуют то состояние и уровень сознания, когда мы уходим от родоплеменного, но еще окончательно не подошли к не просто к объединяющему всех казахов, а цивилизованному национальному сознанию. Тому, при котором существовало бы не только общее, но это общее выражалось бы в массовом появлении «атомарных единиц», т.е. личностей-казахов делового, предпринимательского плана, не побоимся сказать этого слова люди, в которых начисто были бы исключены психологии «агашек», «татешек» Безусловно, процесс формирования таких личностей в современной казахской среде идет. Не замечать их, это означало бы противоречить живой жизни, тем же современным фактам, которые формируются под влиянием растущих рыночных отношений.

Нужно учитывать и ту пока сохраняющуюся тенденцию, когда современное казахское национальное самосознание выступает по-прежнему «плавающим» но уже не в двойном, как ранее, а можно сказать тройном отношении. Помимо собственно национально-казахских элементов, оно сейчас содержит в себе как упомянутые родо-жузовые, а также советско-русские компоненты, что в целом свидетельствует о пестроте самого качества и характере противоречий современного типа национального самосознания казахов.

Все это является свидетельством того, что ныне национальное самосознание казахов будучи разнородным лишено в известной мере четких зрелых национально-этнических параметров. Не удивительно отсюда некоторые политики, публицисты довольно своеобразно определяют некоторые черты современного казахского национального сознания. Так, к примеру, публицист Сакен Жунусов полагает, что важнейшими чертами казахского национального характера являются “родоплеменная общинность”, “ордынство”, “коллективизм” и “крепостничество”. Однако с такой характеристикой образа национального самосознания современных казахов никак нельзя согласиться. Автор здесь не учитывает, что сама природа нации в ее классическом виде, как исторической общности предполагает не реанимацию норм и ценностей донациональных общностей, а наоборот, их отсутствие.

Нельзя согласиться и с другой довольно широко распространенной позицией, согласно которой настоящий казах – тот, «кто кушает бешпармак, баурсак», «знает родной язык», «соблюдает давние традиции, обычай» и т.д. Но такая позиция невольно отождествляет природно-этнические, бытовые характеристики

казаха с его национальными признаками, которые реально выражаются в духовно-этнических признаках: чувстве приверженности своей нации, национальной гордости, чувстве казахского патриотизма и т.д. Более того, выскажем, возможно, небесспорную мысль. Кушать бешбармак и даже знать казахский язык – это еще не означает принадлежать к казахской нации, ибо хотя они важны, но не всегда выступают показателем наличия национального самосознания на уровне того или иного лица.

После получения государственной независимости РК были созданы не только политические, но и необходимые иные предпосылки благотворного развития национального самосознания казахов. Важно, что в условиях государственной суверенизации Казахстана рыночная экономика все больше приобретает черты индустриального общества, что более благоприятно сказывается на развитии нации. При таком обществе рынок постепенно, но неуклонно устанавливается в качестве, по выражению Хайека (Пагубная самонадеянность) расширенного способа социального взаимодействия. Рынок индустриального общества стремится достичь такой структуры общения, которая придает взаимодействию между людьми общечеловеческий характер, с одной стороны, а с другой – характер индивидуальной конкуренции. Такой рынок через посредство универсального механизма ценового (информационного) распределения ограниченных ресурсов связывает каждого отдельного человека в своих экономических решениях со всем обществом и человечеством.

Чрезвычайно важным, на наш взгляд представляется, что казахская нация в условиях рынка все более становится общностью независимых, автономных личностей, проявляющих себя в своеобразных общественных отношениях капитала. Рынок в современном Казахстане объективно формирует через посредство развития малого и среднего бизнеса нацию, которая все более состоит из общности «автономных личностей», свободных в своем сознании и психологии от свободных от родовых, племенных уз и отношений, элементов руссифицированного сознания. Появление и расширение такой массы «автономных личностей – позитивная тенденция. Она свидетельствует о том, что происходит процесс изменения самого качества казахской нации. Поэтому нельзя согласиться с мнением в отечественных СМИ, когда этих личностей правильно определяя «новыми казахами», не всегда вкладывают порой в него позитивные характеристики.

По своей сути "национальное самосознание, - пишет Ю.Халасинский, польский ученый, - рождается не из безрефлексионной принадлежности к своему племени в условиях, когда это родное ему племя для индивида является единственной возможностью человеческого существования. Национальное самосознание – это продукт социальной подвижности, пространственной и психологической. Национальное самосознание – это уже самосознание

индивидов, обладающих автономной личностью"[17]. Автономная личность, т.е. личность, обладающая некоторым набором ценностей, идей и нормативных элементов, не совпадающих с наборами таких элементов у других личностей – социальный носитель нации, рожденный, прежде всего рыночными отношениями. Если община - это люди с одинаковыми ценностями и идеями, что обеспечивает им единство переживаний и единство реакции на нарушение моральной нормы, то нация - это образование, состоящее из автономных личностей, видящих мир до некоторой степени по-разному. Поэтому от них не приходится ожидать единства реакции, понимаемого в стадном смысле.

Все до нации существующие этнические единства предполагают бессознательное участие в них населения, охваченного рамками данной структуры. В нации же, как следствие рыночных отношений, индивид автономно свободен, он имеет во всем право социального и в том числе этнического выбора. Условием тому служит то обстоятельство, что период формирования нации по мере укрепления и расширения рынка, имеет дело с *автономной личностью*, сложившейся в ситуации перемешивания различных культурных и нормативных элементов, среди которых продолжают жить какие-то старые структуры и возникает что-то новое. Автономная личность несет в своем сознании эту противоречивость, эту несоотнесенность и дисгармонию. Она критически настроена *ко всему*, но в то же время она стремится к гармонизации своего внутреннего мира, обретению целостности и устойчивости и в том числе в определении своей национальной принадлежности.

Конечно, нельзя отрицать проявляющиеся в поведении некоторых «новых казахов» черты излишней погони за капиталом, стремление к показухе и др. нравственные изъяны. Но главное в другом. Рачительность, грамотность, высокая степень культуры чувств, деловая хватка – сегодня становятся массовыми чертами казахстанцев, общего этнического сознания современных казахов как нации. Примечательно, что эти показатели, особенно рационально-делового характера выступают повсеместными явлениями в современных казахах, особенно молодого поколения. Нынешние казахи учатся торговать и работать, а гибкость характера позволяет им легко постигать чужие культуры и воспринимать новые идеи.

.Новые казахи, которые мы называем «автономными личностями» выступают выразителями нового лица казахской нации. Доминирование в будущем в социальной структуре Казахстана таких личностей способно создать нацию казахов с новым менталитетом, с критическим европеизированным разумом и мышлением. Источником, двигателем формирования такой общности выступают осознанные интересы собственной самореализации личности. Сегодня такая новая нация казахов, не без трудностей формируется. За ней будущее.

Но пока реалии сегодня таковы, что скорее и рынок и состояние

национального самосознания казахов еще полностью не соответствуют состоянию современного промышленно-производственного общества. Казахская нация ушла от социалистического рынка, но в тоже время в преобладающей своей части она национально-этнически еще не соответствует параметрам индустриального общества. Историческое прошлое, конкретное состояние становящегося рынка современного казахстанского общества сказывается на состоянии национального самосознания казахов.

Во-первых, казахи все еще в значительной мере придерживаются родоплеменной деления-атрибута донациональной общности. Поэтому казахи в начале XXI века – есть формирующаяся нация. с сильными родоплеменными пережитками, Становление казахов как зрелой нации окончательно не завершилось.

Во-вторых, признаком незаконченности формирования нации является незавершенность формирования в нашей стране подлинного рынка. Об этом свидетельствует недостаточность развитости в Казахстане таких атрибутов рынка, как наличие фондового рынка, конвертированной валюты, минимума теневой экономики, коррупции и т.д.

В-третьих, у казахов, не развит еще полностью инстинкт частной собственности как на индивидуальном, так и на общенациональном уровне, а это обязательный признак развитой нации. Казахи не считают, и не чувствуют, что собственность священна и неприкосновенна. Инстинкт частной собственности - субстрат, на котором возрастает национальное самосознание, которое при определенном уровне развития необходимо редуцируется в национальную идею ее естественным носителем - нацией. Отсутствие широкого в массах частнособственнического начала сказывается, также, в конечном счете, на слабости национальной элиты, способной иметь развитое чувство общенационального интереса.

Поэтому для государства Республики Казахстан и в целом для общества, одним из приоритетных вопросов должно быть развитие казахской нации, то есть развитие казахской нации, у которой никаких комплексов, никаких междоусобиц, и так далее. При успешном проведении национальной политики, можно укреплять этническое многообразие страны, ускорить консолидацию казахов и объединить другие этнические группы, проживающие в стране. Государство и общество должны приложить все усилия, и в том числе разработать целую стратегию развития казахской нации. Нельзя пустить разрешение национальных проблем на самотек. По отношению к казахам и в целом к Казахстану подобное мнение, в качестве руководящего, способно привести к усугублению национальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Кадыр Ертай Этногез казахов: философский анализ. дис. на соиск. уч. степени канд. филос. наук.Алматы, 2010. С.37
- 2.Терехов О.С. Динамика межличностных конфликтов XX века: социально-философский и теоретико-исторический анализ. автор. дисс. канд. филос наук. Новосибирск, 2008, с.25
- 3.Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. Вып. 6, М.,1976., с.632.
- 4.Ерофеева И.В. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великих сражений. М., 1011, с.156
- 5.Мамырайымов Т.Политический трайбализм в Казахстане. Трибуна. 2013, 13 ноября
- 6.Бушкова В.И. Толстова Л.С. Население Средней Азии и Казахстана (очерк этнической истории) сб. М., 2001 с. 160-1611
- 7.Киргиз-кайсаки. Брокгауз-Ефрон. Архивировано из первоисточника. 2012, 4 февраля
- 8.Бенедикт Андерсен Воображаемые сообщества. М., 2001, с.132
- 9.Сталин И.В. Ленинизм и национальный вопрос
- 10.Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала» ч.1 // Маркс К. и Энгельс Ф. соч., изд. 2-ое т.46, ч.1 М., 1968, с.100-101; Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. Ред. Л.Г.Позднякова пер. с нем. Д.В. Чкляднева – СПб: «Владимир-Даль» с.91
- 11.Кадыр Ертай Этногенез казахов: философский анализ. 09.00.08 – философия науки и техники. дис. на соиск. уч. степени к.ф.н. Алматы с.37
- 12.Маркс К.Энгельс Ф. соч., 24, с.241
- 13.Султан Хан Жусип из странички на «Фейсбуке», или Курманбаев Р. Сколько

казахов умерло в годы репрессии? Трибуна. 2015, 6 июня

14.Казахстанская правда. 1963, 21.09

15.см. Султан Хан Жусип

16.Бенедикт Андерсен Воображаемые сообщества. с. 141

17. Chalasinski J Kultura I narod/ Ksiazka Wiedra/ Warszawa 1968, r. 33

О СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Начнем с того, что ряд исследователей считают, что идентичность в строгом смысле слова может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды и обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определенные характеристики. Считается, что приписывать идентичность группам позволительно лишь в переносном смысле слова.

Но фактом современности является явная актуализация проблемы идентичности применительно к национально-этническим общностям. Сегодня, в условиях расширяющегося и углубляющегося процесса глобализации вполне определенно можно говорить не только об опосредованном, а вполне непосредственном отношении проблемы национальной идентичности к общностям. Глобализация резко обострила процесс национально-культурной идентичности, которая сегодня превратилась в одну из важнейших проблем, тревожащих как мыслящее человечество в целом, так и научное сообщество в особенности. Во многом рост интереса к данной теме является ответом на вызовы, порождённые глобализацией и информационно-телекоммуникационной революцией. Эта проблема стала настолько значимой, что интерес к ней, говоря словами Э. Баумана, «может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления», ибо вне этноса нет ни одного человека на земле [1].

Сегодня вполне определенно в глобальном плане проблема нахождения своей идентичности стоит перед самыми разными современными этническими общностями: этносами, народами, государствами, сообществами. И в этом контексте можно говорить о кризисе идентичности. Обосновывая тезис о глобальном характере кризиса идентичности, в частности, С. Хантингтон писал: «Японцы никак не могут решить, относятся ли они к Азии вследствие географического положения островов, истории и культуры) или к западной цивилизации, с которой их связывают экономическое процветание, демократия и современный технический уровень. Иранцев нередко описывают как «народ в поисках идентичности», теми же поисками увлечена Южная Африка, а Китай ведет «борьбу за национальную идентичность» с Тайванем, поглощенным «задачей разложения и переформирования национальной идентичности». В Сирии и в Бразилии налицо, как утверждают аналитики, «кризис идентичности», Алжир переживает «разрушительный кризис идентичности», в Турции упомянутый кризис вызывает непрекращающиеся споры касательно национальной идентичности, а в России «глубочайший кризис идентичности» воскресил конфликт XIX столетия между западниками и славянофилами - противники никак не могут договориться, европейская ли страна Россия или все-

таки евразийская». Аналогичными поисками, по мнению Хантингтона, заняты в Мексике, Германии, Великобритании. США. «Иными словами, кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [2].

Применительно к современному Казахстану проблема определения национальной идентичности стала и в практическом и в теоретическом плане актуализироваться в последние десятилетия. Известно, что определение национальной идентичности прежде всего представителя казахского народа вызывает в общественном мнении страны (главным образом в среде самих казахов) определенные вопросы. Значительный разброс мнений о том, кого может назвать себя казахом и кто внутриэтнично этому больше соответствует, оживленно обсуждается в СМИ: газетах, журналах, Интернете и пр. что приводит к различным, порой полярным мнениям, дискуссиям по этому вопросу.

Здесь надо исходить из того, что на практике этническая идентичность в РК не только у казахов, но и представителей других диаспор в массовом сознании до сих пор зачастую доминирует над гражданской. При всем том внимании, особенно официальном, которое существует к проблеме гражданской идентичности казахстанцев, степень воздействия этнических параметров на выбор идентификационных статей и адаптационных моделей восприятия и осознания все еще в реальности остаются достаточно сильными.

Идентичность (*identitas*) по латинский означает тождественность. Ее можно обозначить предельно просто: это тождественность человека самому себе. Строго говоря, понятие идентичности обозначает твердо усвоенный и самовоспринимаемый образ себя во всем богатстве отношений субъекта к окружающему миру. Смысловая нагрузка национальной идентичности в том и состоит, что она предполагает, что представители определенной национальной общности относят себя именно к данной нации, а не какой либо другой. В своей установке она характеризует культурную норму, которая отражает эмоциональные и аффективные ориентации индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе. Ядром национальной идентичности, иначе говоря, выступает органическая приверженность субъекта своей национальной культуре и ее ценностям. Идентичность это то, кем человек в национальном плане себя ощущает, кем он себя идентифицирует. Идентичность, короче говоря, есть идентификация себя с определенной социальной структурой.

Но природа процесса национальной идентичности такова, что она основываясь на установке, что такое «Я», всегда предполагает знание того, что такое «не Я». Т.е. полностью идентичность может быть понята лишь при соотнесении «Я» и «Другой». Категории «Я» присущи такие характеристики, как «общность» и «тождественность», категории «Другой»- «различие» и «отсутствие

тождественности». Иначе говоря, в самом общем виде национально- этническая самоидентификация как индивида, так и общности — есть самовыделение на основе сравнения. Этнический носитель только потому обладает самоидентификацией, а, следовательно, самосознанием, что существуют другие этнические носители, по ряду признаков отличающиеся от нее. Только «разделенность», - т. е. дифференциация и способствует национально- этническому самовыделению.

Таким образом, феномен идентичности характеризуется: во-первых, тем что субъект сам себя считает таковым («Я» - фактор). во-вторых, это признают посторонние -«вторые лица» («Они»—фактор).

Особенность проблемы казахской национальной идентичности в том, что подобное соотнесение «Я» и «Другой» производится в силу разных причин, не столько в соотнесении с представителем другого этноса, сколько путем сравнения со своим единомышленником, индивидом своей нации. И здесь можно констатировать две формы выражения подобной внутринациональной проблемы казахской внутринациональной идентичности.

В основе первой лежит признаваемый всеми факт, что традиционный образ казаха в общественном сознании претерпел за последние десятилетия значительные модернизационные перемены. Отсюда признается, что эта проблема, затрагивает не весь казахский народ, а известную его часть. Тем самым, в принципе молча допускается, что есть некая большая часть казахского народа, в национальной идентичности, которых не может быть никаких сомнений.

При таком подходе границы между современными казахами - «нами» и «не-нами» определяются, прежде всего, путем сравнения, объектом которого могут стать такие отличительные признаки как, например, знание казахского языка или родных обычаев, традиции. Внутри каждой локальности существует еще более дробная определенная линия выделения внутриэтнического различия - это казахи- горожане и выходцы из казахских аулов, которые некоторыми обрусевшими казахами квалифицируются как «мамбеты», «казахпай», а те в свою очередь считают казахов – горожан «шала-казахами», то есть «нечистыми» как они – «таза-казахами». Выделяются также «оралманы» - казахи переехавшие на свою Родину из других стран. «Чистота» рядов определяется в основном по лингвистическому критерию - знанию или же незнанию казахского языка.

Во второй форме выражения внутринационально казахской идентичности лежат главным образом внутридифференцированные социально-этнические отношения различных групп народа. В отличие от первой формы идентичности казахов здесь мы сталкиваемся с исторически сложившейся проблемой. Так, в условиях современного Казахстана помимо национально-этнической идентичности выделяются такие виды как региональная, а затем локальная

идентичность. Обычно в исторической практике над этнической группой в многонациональном обществе доминирует региональная идентичность, как, например, в России сибиряки, поволжцы и др. Для Казахстана региональность больше выступает внутриэтнической характеристикой, чем надэтнической. Южане и северяне выделяются, например, среди казахов. В более широком плане в рамках региональной идентичности выделяются такие статусы как южные, северные, западные, восточные и центральные регионы, а соответственно им, южные, северные, западные, восточные, и казахи из центральных областей.

Внутри каждой из таких групп, как например южные казахи, существует своя субординация, где наиболее традиционными, консервативными в сохранении традиций и обрядов называются чимкентские казахи, а наиболее продвинутыми, «модернити»- алма-атинские казахи. У западных казахов так же выделяются свои локальные сообщества, скорее связанные с географическими детерминантами - кызыл-ординцы, гурьевские, уральцы и т.д.

Оценивая указанные две формы проблемы внутринациональной идентичности можно сказать, что в отличие от вненационального сравнения подобное фиксирование сходства и различия в современной казахской среде не укрепляет национальное самосознание, и в конечном счете не способствует этнической консолидации казахов. Но из данных двух форм более актуальна и злободневна для будущего казахов первая. По большому слову она затрагивает в целом, значительную массу казахского общества, а в своей остроте она в принципе ставит будущее всего казахского народа, как нации

Из истории известно, что когда число инонациональных личностей внутри нации заметно увеличивается общность способна сохранять заложенные в нем исконные основы природно-этнической идентичности лишь до известного пределов. При таком положении вещей до достижения критической точки - процесса увеличения личностей с инонациональной идентичностью в этническом сознании нации в целом постепенно растут элементы трагичности и обреченности, поскольку трудно становится установить баланс между «источниками добра» и «источниками зла». Возникает ситуация исчезающего народа, когда численность этноса сокращается до критически наблюдаемой, происходит утрата собственной культуры и самосознания, ассимиляция или уменьшение численности вследствие естественной убыли. Подобное развитие количества, со временем, способно перейти и в качество, когда национально-этническая общность исчезает, растворяется в другом, более крупном и многочисленном этносе. История на этот счет дает довольно много убедительных примеров. Ведь исчезли в истории десятки, сотни народов – ливонцы, пруссы, сарматы, шумеры, ацтеки, инки и т.д. В начале первого тысячелетия нашей эры, например, Израиль прекратил своё существование. Евреи расплозились по всей поверхности Земного шара. Они забыли свой язык. Они помнили только своё

родство, и их объединяла религия - иудаизм. Язык начал возрождаться благодаря его носителям уже в новом Израиле. Спустя почти две тысячи лет.

Принято считать, что распространенной причиной исчезновения народов и нации выступает естественная убыль населения этноса. Но не менее опасна «культурная ассимиляция». Такое положение, например с современными белорусами. Их не объединяет ни язык, ни религия. Хотя имеются носители белорусского языка в Польше, США, Канаде, Литве, Аргентине, Австралии, Новой Зеландии, Чехии, Германии. Но надолго ли? Чисто белорусской религии нет. Только и остался мало функционирующий язык. В настоящее время, можно вполне определенно констатировать, что Беларусь не белорусское государство. Белорусское в нём только название. Белорусы разговаривают на русском языке, учатся в русских школах, учат больше историю, символику России. Спрашивается, есть ли основания считать Беларусь белорусским государством?

Безусловно, Казахстан не Белоруссия. Но, тем не менее, угроза «культурной ассимиляции» грозящая утратой национально-казахской идентичности возникла и существует у казахов, начиная с определенного периода их истории, правда в своеобразной форме.

Подобная критическая точка, на наш взгляд, для существования национальной идентичности казахского народа встала по историческим меркам относительно недавно. Скажем в реальной исторической практике еще в начале прошлого века в казахской степи этот вопрос не стоял так актуально, как сейчас. В принципе, для этого не было особых практических оснований. В демографическом плане население являлось моноэтническим. Угрозы существованию казахского языка, национальной ментальности казахов в широко распространенном его виде не существовало.

Казахская идентичность XIX в. начала XX в. ассоциировавшаяся с патриархальщиной, полновластием родного языка и степного быта казалась незыблемой, фундаментальной. Вспомним вторая половина XIX века — это начало периода, которую Абай и его сподвижники назвали “эпохой зар заман”, или “эпохой скорби. Впоследствии в течение почти ста лет — до середины XX века — казахи еще во многом соответствовали своей этнической идентичности, еще верили родовым святыням, говорили между собой на казахском языке.

В этих условиях казахские просветители Ибрай Алтынсарин, Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев стремились азиатско-феодалные устои степи расшатать и придать ей осовремененный, европейский вид. По их мнению, новая казахская идентичность должна создаваться через усвоение русской культуры и языка, путем развития просвещения. Родной язык, культура и пр. характерные слагаемые казахской идентичности в их понимании, оставаясь, должны были выступать в осовремененном виде, предполагавшем дополнительно образование,

знание русской культуры, приобщение к западным ценностям. Сохранение искомым естественных атрибутов казахской идентичности было для казахских просветителей само собой разумеющимся, естественным.

Веских причин для серьезного беспокойства за судьбы казахской идентичности не испытывали и продолжатели первой волны казахской интеллигенции - Ахмед Байтурсынов, Алихан Букейханов, Мыржакып Дулатов и др. ибо и в 20-30 годы XX в. для этого также не было достаточных оснований. Их требования к власти – создания собственной государственности, свободного развития казахской культуры, языка, обычаев, традиции – выражали больше стремление казахского народа к демократическому национальному развитию, к политическому самоопределению, нежели борьбу за сохранение своего национального «Я». Явных признаков, указывающих на угрозу национальной идентичности казахского народа – возможной утрате им знания родного языка, раздвоения национального сознания, появления массовых фактов руссифицированного мышления в тот период времени еще не было.

В истории Казахстана как практически возможная проблема полной утраты своей национально-этнической самоидентификации угрожающая самому факту существования казахского этноса, стала отчетливо вырисовываться лишь с середины XX в. С этого времени можно вполне определенно констатировать, что личность казаха в его массовом виде стала приобретать такие признаки, которые в природно-историческом смысле ей не были в прошлом свойственны (появление все увеличивающегося количества казахов не знающих родной язык, казахских обычаев, традиции, культуры). Исторически этот процесс совпал с интенсивным освоением целинных и залежных земель Казахстана, которое сопровождалось демографическим перекосом в составе населения Казахстана. Приезд и заселение казахской степи украинцами, русскими и др. представителями бывших национальных республик СССР привело в конце концов к тому, что коренное население в лице казахов стало у себя на Родине этническим меньшинством. Положение усугублялось еще и тем, что проводимая Советским руководством национальная политика во всех национальных республиках была направлена согласно официальной идеологии на постепенное уменьшение национально-этнического и увеличение масштабов интернационализации во всех сферах общественной жизни. Однако эта «постепенность» на деле фактически выразилась в форсировании темпов интернационализации, что привело во всех республиках СССР, в том числе Казахстане повальному закрытию казахских школ, театров, вузов и пр. насаждению русского языка и культуры. Фактически кризис национальной идентичности современного казахского народа, явился следствием и результатом массивной политики руссификации, проводимой центральной властью.

Именно подобную тенденцию постепенного разрушения природной национальной идентичности можно было проследить на протяжении большей половины XX века в развитии казахской нации. В этой ситуации возросли и стали занимать все более заметное место в сознании казахов инонациональные элементы русского этноса. Хотя первоначально отступления от национальной идентичности в среде казахов были незначительны. И, казалось бы, не было особых оснований для тревоги. Ведь, в сущности, аутсайдеры есть в любой стране, где проживают представители инонациональных этносов. И это нормально, естественно. Применительно к развитию Казахстана советского периода начиная со второй половины XX в. речь идет несколько о другой этнонациональной ситуации. Аутсайдерами постепенно становились из-за многолетней практики руссификации представители основного этноса страны, при этом в значительном количестве. К началу получения государственно-политической независимости в Казахстане почти преобладающее число казахского населения в городах (их число достигало до 50-60 %) будучи природно-этническими казахами имели по сути дела сознание с русскими представлениями на жизнь, русские ценностные представления, оценки, мифологические образы, историческое сознание, не говоря о незнании многими из них своего родного, казахского языка. Культурная руссификация определенной части казахов привела к тому, что в духовном пространстве казахов основное место в целом стали занимать русская литература, советское кино, русская симфоническая и популярная музыка. В результате русская идентичность на основе русского языка, русской истории, литературы, музыки, кино и других видов культуры стала значительной частью идентичности казахов. В современных казахах, особенно, которых стали называть «шала казахами», произошла рационализация казахского сознания с инонациональными оценками окружающей жизни. Существование и жизнь казахов в русском социуме побудила и к росту более высоких стандартов потребления; более близких к русским, европейским.

Как следствие проводимой советской политики, в национальном сознании казахов стала отчетливо вырисовываться преобладание в структуре идентификационной матрицы в качестве ведущей надэтнической, общегражданская идентичность, т.н. советская (по сути русская). Национально-этническое сознание определенной части казахов все больше становилось раздвоенным, как следствие внутреннего противоречия вытекавшего из исконно этнического и социально-культурного приобретенного в личности.

Такая ситуация несла прямые угрозы самому факту существования казахской нации. Масштабы такого «культурного реформирования» были таковы, что при беспрепятственном их продолжении, перед казахской нацией в целом к середине 80-х XX в. вполне определенно маячила перспектива потери через 20-

30 лет своего национально-этнического лица. Казахи по сути дела столкнулись с довольно редкой ситуацией, когда проблема потери национальной идентичности нависла над целым народом (напомним, в истории, как правило, подобная угроза возникает чаще всего по отношению к личности).

Отсюда отнюдь не риторически, а вполне реально, логично вставал вопрос, этноним «казах» есть, он остался, но является ли он таковым в реальности. В советское время такую ситуацию по отношению к отдельным казахам весьма красноречиво выразил печально известный руководитель Советского Казахстана Г.Н. Колбин в понятии «национальные нигилисты», имея в виду тех первых ласточек из казахов, которые уже в середине 80-х годов XX в. чурались своего языка, обычаев, традиции. Речь и шла об отдельных казахам из города, в которых процесс руссификации зашел так далеко, что в них мало осталось от исконно национального облика.

Для понимания сложности и пестроты существующего положения с проблемой национальной идентичности важно учитывать разноуровневость развития национального самосознания различных групп казахов. Так нельзя не учитывать, что в сознании большей части казахского населения, которая живет в аулах, традиционно сильно было развито сознание родоплеменной принадлежности. В результате у молодежи, которая после получения политической самостоятельности хлынула в города, исходно проявлялась жузовая принадлежность. Именно, последняя и становилась зыбким основанием, на котором формировалось национальное сознание бывших сельских жителей. Ведь, в городах, прибывающих из аулов, воспринимали не как потомков какого-то рода или жуза, а как казахов. Такие взаимоотношения давали людям понимание того, что они прежде всего казахи, а только потом представители того или иного жуза или рода. В результате, национальное сознание «сельских» казахов развивалось более сложным путем

В то же время, исторические перипетии развития Казахстана складывались таким образом, что можно утверждать, что общесоветское самосознание городских казахов в целом развилось раньше, чем у представителей сельской местности. В известном смысле, чужая (советско-русифицированная) среда в известное время сама принуждала городских к советскому патриотизму, к проявлению общесоветской гордости. Городские личности зачастую не знали, из какого жуза, рода они происходят, но в то же время они жестче и раньше осознавали свою общенациональную принадлежность. Поэтому «национальные нигилисты» чаще всего выходили из этой среды городских. Хотя к слову громадное количество городских отнюдь не являются нигилистами по отношению к казахской среде.

Но было неверным воспринимать на этом основании роль городских в казахской среде в негативной роли. Нельзя в частности отрицать того, что в

истории именно такие личности «нигилисты» нередко являются по своей объективной роли детонатором новации в традиционной этнической культуре. Иначе говоря, как правило, будучи в меньшей степени подвержены традиционалистским устоям своего народа, они, зачастую выступают по отношению к ним в революционной роли.

Но одновременно нельзя отрицать и того, что, как правило, в жизни национально-этнические предпочтения «национальных нигилистов» не приветствуются в среде своего этноса. В массовом сознании казахов видимо инстинктивно становилось понятным, что когда число носителей такого личностного сознания становится много, и их количество достигает известной критической точки, то они способны стать разрушителями собственной казахской культуры, к которой они принадлежат.

Сами казахи многих городских своих соплеменников стали именовать «щала казахами», имея в виду казахов с русифицированным сознанием. В результате, современные казахи, внутри себя разделились на две национальные группы: городских, в основном русскоязычных казахов, и казахов традиционалистского склада. Кроме того делились еще на городских казахов, сельских казахов и т.н. внутренних казахов-мигрантов т.е. тех, кто недавно переехал в города из сел, казахов – иммигрантов, оралманов. Дифференциация между ними была не сколько административно-территориальная, а прежде всего внутринациональная, предполагающая определенную разницу и раздвоенность духовно-этнического сознания казахов. Но в этой дифференциации все наиболее сложными многим представляются ценностные установки русскоязычных казахов, которые претерпевали по мере трансформации сознания, связанного с переменой языка, самовыражения, существенные изменения. Именно в этой группе казахов с учетом развивающихся в них инонациональных начал, национальное самосознание приближалось к той точке своего состояния, когда могло утратить свои исторические традиционалистские константы.

Сегодня вполне определенно можно констатировать, что раздвоенность природы современной национальной идентичности казахов – весьма характерное, распространенное явление в их среде. Она характеризуется тем, что по природным признакам сегодня нередко современный казах выступает с определенно национальным типом, по культурно-приобретенным показателям тяготеет к другому, инонациональному виду. Иначе говоря, современные казахи генетически, несомненно, казахи, но по культурно-духовному сознанию определенная их часть значительно тяготеет к русско-советскому сознанию. В итоге, природа национальной идентичности такого индивида выступает и противоречивой, а для некоторых одновременно неопределенной.

В оценке подобной противоречивости современной казахской национальной идентичности методологически плодотворным представляется

метод эмпатии, констатации внутренних этномотивов идентичности. Западный социолог Карл Роджерс обращал внимание на то, что «эмпатическое понимание заключается в проникновении в чужой мир, умении релевантно войти в феноменологическое поле другого человека, внутрь его личного мира значений ...»[3].

Применяя эмпатию в виде логики национальной идентификации современного казаха (особенно шала-казахов), можно сказать, что его личностное сознание сегодня по своему содержанию представляет собой систему нарушенных этнических констант, находящиеся как бы в состоянии перманентной смуты. В таком сознании наблюдается под давлением иноэтнических духовно-психологических ценностных установок распад традиционного казахского сознания, господствовавшего в кочевую эпоху. Разрушена традиционная внутренняя конфигурация казахского сознания, и элементы последней оказываются сцепленными между собой случайным образом, случайным оказывается и само их содержание, и потому может быть произвольно отвергнуто. Этот процесс протекает как цепная реакция и характеризует целые пласты этнического сознания современной казахской национальной общности, хотя у одних в меньшей, у других, большей степени.

Включение инонациональных структур и схем руссифицированного сознания в традиционную константу ментальности современного казаха затрудняет поиск определения его современной национальной идентичности. Ведь сегодня вполне реально можно констатировать, что в современной казахской среде немало людей, которые в силу каких то личностных данных не попадают в традиционные (главным образом сельские) представления о казахе. Субъективные представления о границах и содержании понятия казахской нации (на какие бы формальные определения они ни опирались) руссифицированных казахов, нередко расходятся с тем общим все еще господствующим этносамосознанием остальной массы казахов, которая задает и создает объективную реальность этих границ. Отсюда, самые разные представители казахской нации по разному понимают границы своей национальной общности, признаки принадлежности к ней. В известной степени здесь наблюдается полная разногласица, отсутствие этнопсихологического единства, что свидетельствует об определенном кризисе современной казахской национальной идентичности. Представление об образе современного национального типа казаха весьма разные у «нагыз-казахов», шала-казахов», оралманов и др.

В советскую эпоху проблема потери национальной идентичности народа не рассматривалась как отрицательная. Более того, она фактически, хотя и не признавалась по отношению к народам СССР, все же в целом рассматривалась как позитивное явление. Ведь советская идеология и политика всякое внимание к

национальному, квалифицировала, как противоречащее основной идее установления и торжества интернационализма во всемирном масштабе. Вот почему даже «властительница национальных дум» - казахская интеллигенция, в тот период времени за крайне редким исключением не ставила во всей национальной глобальности проблему потери национально-этнической идентичности казахов как народа. Этот вопрос был в тот период времени под негласным официальным запретом.

Даже формально-официально, все представители национальных республик представлялись не только в рамках советской повседневности, но и в редких зарубежных поездках, в первую очередь как советские люди, а затем уже как казахи, литовцы и др. Хотя за рубежом суть подобных метаморфоз быстро определялась и всех приезжающих из СССР называли «рашен»(русские).

В период после получения государственно-политической независимости во всех постсоветских республиках, в том числе РК, объективно был поставлен вопрос не только теоретически, но прежде всего практически о переходе общности от советской надэтнической идентичности (по сути дела русской) к собственно этнической (к казахской), преодоления былой его раздвоенности на уровне определенной части казахского этноса. Это противоречие можно рассматривать как главное, выражающее на атомарном уровне суть основной проблемы национальной идентификации современных казахов. В принципе – это внутринациональная проблема казахов. Она в той или иной степени присутствует и в других противоречиях национальной идентичности личности казаха вытекающих из главного. Так, в рамках подобной трансформации возникает вопрос, как еще не сложившаяся и не совсем ясная в стратегическом плане новая казахская идентичность должна соотноситься с новой уже надэтнической идентичностью – казахстанской. Или другой вопрос, проблема органической включенности идентичности оралманов, представителей бывших зарубежных диаспор с современной казахской и казахстанской идентичностью. Или проблема соотношения и противоречий жузовой (родоплеменной) и национальной идентичности казахов. Интересны проблемы противоречивого процесса взаимодействия разностатусных позиции, определенных типом поселений (город-село), взаимоотношений между светской и религиозной частью казахского этноса, вопросы геополитической идентификации РК в мировом социальном пространстве и др.

Проблематичность содержания национально идентификационного комплекса личности современного казаха выражается в довольно широком круге вопросов. Они затрагивают мировоззрение и язык, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческую память, этнонациональные образы, мифы и символы, национальные традиции и стереотипы поведения, представления о месте страны в мире и её культурно-цивилизационной

принадлежности, национальных интересах и даже геополитических приоритетах. Проблемы в каждом из данных элементов – есть следствие современного мирового процесса, которое сводится к противоречию трех слагаемых - исконно казахского, прошлого советского (русского) и глобальной интеграции. Если кратко, кризис национальной идентичности современного казаха – это, в конечном счете, следствие столкновения традиционалистского и современного модернистского подходов. Реально она выливается в определенную внутринациональную дифференциацию современных казахов. В совокупном виде все эти противоречия сегодня со всей остротой ставят главную для казахстанского общества и государства проблему – каким должен выступать современный идентификационный облик современного казаха, как его формировать, каким он должен быть.

И здесь нельзя не отметить, что разброс мнений как в массовом, так и специализированном сознании казахов в отношении казахской национальной идентичности довольно широк, а порой прямо противоположен. И это многообразие современных позиции в понимании казахской национальной идентичности также по своему весьма показательно.

Национальная идентичность, говорил один из крупнейших современных этнополитологов Энтони Смит, имеет два измерения: культурное и политическое. В литературе о казахской идентичности больше судят по наличию культурной идентичности (языку, отношению к былым традициям и т.д.). Однако национальную идентичность, политическую и культурную очень трудно отделить друг от друга.

Скажем, американская идентичность - смесь разных этносов, здесь нельзя говорить о языке, нельзя говорить об историческом прошлом. Американская идентичность - чисто политическая идентичность, идентичность, которая основана на идеологии. В первую очередь американская идентичность, которая формировалась, начиная с XVIII века, - это идеология, которая основана на идеологии либерализма. Поэтому Америка считается бастионом демократии, поэтому она считает, что это является ее национальным призванием, миссия - демократию экспортировать, то есть приносить в другие регионы. Здесь политическую и культурную идентичность очень трудно отделить.

Отсюда архивопрос для современной казахской нации, что именно из многообразия национально-личностного портрета выступает адекватным требованием национальной идентификации казаха, является эталоном, должно выступать приоритетом формирования государственной национальной политики. Знание родного языка, казахских традиции, обычаев, характер местожителство и пр. – каждое в отдельности, часть перечисленного или все в совокупности.

В массовом сознании, как правило, в основу национальной идентичности

личности берутся внешние, видимые этнические характеристики. Так, для одних, хотя и слабо знающие родной язык и культуру казахи – несомненная часть казахской нации, для других – нет. Другие склоны считать, что настоящие казахи те, кто живут в аулах, ибо они хорошо знают не только родной язык, но и свой обычай, традиции. Оппоненты с этим не согласны, считают аульных «мамбетами». И т.д. разброс мнений довольно большой. Но итог, общая коллективно-субъектная самоидентификация казахской нации, получается не полностью совпадает с оценкой индивидуально-субъективных идентификаций отдельно взятых членов или групп этого организма.

Заметим, подобные оценки можно встретить в общественном мнении и других современных народов. Например, с точки зрения одних людей родившийся в России, например, мулат является полноценным русским, с точки зрения других – он навсегда останется инородцем. Но то, что в России является проблемным на уровне личности, в условиях современного Казахстана стоит на уровне всей казахской общности.

Более глубоко, судят о природе современной национальной идентичности казаха представители казахской интеллигенции, ученые. Но и здесь нет единодушия. Условно говоря, здесь все точки зрения на природу национальной идентичности казаха поляризуются на две позиции: национал-патриотическая и модернизационно-демократическая.

Идеалом первого варианта является личность казаха «седой древности» - патриархального общества. В определенной части современной интеллигенции распространено мнение, что настоящим казахом можно назвать того, кто хорошо знает свой родной язык, обычай, традиции, свой родо-жузовые корни, кушает бешбармак и пьет чай. Отсюда, вопрос таких сторонников, какой же ты казах если не знаешь родного языка, если не знаешь казахских обычаев, традиции.

Иначе говоря, требованию национальной самоидентификации не соответствуют городские казахи ввиду отсутствия, или слабо выраженности в них таковых традиционных характеристик. Согласимся, что подобное представление архаично, ибо оно возвращает нас к временам далеких предков. В современности и то отдаленно подобным показателям соответствуют сельские жители, что автоматически исключает из их числа городских соплеменников. Личность современного городского казаха есть русифицированный казах, продукт имперской политики царской России, СССР, а также влияния политики современной России. Сформировавшиеся установки и ценности городских казахов: рациональное поведение; индивидуализм; стремление к образованию; стремление к карьере и личному успеху; ценность городской жизни (жизни в больших городах); широкий взгляд на общество и мир. Тем не менее, как считают эти представители казахской интеллигенции сознанию и психологии городских казахов необходим определенный «откат» - возвращение к своим естественно-

этническим истокам.

Здесь действует своеобразный рецидив человеческого сознания подмеченный западным социологом В. Хёсле. Он усматривал парадокс в том, что кризис идентичности часто вызывает регрессию к более архаичным и примитивным ценностям, поскольку, отвергая непосредственно зримые структуры самости, «я» не перестает нуждаться в самости, и его выбор может определяться более старыми структурами.[4].

Иначе говоря, стремление к архаизму можно рассматривать как некую естественную реакцию на прямую угрозу существованию и функционированию природно-естественных оснований национального этнического сознания казахов. При ее крайней выраженности оно способно выражаться в псевдотрадиционной форме, представляя собой некую смесь набора интериоризированных правил и запретов, отчасти взаимосвязанных, отчасти случайных.

Можно также предположить, что сторонники такой позиции, ратующие за возрождение псевдотрадиционного сознания казахов, будут очень влияемы, в силу своей определенности и простоты национальной позиции. На практике, как показывает жизнь, сознанию таких носителей присуща особая тяга к давно ушедшей социальности, как бы ностальгия по устойчивому, внутренне сплоченному, могущему стать защитой казахскому социуму. Но будучи лишеными такого социума и одновременно психологически его не воспринимая, ибо все таки живут в XXI в., носители подобного псевдотрадиционного сознания находят только суррогат, зачастую умозрительный, в котором разграничение между «мы» и «они» совершается на размытых началах, вытекающих либо из абстрактных схем (эксплицитных идеологий), либо определяемых текущим моментом, вырванным из контекста.

Вполне определенно можно утверждать, что современное поколение казахов в целом не воспринимает подобное понимание казахской национальной идентичности. «Совершенно закономерно,- пишет казахский писатель К.Кабдрахманов, - что к концу XX века казахское, отеческое, национальное для юных поколений казахов стало представляться “несовременным” Мы должны создать новую казахскую идентичность, способную правильно отвечать на любые вопросы современной жизни. Идентичность, хранящую в себе коды поступков любого вида и масштаба"[5].

Другая противоположная позиция, существующая также в среде казахской интеллигенции, отвергая образ казаха представленный национал-патриотами взамен предлагают личность ничего национально казахского по сути дела не имеющего. Таково, в частности, мнение руководителя Центра международных исследований Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК Валихана Тулешова, который считает необходимым для становления Казахстана как современного демократического государства

формирование полисоциокультурной казахской идентичности и гражданственности, укрепление постмодернистской ориентации культуры на основе выведения институтов и учреждений культуры в конкурентную среду и либерализации нормативно правовой базы.[6].

Между отмеченными,крайне противоположными трактовками проблемы казахской национальной идентичности, располагаются и разнообразные промежуточные варианты, существующие как на массовом, так и на специализированном уровнях, в основном по языковому признаку и национальному сознанию. Некоторые казахи, считающие себя истинными патриотами, предают анафеме тех "асфальтных казахов", которые, по их мнению, все еще остаются "политически русскими". В этой связи порой на Интернет-портале, в некоторых газетах содержатся нападки на отдельных представителей казахского искусства, политиков, которые поют, говорят на русском. Хотя конечно, подобные высказывания отдельных представителей казахской нации нельзя трактовать за выражение общей позиции казахов. Эти вопросы стали приобретать особую актуальность с получением политической независимости.

Некоторые вырывают из приведенного контекста требований «нагыз казаха» только один признак – казахский язык, считая его показателем национальной идентичности. Однако подобного рода критерии казахской национальной идентичности также не выдерживают критики. Конечно, знание родного языка, безусловно, важно и украшает представителя нации. Но оно при всей его важности, все же не является, как показывает бытовая практика отношении казахов главным определителем принадлежности человека к казахской нации. Это ошибочная и неверная характеристика национальной природы казаха. Можно хорошо, прекрасно знать казахский язык, но вместе с тем явно или неявно проявлять свою антипатию, а порой и чуждость по отношению к своим национальным истокам, родным обычаям, традициям, соотечественникам. И, наоборот, в среде современных казахов слабо знающих родной язык по известным причинам можно найти немало тех, кто демонстрирует высокий уровень национальной гордости, преданности Родине. Иначе говоря, знание родного языка и характер национальной самоидентификации не всегда в жизни коррелируют между собой.

Поэтому ни знание языка, ни приверженность национальным обычаям, традициям не могут как отдельно, так и суммарно, на наш взгляд, выступать в строгом смысле слова основополагающими показателями национальной идентичности личности. С учетом современных реалий глобально-трансформирующих процессов мира и внутреннего современного национального состояния казахов необходимо теоретически и главное практически руководствоваться новым, модернизированным пониманием национальной

идентичности. Сегодня этническое сознание казахов таково, что для того, чтобы соответствовать своей идентичности в духе времени он должно найти приемлемый вариант трансфера т.е. переноса своих традиционных бессознательных этнических установок и ценностей на новые объекты диктуемые вызовами современной истории. Подобную реформацию надо сделать путем традиционной преемственности с ценностями своей этнической культуры. Если этого не произойдет, то «центральная зона» казахской национальной идентичности будет размыта, и бывшие ее носители ассимилируются в другой этнической культуре.

Речь, следовательно, идет не о консервации этнического сознания казахов. Это был бы тупиковый путь, ведущий к архаичности, грозящий прогрессом родоплеменных отношений, уводящий от центральной дороги современного прогресса. Более приемлем, выражаясь современным языком креативный путь, который связан с нахождением и формированием новой национально-этнической идентичности, предполагающий полную перемену способа жизни казахского этноса исходя из определенной центральной духовно-этнической установки казахского самосознания.

Таковым следует признать, по нашему мнению, универсальную рациональную установку национального самосознания личности, сознательно относящую себя к определенной общности. Иначе говоря, применительно к нашей ситуации установка того, что личность признает себя «Я – казах» и должно выступать решающим определителем национальной идентичности казахской нации. Подобная установка, конечно, должна действовать в среде казахов, которые таковыми являются биологически. В полной мере из этой установки следует исходить и по отношению к тем биологическим казахам, которых их соплеменники по отсутствию некоторых социально-этнических параметров отказывают признавать в качестве таковых.

Казах – это название титульной нации Республики Казахстан. Все остальные представители нации, проживающие на территории страны, казахами не могут быть по определению. Если кто-то пытается назвать себя казахом, то он сигнализирует о смене этнической принадлежности (чего, кстати, нельзя сделать генетически), но не становится при этом большим патриотом или лучшим гражданином, что пытаются доказать сторонники «казахизации» других национальностей. Понятно, что русские, например, в Казахстане не будут казахами, даже если сто раз в день будут говорить «мен казахпын».

Предлагаемый критерий национальной идентичности личности казаха представляется национально-универсальным, а самое главное учитывающий существенные модернизационные перемены происходящие в личности современного казаха перемены. Исходная причина подобных перемен – мировая глобализация, которая сегодня ломает повсюду национальные перегородки,

традиционалистские установки общественно-личностной жизни индивидов во всем мире, создает универсальные принципы функционирования современного человеческого общежития. Прежние специфические для этносов и нации механизмы нивелируются, становятся общими, универсальными.

Поэтому в условиях нынешних усиливающихся глобальных социальных реалий именно установка «Я - казах», применительно должно выступать главным и универсальным определителем национальной идентичности казаха на атомарном уровне, на уровне личности.

В перспективе, применительно к казахской нации подобная национально-этническая установка не сразу, а со временем способна создать современную казахскую национальную идентичность. Ведь здесь надо учитывать, что в условиях усиливающегося процесса глобализации наиболее консервативной, медленнее поддающейся модернизации в обозримом будущем будет выступать в национальном сознании область духовно-психологическая, на уровне которой больше всего традиционалистских предубеждений. И здесь необходим определенный национально-этнический сдвиг в массовом сознании казахов, который должен выразиться в виде трансфера т.е. переноса бессознательных констант казахского этнического сознания на иное видение современного казаха, исключающего всякие предубеждения дифференцированного характера. Необходимо всеобщее признание, что признающий исходную национальную установку самосознания «Я – казах», адекватно соответствует казахской идентичности.

Вполне допускаем, что с предлагаемым нами определителем национальной идентичности казаха не все согласятся. Довод, скорее всего, будет таков. А где национальная специфика казаха, где необходимость знания казахского языка, казахских традиции, обычаев и пр. что составляет атрибутику национального лица конкретного человека. Отвечаем: все эти исконные традиционные слагаемые, безусловно, важные, при признании индивидом установки «Я – казах» способны органически при желании проявиться в личностных усилиях овладеть казахским языком, традициями и пр. Проще говоря, человек, считающий себя казахом логично будет стремиться к овладению всем этнически-казахским.

Но и при ситуации отсутствия того или иного традиционного этнического компонента не следует драматизировать. а тем более делать крайние выводы отказывающие национальной принадлежности того или иного индивида, считающего себя казахом. Во-первых, в условиях государственно-политической независимости республики эта проблема вполне решаемая. О чем кстати свидетельствует возрастающее количество казахов владеющим казахским языком. Во-вторых, под влиянием современных модернизационных процессов те или иные элементы национально-этнического мира безусловно изменяться, а

возможно в перспективе и исчезнут (например, некоторые традиции, обычаи). Поэтому нет необходимости на них заикливаться. Отсюда; универсальность национально-этнической установки казахов вполне допускает недостаточное проявление или даже отсутствие тех или иных исторических атрибутов казахов

Заметим, данная установка национальной идентичности существует как само собой разумеющаяся у всех современных народов. В практическом плане общее его проявление с учетом других национальных атрибутов позволяет фиксировать и отличать одну национальную общность от другой. Но то, что для других народов является одним из атрибутов национальной идентичности, для современных казахов должно быть решающим, с учетом возможного драматизма раскола казахов как народа. Иначе говоря, предлагаемая нами установка национальной идентичности диктуется конкретным состоянием современной казахской нации, характером становления и формирования национальной общности казахов. Кстати, в современном мире примеры должного учета такой установки идентичности существуют. Возьмем современных евреев, многие из которых не владеют языком иврита, не знают некоторых исконных еврейских обычаев, тем не менее, по всеобщему мировому признанию составляют не просто нацию, а нацию, которая может для некоторых народов выступать примером своей консолидированности и идентичности. И причина тому, что на уровне национального самосознания, они, несмотря на многовековые гонения на этот народ, внутренне всегда считали и продолжают считать себя евреями

И в нашем случае, по отношению ко всем казахам целесообразно руководствоваться подобным критерием национальной идентичности – осознанным признанием личностью своей казахской принадлежности.

Новая идентичность не должна основываться на ассимиляции. Никого не надо, к примеру, заставлять говорить на казахском языке. Главное, чтобы он считал себя казахом. Если личность признает осознанно себя казахом, и чувствует свою слабость в знании родного языка, то он обязательно постарается ликвидировать ее.

Каждый волен и имеет естественное право осознанно выбрать свою национальную принадлежность. Эта и будет практическое, конкретное проявление демократии в национальном вопросе. Это и есть национальная идентичность личности, определенная совокупность которых применительно к казахам способна составлять общность, называемую современной казахской нацией.

Хотя признаемся, предлагаемый нами определитель национальной идентичности несколько непривычен. Он ведь и универсален и космополитичен. Но он диктуется современным временем, происходящими процессами современной глобализации и в конце концов конкретными реалиями национальной жизни Республики Казахстан.

Такой подход – есть показатель появления нового национального облика казаха, который в своем собирательном внутреннем облике в принципе должен органически воплотить в себе и новации и определенные традиционные константы. Ведь согласимся, когда личность заявляет о себе «Я-казах» то тем самым он сознательно заявляет о своей органической включенности в определенный духовно-этнический мир. Это значит, что он готов естественным образом признать и разделить всю духовно-психологическую ауру сознания казахской нации.. И в этом смысле оно вполне реализует предлагаемый вариант трансфера т.е. выражения своих традиционных бессознательных этнических установок и ценностей в новую национально-этническую идентификацию казаха.

Предложенная исходная национальная установка идентичности по своему характеру сознательна, естественна. Практическое руководство ею способно сыграть существенную роль в возвращении такой многочисленной группы как городские казахи, «шала-казахов к своим национальным корням. Ведь это факт, что городские казахи, отошедшие от ориентации на русскоязычную культуру и, в то же время от сугубо этнической как приоритетной, оказались в известной мере в культурно-идентификационном вакууме. Отсюда несмотря на то, что городские казахи имеют – и образование, и карьеру, и материальное благополучие, чувство некоторой неполноты своему национальному «Я» у всех них имеется. Но в тоже время показательно, например, что в частности, что, несмотря на то, что язык общения в их среде русский, они не идентифицируют себя с русскими. Язык вообще не выразитель ментальности. У казахов, независимо от языка, на котором они преимущественно разговаривают сохраняется казахская ментальность. А раз это дело так, то и в шала-казахах естественно-природное чувство «Я - казах» выступает решающим побудительным мотивом казахской национальной идентичности. Более того, может случиться, что у него казахская идентичность у городского казаха больше, чем у казаха из аула.

Кстати, практические примеры успешности нации, при потере многими из них тех или иных национальных атрибутов история знает. Поучительна в частности, история современного Алжира. В колониальном Алжире многие городские алжирцы была офранцужены настолько, что абсолютно не знали своего языка. Но они, не зная арабского, были готовы отдавать свои жизни за арабов, и воюя за независимость своей страны с французскими колонизаторами на войне в 1954-1962 годах, говорили между собой на французском языке. Известно, что на этой войне их poleglo около 2 миллионов. Это очень показательно. Другой пример: из истории России, когда российская элита была полностью офранцужена, она не говорила по-русски – это считалось плохим тоном. Тем не менее, они были и остались исторически русскими, ибо таковыми себя считали.

Заметим, возвращаясь к Казахстану, как ни парадоксально, будет сказано,

городские казахи, «шала казахи» имея такой недостаток, как оторванность от своих родных корней, имеют в своем личностном багаже качества, вполне соответствующие новому пониманию национальной идентичности. Городские русскоязычные казахи, шала-казахи, это как правило индивиды имеющие определенные достижения, – это личности, сотворившие сами себя. Self-made men. Индивидуалисты и нередко – эгоисты. Драма таких казахов, т.н. «шала-казахов» в том, что отдавая все силы на становление себя, укрепление себя, самообразование, профессионализацию, они, своевременно не замечая того, невольно лишились богатства, которое принадлежало казахам при рождении по естественному праву. Это связь со своим народом, связь со своими предками, укорененность на своей Родине.

Имея в известном заделе определенный уровень космополитизации сознания, городские казахи, шала-казахи, руководствуясь установкой «Я – казах» лично вполне способны к усвоению своих национально-естественных корней.

Определенная перестройка внутреннего сознания в плане понимания новой национальной идентичности необходима и для лиц с традиционным казахским сознанием «нагыз – казахов». Это и естественно. Положительно то, что в бессознательном комплексе традиционного сознания казахов присутствуют все естественные этнические константы, сохраняется возможность, при благоприятных обстоятельствах, нового самоконструирования этноса. Для этого необходимо кристаллизовать вокруг своих этнических констант иное понимание национальной идентичности, соответствующее новым цивилизационным вызовам и в известной степени, не имеющую аналогов в историческом прошлом казахов.

Таким образом, признание логической установки «Я – казах» способна стать решающим рычагом разрешения современных споров между сторонниками сохранения патриархальщины и радикалами. О казахской идентичности следует судить по его осознанному желанию быть казахом, национальному личностному самосознанию. Решению проблемы казахской идентичности не приемлемы внешние показатели национальной общности, ибо они не способны их разрешить.. Ведь, например, с точки зрения одних получается, что человек не владеющий или слабо знающий казахский язык является тем не менее казахом, с позиции другого таковым не является. Один считает, что настоящий казах – это тот, кто живет в ауле, ибо знает обычай, традиции, кушает бешмармак и пр. другой с этим не согласен, ибо таковой, по его мнению, на самом деле «мамбет» и т.д. Эти вопросы постоянно муссируются в печати и научной литературе становятся уже тавтологичными, реально не дают общий, приемлемый для всех вариант решения проблемы.

Все эти бесконечные мнения, относящиеся к проблеме национальной

идентичности, а их может быть столько, сколько сегодня проживает казахов в РК, снимаются, если мы признаем, что принадлежность личности к нации должна определяться им и только им самим лично. В этом случае мы полагаем, эти споры найдут свое естественное разрешение, устраивающее как тех, так и других. Предлагаемая нами установка определения национальной идентичности гуманистична. Она не делит казахов на хороших и плохих, нагыз-казахов или шала казахов, городских и сельских и т.д. Установка очень проста, казахом является любой, кто согласно своей этничности считает себя таковым.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Бауман Э. Индивидуализированное общество. М., 2002, с. 1176-177
- 2.Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.2004, с.35-36
- 3.Роджерс Карл Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994, с. 312
- 4.Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. // Вопросы Философии. 1994, № 10, с. 112
- 5.Кабдрахманов Канат Quzum. Kz
- 6.Тулешов Валихан Automan kz – Kazakh stankaja – model

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Сегодня, несмотря на происходящий процесс всемирной глобализации, ведущий к социальному нивелированию, фактор национальной консолидации, в условиях господства в мире национальных общностей не потерял своего значения. Наличие национальной консолидации всегда выступало и сейчас является фактором силы, могущества страны. И наоборот, отсутствие такового – показатель слабости, несостоятельности данного государства. Современная Украина, например, является относительно богатым экономическим государством, но в то же время это одна из нестабильных в политическом плане стран Европы.. Политический суверенитет государства, будучи, официально провозглашенным и юридически закрепленным, фактически не существует, ибо он реально не проявляется на десятках тысячах километрах ее территории, так как страна раздираема регионально-этническими противоречиями и столкновениями.. Причина – отсутствие общей нации, единой национальной консолидации украинского народа.

Само по себе экономическое могущество еще не выступает гарантией качества нации и национальной сплоченности. Но именно национальная консолидация, а не природные богатства выступают показателем силы нации в мировом сообществе этносов. И что это именно так показывает современный пример маленькой «игрушечной» Эстонии, которая будучи не сопоставимая с природными богатствами Казахстана с населением всего 1,5 миллиона человек принимается в сообщество самых передовых государств мира. Иначе говоря, процесс национальной консолидации может у разных народов проявляться по разному, достигать различной степени зрелости.

Как известно, нация как историческая общность может быть консолидирована в разных аспектах. Это, прежде всего видимые условия нации: общность территории, экономики, языка. Ведь, нация сама по себе уже есть объединение в виде общности; в территориальном, экономическом, языковом и т.д. смыслах. Национальная консолидация зиждется на этих основаниях. В связи с этим можно говорить, например, о консолидации нации в политическом, экономическом, территориальном, демографическом планах и т.д. Это, бесспорно, важные признаки национальной консолидации вообще, характерные для каждой, конкретной нации. «Национальная консолидация – это сознательное, на основе сформировавшихся общих интересов, объединение, сплочение народа с целью усиления, активизации совместной деятельности по решению назревших задач, достижения общих целей.»[1].

Однако, как представляется, в процессе национальной консолидации существенно важным представляется фактор духовно-этнической спаянности, единства, единения нации. В Доктрине Национального единства Казахстана

отмечается, что «...перед казахским народом, который дал своё имя стране, стоит новая историческая миссия: стать консолидирующим центром объединения нации» [2]. О внутренней, нравственно-психологической связанности нации, нельзя судить сходу, одним взглядом, одним высказыванием. Как история показывает, о силе нации легче судить в годину испытаний народа, в решений судьбоносных для общности задач. Но в любом случае национальная консолидация характеризует, прежде всего, и главным образом духовное единство нации, спаянность общности, общий дух нации, способность выступать перед вызовами в консолидированном, едином порыве.

Согласно Л.Н. Гумилеву этническая консолидация есть не что иное, как общность духа этноса, когда каждый индивид ощущает свою духовную сопричастность и общность с другими представителями своего народа. По Л.Гумилеву, чем активен и сплочен народ, тем больше, он достигает и зримых практических результатов, способных его вывести на передовые рубежи цивилизованности в мире. И наоборот, наличие слабой связанности индивидов этноса, отсутствие духовного стрежня в нем, делает по мысли русского ученого этническую общность слабой, недостаточно активной, не способной противостоять вызовам времени. По выражению Гегеля, каждый народ осознает себя таким, каким его видят и воспринимают другие народы. Он отмечал, что не всякий народ имеет право быть самостоятельным, свободным и сильным. Для этого они должны доказать, что «являют собой самостоятельные народы». Это право народу надо заслужить в историческом времени.

Формирование и развитие духовно-этнической консолидации, проявляющейся в силе национального самосознания народа, выступает одним из важнейших слагаемых развития нации. Всякая нация становится консолидированной не сейчас, не сразу, а в результате развития истории. В степени развитости национальной консолидации отражается историческое прошлое народа, совокупность общественного бытия конкретной нации. Как правило, процесс духовно-национальной консолидации в исторических судьбах народа занимает не один десяток, а то и сотни лет. Отсюда, на каждом этапе развития общности национальная консолидация развивается, меняется, отлична от порождающей основы, ибо она характеризует состояние различия духовно-этнической спаянности нации. Мы говорим, например, слабо консолидированная, сильно консолидированная нация. В жизни национальное самосознание по настоящему самостоятельного народа полно уверенности, внутреннего достоинства, уверенности в себе, силы. Оно разительно отличается по уровню развитости духовно-этнических слагаемых тех народов, которые вышли, например, из длительного прошлого периода колониальной или тоталитарной зависимости и впервые в своей истории вступают на дорогу самостоятельного национального развития

Естественно должны существовать и проявляться в этом процессе механизмы функционирования, и условия, формирующие национальную консолидацию. Эти предпосылки собственно совпадают с основными условиями формирующими нацию, как историческую общность: общность экономики, территории, языка, культуры. Развитость этих объективных условий отражается на уровне сплоченности национальной консолидированности того или иного народа. И как показывает практика истории европейских стран именно историческое время, связанное, в частности, прежде всего с прохождением целостного и полновесного периода развития капитализма придает преимущественно процессам внутринациональной консолидированности относительно зрелый характер своего проявления. Пример современной французской, английской, немецкой и др. народов Западной Европы в этом отношении является образцом того, когда развитые объективные условия позволяют формировать крепкие национально консолидированные общности. Речь, следовательно, идет о генезисе рыночных, товарно-денежных отношений, которые должны в конкретных рассматриваемых условиях страны являться достаточно развитыми. Точно также, когда речь идет об общности территории, то и они должны быть географически, быть компактными, едино централизованными, транспортно взаимосвязанными. Говоря об общности языка в развитии нации надо иметь в виду коммуникативность людей определенной общности не только на бытовом уровне, но прежде всего состояние продвинутой литературного языка.

Естественно, процесс духовной консолидации нации нельзя трактовать таким образом, что он полностью зависим от материальных, объективных условия нации. Здесь нет автоматизма. В духовной национальной консолидации есть и проявляется и своя относительная логика развития

О силе развитости национальной сплоченности следует судить, исходя из господства общих патриотических помыслов, единой национальной идеей, отсутствия внутриэтнических противоречий, донациональных психологических следов прошлого. Конечно, подобную оценку нельзя трактовать таким образом, что исчезают любые этнические противоречия внутри национальной общности. Они есть. Например, даже в современной развитой немецкой нации есть противоречия между пришлыми восточными и исконно западногерманскими немцами. В английской нации, известно, издавна существуют противоречия между материковыми англичанами и ирландцами и т.д.

Однако, по нашему мнению, подобного рода противоречия не вытекают из общей исторической логики развития западных исторических общностей в целом, и поэтому они не могут отражаться на общей позитивной оценке уровня национальной консолидированности немцев и англичан в целом. Другой вопрос, когда на процессе складывания и формирования нации заметно отражаются

процессы разобщенности, недостаточной психологической спаянности людей, связанные с исторически непреодоленными до конца психологическими последствиями донациональных исторических форм общностей людей. В известной мере именно подобные исторические причины мешают достижению высокого уровня национальной консолидации современного казахского народа.

Ростки казахской нации, как отмечалось, возникли еще в период присоединения Казахстана к России. Однако развитие нации с тех пор в разное время исторически прерывалось. Буржуазный рынок – экономическая основа формирования нации достаточным образом в Казахстане не развился в связи с Октябрьской революцией. Советский «социалистический рынок» господствовавший в течение 70 с лишним лет не мог в силу отсутствия в нем частнособственнического начала явиться полновесным экономическим фундаментом формирования этнической нации. В силу своей крайней централизации такой рынок под влиянием ведущей роли идеологии способствовал формированию не сколько национальному, а сколько интернациональному, общесоветскому сознанию казахов. Формирование последнего в Казахстане, в связи со специфическими историческими обстоятельствами связанное с последствиями «Голодомора», коллективизации, демографических перекосов и пр. было особенно сильным, что как следствие сказалось на неразвитости национально-этнического сознания казахов. В частности, к моменту получения государственно-политической независимости республики казахи подошли с еще не преодоленными родо-племенными пережитками, что свидетельствовало о недостаточной национальной консолидированности народа.

Тем не менее, определенное время в отечественной литературе довольно широко было распространено мнение, что процесс национальной консолидации казахов решен раз и окончательно. Такая точка зрения, утвердившаяся еще в отечественной науке советского периода исходила из того, что появление казахской нации автоматически предполагало и достижение национальной консолидированности данного народа. Показательна в этом плане исследование монографии проф. Сужикова М.М. под названием «Проблемы социально-экономической консолидации (из опыта перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм)», вышедшей в советском Казахстане еще в 1968 г. Автор, исходя из наличия господства социалистических производственных отношений в республике делал вывод о внутренней консолидированности казахской нации, как фактически реальном явлении.

Безусловно, ни в коем случае не ставя в вину уважаемому автору подобный подход, ибо время и ситуация в Советском Казахстане были своеобразными, мы говорим об этом как о весьма показательном для того времени упрощенно методологическом подходе общественных наук к сложным, противоречивым

явлениям, каковым является проблема духовной консолидированности нации.

Известная односторонность такой позиции констатирующей факт национальной консолидированности казахского этноса как решенной задачи объясняется в основном и главным идеологической причиной, согласно которой социализм раз и навсегда решает национальные проблемы, в том числе и духовной консолидированности нации. Такая точка зрения игнорировала, не принимала в расчет имеющиеся в казахской нации докапиталистические пережитки, влияние последних на процесс национальной консолидированности.

И в этом смысле современной казахской нации предстоит с известным запозданием в сравнении с развитыми народами пережить трудности складывания процесса национальной консолидированности казахов. Ведь исторически казахи жили довольно продолжительно в статусе колониальной окраины царской России, впоследствии в составе Советской империи. Можно сказать, что современная политическая и экономическая модернизация застала казахов в стадии незавершенного нациообразования. Становится понятным, что пока уровень национального самосознания казахов остается незрелым, угроза кризиса и маргинализации казахской нации сохраняется. Поэтому когда сегодня с получением государственно-политической независимости Казахстана начался новый подъем национального самосознания казахов, вопрос консолидации и единства казахского народа становится одним из самых актуальных не только в объективном, но и субъективном смысле слова. Подтверждение тому являются современные активные поиски национальной идеи казахов, стремление к духовному осмыслению своей истории, патриотические усилия по развитию казахского языка и т.д. Подобные стремления к национальному единению и выражению своего лица казахами весьма показательны. Исторически, как мы помним, например, задача достижения новых высот консолидированности казахов в советское время объективно не стояла и не могла стоять. Обычно такие духовно-национальные поиски, которые сейчас происходят в современном Казахстане, предшествуют независимости, борьбе граждан и народа за свою независимость. В Республике Казахстан они проявляются массово и повсеместно только после получения государственной независимости. Иначе говоря, в РК сожалению, процесс этот несколько запаздальный, связанный с независимыми от самих казахов причинами

Известный английский историк А.Тойнби отмечал: «Существуют социальные трещины вертикального и горизонтального типа. Вертикальные трещины между территориальными делениями общества (жузы – К.С.), горизонтальные внутри смешанных обществ, подразделенные на классы (социальное разделение в нашей стране – К.С.)» [3]. Необходимо не драматизируя преодолеть реально имеющиеся противоречия, между «шала казахами» и «нагыз казахами», сельскими и городскими, южными и северными,

старшим, средним, младшим жузами, русскоговорящими и казахоговорящими, сверхбогатыми и бедными. Учет сегодня процессов и противоречии реально имеющийся в этносознании казахского народа дают основания думать, что казахи - нация формирующаяся, идущая к своей внутренней, духовно-психологической консолидированности. Современному казахскому народу, необходимо пройти через цикл цивилизованного развития своей национальной, культуры, языка, ментальности, привычек, традиций, обычаев, который прошли европейские нации. Важно чтобы всякие внутридробные различия казахов как народа постепенно ушли, исчезли. Одни исчезли реально, как например, деление на «шала казахов» и «нагыз казахов», другие (родовые пережитки) ушли из сознания народа. Результат – казахи, как этнос должны обрести свое развитое своеобразное национальное лицо, национальную идею, которую столь безуспешно не могут сейчас создать наши современные теоретики.

Сегодня нет единства среди казахов, особенно в отношении к языку и культуре, что негативно отражается как в сфере внутринациональных, так межнациональных отношений. Различие установок и ориентаций среди казахов в значительной степени связано с отсутствием целостной социокультурной идентичности. В результате, - налицо проблемы с общенациональной субъектностью, отсутствием общих целей, четкого национальной идентичности. Не имея устойчивых представлений о себе как об общности, казахи порой идентифицируют себя с отдельными группами, а не с казахским народом как единой целостностью.

Получение государственно-политической независимости РК создало естественные, объективные условия для укрепления национальной консолидации. Однако, как и всякий процесс развития, слагаемые процесса национальной консолидации казахов складываются нелегко, порой в сложных трудностях. Так, начиная с 1989 года, сформировалось завышенное ожидание в общественном мнении по развитию и распространению казахского языка. Пришло понимание, что нация является полноценной, пока живет ее язык, сохраняющий единство народа в исторической преемственности, в географическом и социальном пространстве. В то же время вполне определенно на практике можно констатировать, что сегодня наблюдается заметный разрыв между ожиданиями и реальным уровнем распространения государственного языка. Немалая часть казахов до сих пор не владеет родным языком.

Роль и значение казахского языка в обществе растут. Однако из-за отсутствия языкового единства, как среди казахов, так и в обществе в целом, подспудно развивается социокультурный конфликт, когда одни группы казахов предпочитают например информацию русскоязычных СМИ, другая знающая родной язык ориентируется на трансляцию казахоязычных ценностных установок. Из-за этого одна часть казахов настроенно воспринимает другую,

что, безусловно, не консолидирует казахскую нацию.

В этой связи нельзя не сказать, что одной из особенностей развития современных казахов является сосуществование и взаимодействие разнородных, сложившихся на различной ценностной основе социокультурных образований, а также поддержание и воспроизводство ими соответствующих форм общественного сознания и моделей поведения. Внутриэтническое разделение на почве социокультурной дифференциации возникло вследствие ускоренной, принудительной языковой ассимиляции и усвоения иноэтнической культуры в советский период. Это стало одной из причин дезинтеграции казахов как социокультурной общности, что прослеживается не только в особенностях этнолингвистической социализации, но и, как следствие, на глубинном, ценностном уровне. Раскол особенно ярко проявляется в применении государственного языка, определении формы государственности и политических приоритетах. Вследствие всего этого, внутри казахов образовались группы, каждая из которых обладает присущим ей набором относительно устойчивых социокультурных и социально-психологических признаков. Внутреннее социокультурное разделение казахов стало иногда доминировать даже над осознанием общенационального единства.

В то же время в отличие от европейских нации на характере процесса национальной консолидированности казахов сказываются и остатки родового сознания, которые также не несут исходно объединительных национально-этнических функций. В этой связи следует подчеркнуть, что понятия «национальная консолидация» и «родовая сплоченность» не просто господствуют на разных исторических этапах, но они функционально, по характеру выступают антиподами. Если первое формирует объединяющее чувство единства всех казахов независимо от родовой принадлежности, то второе консолидирует близких по крови, рассматривая остальных казахов как далеких от своего клана.

Весьма показательны в этом плане влияние жузовой солидарности на структуры власти Казахстана. Так, по мнению Берика Абдыгалиева, страной управляет узкая этноэлита, «этническая корпорация», которая не представляет весь казахский народ, но имеет свой частный интерес [4]. Более широкую жузовую «базу», дают исследования Казахстанского института социально-экономической информации и прогнозирования, по которым лишь 11,1% опрошенных респондентов-казахов не знают о жузах, либо не относят себя к жузам [5]. 2/3 казахских респондентов знают семь поколений своих предков. Одновременно проявляется дуальное измерение внутриказахской идентичности, поскольку только 0,9% казахских респондентов ощущают себя, в первую очередь, представителями жуза и 4,1% – представителями рода. Зато 56,7% респондентов отождествляют себя с казахстанцами, гражданами Республики Казахстан и

32,9% – с представителями своей национальности [6]. При выборе деловых партнеров 44,6% респондентов отдают предпочтение представителям своего рода. На этом основании можно сделать вывод, что на общегосударственном макроуровне значение жузовой или родоплеменной принадлежности ослабевает, но её роль растёт на микроуровне.

Современная традиция семейно-родовой консолидации казахов в различных сферах жизнедеятельности общества, например в кадровой области, местном управленческом аппарате отнюдь не консолидирует нацию в единое целое. Местечковые, узкокорпоративные интересы, каковыми, в частности являются родовые, ослабляют силу национальной консолидации казахов. Пережитки родового сознания – в сущности своей это рецидивы узко-местнического, незрелого сознания, не способствующего национальной общей консолидации казахов. Можно отсюда с известной долей вероятности констатировать, что раз современные казахи – нация с неизжитой инерцией родоплеменного строя (родоплеменность). одинарный казах выступает пока слабым носителем национального интереса. При этом речь идет, на наш взгляд, не о единичных проявлениях такой психологии, а явлении массовом, типичном.

Для сравнения, одинарный современный русский – это зрелый носитель интересов современной России. Вспомним, как встрепенулись русские, когда Россия начала войну против Грузии в августе 2008 г. Не меньшую, если не сказать больше национальную консолидированность русские в основной массе демонстрируют в оценке события лета 2014 г. на Украине. В то же время, основной массе казахов глубоко системно, психологически еще не укоренилось идея национальной общности, общего единения, при котором родо-местечковые интересы не играли бы заметной роли. Об этом можно судить, хотя по современному территориальному расселению казахов, которые, как известно, в массе своей все еще живут компактно по регионам, на которых в прошлом жили их рода, племена.

Тем не менее, слышатся мнения, в том числе и ученых о том, что в психологических рецидивах патриархально-родового сознания нет ничего плохого, и они де не угрожают современной национальной консолидированности казахов. Нельзя согласиться, в частности с позицией некоторых казахстанских политиков и ученых, которые оправдывают существование остатков родового сознания, более того считая даже это благом. Так, по мнению известного историка Н.Масанова система родоплеменного деления «хороша тем, что частично снижает уровень коррупции в среде чиновников, потому что с родственников требовать деньги не удобно, разве что можно взять подарки»[7]. Еще более определенно высказывается политолог Мамырайымов Т., который утверждает, что «без трайбализма нет будущего у казахского народа, поскольку его стабильное развитие и существование тесно связаны с такими базовыми

понятиями как Шежире, Жети атага дейин кыз алыспау.» и далее « ... трайбалистский ресурс нашей властной элиты стал органичной частью казахстанской политической жизни»[8]. Однако подобного рода утверждения не только не соответствует действительности, ибо подарки с родственников – эта та же замаскированная форма коррупции, но самое главное эта родоплеменная система никогда не выступала в истории казахов силой формирующей общие национальные чувства.. Наоборот, экскурс в недавнюю историю казахов дает немало примеров того, что именно родо-жузовые узы сказывались отрицательно на состоянии национальной консолидированности народа. Вот только несколько примеров из нашей недавней истории. Известно, что в свое время сталинский механизм использовал в своих репрессивных целях рецидивы сохраняющихся следов патриархального и родового сознания. Примечательный факт в этой связи приводит жена репрессированного экс-председателя СНК Сакена Сейфуллина, вспоминая, что Ежов ехидно спрашивал ее мужа, почему это казахи такие жалобщики: «Чуть что строчат один на другого»[9].

. Замечательный казахский писатель Кабдеш Жумадилов в своей статье (2013 г.) со свойственной ему широтой описывая времена Голощекина говорит о вопиющем доносительстве казахстанской партийной элиты по признакам трайбализма. При этом, в частности, Сейфуллин представлял интересы Среднего, Мендешев – Младшего, Рыскулов – Старшего жузов.

Писатель свидетельствует о том, что практически вся номенклатура республики толпилась у двери Голощекина и клеймила друг друга на предмет принадлежности к движению алашординцев, байским замашкам и т.д.

Прослушав все это, Голощекин якобы сказал реплику: «Что вы за народ». Есть в статье и другие свидетельства и рассуждения автора отмеченной статьи, по теме казахской готовности топить друг друга, перед пришлым партфункционером, в первую очередь по родовым признакам

Вспоминает супруга наркома просвещения Каз.ССР Ураза Джандосова Фатима Джандосова (Сутюшева): «По моему– говорит она, – с первых же дней в новой столице (имеется в виду Кзыл-Орда, куда казахстанское правительство переехало в 1925 г.) среди казахов началась концентрация группировок по родам, каждый старался делать политическую погоду Казахстана»[10].

Другой исторический факт из этого разряда. Едва ли не главной причиной участия казахов в восстании 1916 г. было не столько вообще нежелание отправляться на окопные работы (что чаще всего можно встретить в учебниках по истории Казахстана), а сколько массовые нарушения элементарной справедливости, допущенные волостными управителями при проведении мобилизации. Руководствуясь психологией «мой и вы» (в основе которой лежала нередко родо-племенная вражда, родственная близость), волостные начальники записывали на работы исключительно иноплеменников и нежелательных для них

элементов, что не могло не привести к возмущению и протестному взрыву. Родо-племенные, земляческие мотивы ретивых начальников по сути дела, раскалывали казахов, деля из родовой принадлежности на «наших» и «чужих».

Характер духовно-этнической консолидации исторической общности на исторических этапах определяется, в конечном счете, переживаемым этапом социально-экономического развития, на котором находится тот или иной этнос. Консолидация, например, рода и племени характерная для патриархально-родового строя основана на родственной сплоченности. Народность, порождаемая рабовладением и феодализмом, консолидирует общность людей уже в большей степени на основе общности языка, культуры, территории. В истории казахов, например, родовая сплоченность и консолидация казахской народности порой, нередко вступали в серьезные, антагонистические противоречия. Отъезд Жанибека и Кирея – показатель такого противоречия, которое, как известно, явилось началом самостоятельного пути развития казахского народа.

Широко известно, что сегодня в условиях суверенного Казахстана аулы продолжают оставаться по инерции цитаделями родоплеменного сознания, в тоже время мегаполис активно формирует преимущественно национальное и вместе с тем интернациональное сознание. Издавна повелось, что казах, родившийся в моноэтнической, ничем не разбавленной казахской среде не всегда обостренно осознает свою национальную принадлежность. Прежде всего, он знает имя своего рода, племени, к которому по естественно-генетической линии он себя относит. Процесс этнической самоидентификации «Я», у него по сути дела ассоциируется тем самым с родом, племенем, к которому он принадлежит, а уж параллельно, имеющем меньшее значение с национальной принадлежностью. С началом массовой урбанизации, стремительным пополнением населения городов за счет пустующего села начавшегося особенно после 90 –х годов XX в., такой индивид попал в другую этнонациональную среду, где фактор осознания своего национального «Я» проходит более быстрыми темпами. И радикальную роль в таком повороте сознания играет обыкновенная микросреда: улица школа, автобус, потом вуз, рабочий коллектив.

В результате, особенно из лиц среднего и особенно старшего поколения, ныне сформирован современный тип личности казаха, который родился в ауле, закончил там казахскую школу, попал в город, поступил в вуз или на промышленное производство. И вся остальная жизнь проходит в городе. За годы жизни такой индивид приобретает природное двуязычие, национальное и интернациональное самосознание, которое в меру разбавлено исторически затухающим, родоплеменным. В этом типовом портрете узнаются многие современники, живущие в начале XX в. поколения, чья молодость прошла в советское время

Молодые, родившиеся в аулах после получения государственной независимости Казахстана, находятся в несколько иной ситуации, которое можно определить как своеобразное распустье. Здесь многим еще надо объяснять на посторонних примерах пагубность показного национализма, основанного к тому же на сознании не национальном, а еще родоплеменном. Ведь именно последнее т.е. родоплеменное сознание нередко служит у таких молодых формой своеобразного восприятия политико-реформаторских нововведений в современном Казахстане, видящих на политической арене не борьбу партии и идей, а процесс отстаивания интересов конкретных личностей, семей, кланов. Хотя это никоим образом не отменяет демократии – как член определенного клана «нагыз казах» хочет также влиять на управление страной. Кстати и противоестественность западных форм демократии с полной свободой личности особенно наглядно проявляется в этой массе казахов, которые не одобряют такие ее видимые проявления, как распространение порнографии, наркомании, культа насилия, однополых браков и т.д.

Казахстан с начала XX в. переживает этап урбанизации. Этому существенно способствует и происходящая деколлективизация. Совхозы и колхозы разогнали, аулы опустели. Молодежь хлынула в города. В течение полутора десятка лет после получения независимости в городах нарастает сословие «аульных казахов», «нагыз казахов», которое конкурентно уступает «городским», «шала казахам». В этой среде происходят трудные процессы сближения, разделения и соединения этих составляющих казахского этноса новейшего времени. «Городские», «шала-казахи», например, лучше владеют русским языком и зарубежными, «аульные» «шала казахи» - казахским. Или, национально-патриотическое движение формируется в основном из «аульных». Интернациональное, «космополитическое» - из городских.

Проявляются и вполне определенные парадоксы. Скажем, хотя население городов увеличивается за счет пустеющего аула, тем не менее, численность казахов от этого не увеличивается. Зато заметно в зависимости от родового преобладания, особенно начальства, становится больше где-то аргынов, где-то адаевцев, где-то конратов, уйсуней и т.д. Значение таких форм дифференциации в среде городского населения, конечно нельзя преувеличивать, ибо этот рецидив родового сознания в начале XXI века в целом не имеет перспектив для своего развития. Но в тоже время нельзя не видеть, что подобное отнюдь не консолидирует казахов как нацию.

Указанная проблема характерна не только для современного Казахстана. Это образно говоря «родовое пятно» всех деколонизированных народов, у которых наблюдается неразвитость национального самосознания. Оно еще не успевает выработаться, и часто в политике подменяется родоплеменным, не объединяющим народ. При этой форме сознания понятия «свобода»,

«независимость», «демократия» превращаются нередко в свою противоположность. Это вполне отчетливо проявляется в новейшей истории деколонизированных стран.

В то же время, большинство так называемых шала казахов в значительном большинстве русскоговорящие казахстанцы, в своем мировоззрении инфицированы экспортной версией либерализма, требующих установления путем демократических выборов западных стандартов свободы в их чистом виде.

В целом, можно констатировать, что помимо единых антропологических, культурных, исторических, географических показателей, пока общая казахская идентичность – социодифференцирована. Казахская идентичность будучи общей, в то же время сейчас большей частью разделена. Главное, пожалуй, в том, что носители казахского и русского языка в вопросах ценностей, развития будущего казахов, состояния языка, его развития, место и роли выступают разделенными.

Фактом сегодняшнего дня является известная духовная двойственность казахской нации, когда одна ее часть оказалась в индустриальной ступени развития, а другая осталась в аграрной, как следствие процесса мирового цивилизационного разлома. Иначе говоря в сегодняшнем внутриказахском разломе казахов проявилась общая драма, характерная для многих народов при переходе от аграрного общества к индустриальному. Согласно американскому исследователю Э.Тоффлеру в мире есть люди прошлого, которые составляют около 70 % жителей земли. И есть 25 % живущих «в промышленно развитых странах. Они живут современной жизнью. Они люди настоящего» [11]. Применяя этот методологический вывод Э.Тоффлера можно сказать, что сегодня городские казахи, занимающиеся производством и технологией, живут сегодняшним днем, а аульные животноводы – вчерашним.

Внешние признаки дифференцирующие казахскую нацию – социальные и языковые. С одной стороны аульные казахоязычные казахи, с другой – городские, русскоязычные.их сородичи. Причины такого разлома - в истории казахского народа. Как известно, при советской власти в городах или не было казахских школ, или их было очень мало, и городские казахи отдавали детей в русские школы. Основная масса казахов поголовно переходила на русский язык по производственной необходимости. С течением времени казах по национальности фактически приобретал признаки русскоязычного национального самосознания. Его язык, менталитет, мировоззрение были уже не казахскими, по этим показателям он относился уже к другому социуму.

Просвещенные казахи все больше ощущают духовную двойственность и противоречивость своего положения, но они ничего не могут сделать против этого. С течением времени пропасть между аульными, казахоязычными и городскими русскоязычными казахами стала в настоящее время довольно значительной. В результате, у казахов, очутившихся по разные стороны линии

разлома, духовный мир неодинаков, их культура и нравы несхожи. В жизни нации твердо укрепился культурный дуализм, казахи, по выражению С.Хантингтона стали «разорванной нацией». Сегодня под одним общим небом сосуществуют образно говоря два духовных казахских мира. И все неурядицы духовного порядка идут отсюда – от разделения казахской нации на два мира.

Находясь на разных берегах разлома, аульные и городские казахи говорят не только на разных языках. Нередко они согласно этой дифференциации получают информацию разного качества, неодинакового содержания. Отсюда у них интеллектуальный уровень, культура выступают не одинаковыми. Их стили мышления отличаются друг от друга. Каждая группа делает свои выводы, черпая из опыта своей жизненной практики и полученного образования. Их стремления, помыслы, понимание вопросов национального, государственного масштаба, вопросов языка, культуры, традиции, международной политики – не совпадают. У них и вкусы разные, не совпадают взгляды на искусство, на музыку, балет. В большинстве случаев одни и те же события, явления они воспринимают по-разному, на один и тот же вопрос дают противоположные ответы, одну и ту же проблему решают совсем по-разному. Каждый из них по своему, трактует заметные политические события.

С точки зрения аксиологических принципов представители двух миров имеют разные ценностные ориентации. Аульные казахи стараются сохранить язык, традиции, национальную культуру, верования, т.е. все, что пришло от предков. Городские казахи понимают аульных сородичей и не отвергают их ценностей. Вместе с тем, они пытаются внедрить общечеловеческие ценности, уберечь народ от изолированности. Они защищают личность человека, личную свободу индивида, его естественное право, право развивать демократию, строить гражданское общество.

В целом, можно утверждать, что в одной казахской нации в настоящее время живут две «нации», состоящие из двух маргинальных групп, говорящих на двух языках, с разными уровнями мировоззрения, создающими две разные культуры.

Тем не менее, можно столь же определенно утверждать, что отмеченные значительные духовно-культурные различия проявляются в одном и том же феномене «общего национального самосознания» казахов, общность ценностей которого не вызывают у них сомнения. И те и другие не лишены патриотических чувств. Для них одинаково дороги страна, земля, история предков и будущее подрастающего поколения. Их стремления, пожелания, касающиеся казахской нации, родного языка, культуры – высоки, бескорыстны, цели благородны.

Но как не парадоксально, непонимание друг друга при выборе тактических вопросов приводит их к столкновениям. Представители двух миров нередко применяют по отношению друг к другу клички, ставшие в известном смысле традиционными: «мамбеты» и «манкурты». Первая кличка относится к

казахоязычным, а вторая их русскоязычным соплеменникам.

Отмечаемое внутринациональное противоречие казахов – не следствие самой природы национального самосознания, а оно продукт определенных специфических социально-исторических особенностей развития Казахстана, проявляющихся в самосознании казахов как отражение мирового процесса глобализации. Казахская нация сегодня выступает расколотой, ибо ее представители оказались на разных ступенях цивилизационного развития.

Но как известно, не бывает двух истин. Здесь уместна постановка вопроса, поставленная С. Кьеркегором: «или – или» ? [12]. Или, правда на стороне аульных казахов, или, правы казахи индустриального города. Одни правы – другие заблуждаются.

И история в целом дает ответы на этот вопрос. Известно, в частности, что есть аксиомы, выстраданные историческим опытом человечества, испытанные временем, ставшие достоянием всего человечества. Вот некоторые из них: индустриальное общество более передовое, чем аграрное, город более цивилизованное начало, нежели аул, село всегда следует за городом. Так было во всех странах мира; так было во все века в истории; так обстоят дела и сегодня. Так будет и в грядущем, в том числе и в будущем после ликвидации внутринационального противоречия казахов.

Вместе с тем, в спектре проблем современной внутриказахской национальной консолидации находятся и трудности, природа которых по нашему мнению, связаны не столько с мировой глобализацией, а сколько с рецидивами прошлого в национальном характере казахов. Широко известны достоинства казахского национального характера - верность традициям; уважительное отношение к памяти предков, своему роду, старшим в семье и детям; тщательное соблюдение закона гостеприимства; толерантность по отношению к другим культурам и религиям. Подобная открытость друг другу, стремление строить взаимные отношения во имя процветания общей Родины, могущества всей казахской нации, как и у всякого народа, являются слагаемыми национальной консолидации казахов. Здесь понятно, должны уйти в прошлое надуманные, искусственные препоны, которые мешают достижению этих общих целей. И здесь важна «внутренняя» работа каждого казаха по осознанию и искоренению психологических рецидивов мешающих достижению цели национальной консолидации.

Но наверно будет правильно, если определяющие положительные этнопсихологические качества каждого народа будут рассматриваться вкупе, в комплексе, в котором предполагается существование и постепенное исчезновение отрицательных характеристик этноса, которые были злободневны для своего исторического времени. Многое отрицательное, что, например, бичевал великий Абай в казахах исчезло, стало не столь злободневным, имеет тенденцию к

постепенному отмиранию. Кануло к лету невежество, безграмотность казахов, в народа. Уже в советское время казахи стали одним из самых грамотных и просвещенных народов мира. В условиях нынешнего рынка появляется и становится массовым новый тип казаха – не только грамотного, культурного, но и делового, рационального, хваткого, адекватно реагирующего на вызовы времени. Можно вполне реально прогнозировать, что именно такой казах, близкий к типу человека Запада и воцарится в XXI веке в казахских степях.

Но вот вопрос, можно ли однозначно, с полной уверенностью утверждать, что все этнопсихологические негативы, критикуемые некогда Абаем исчезли из жизни современных казахов и они отныне уже не сказываются на общей национальной консолидированности казахов? Нам представляется, что подобный взгляд на состояние национального характера казахов не диалектичен, в принципе неверен, не отражает реальностей.

Еще с советской обществоведческой науки идет традиция, согласно которой национальный характер народа следует характеризовать только позитивно. В значительной мере эта традиция сохранилась и сейчас. Но согласимся, не бывает только позитивных наций, как впрочем, и сугубо отрицательных. Как в отдельно взятом человеке, так и в национальном характере любого народа есть и положительное, так же как и отрицательное.

И в этом смысле, казахи в своем национальном характере и сегодня все еще несут в себе те психологические следы внутренней разобщенности казахов, доставшиеся от былого колониального прошлого и недостаточной развитости капитализма, более того прошлого кочевого состояния, что вкупе сказывается на общем состоянии национальной консолидированности народа.

В частности, печати нередко публицисты, журналисты пишут о проявлениях в среде казахов недостаточного самоуважения, национального достоинства. Все больше и больше ученых и писателей поднимают острые проблемы развития казахской нации. Истоки многих подобных изъянов в национальном характере казахов – в общественном положении народа в царской России, советском имперском прошлом. Отрицать подобного рода факты нельзя, но подобного рода явления естественным образом исчезнут с ростом авторитета Казахстана, личными усилиями каждого казаха знать свою национальную историю, культуру, язык. Но в то же время порой складывается ощущение, что порой некоторые пишущие на эту тему смакуют подобного рода явления в национальном характере казахов. Сегодня говорить о «казахской проблеме» становится признаком хорошего тона. Но, зачастую, они занимаются разжиганием реальных и мнимых обид казахов, фактически формируя у казахов социально-культурные и психологические комплексы.

Среди казахов распространено так называемое «невротическое сознание», национальное самобичевание, самоунижение. Подобного рода факты

национального самобичевания надо рассматривать как рецидив советского пропагандистского прошлого, которая, принижала историю казахов, считая ее нецивилизованной, дикой. Из-за недостатка позитивных стимулов выработался своего рода комплекс неполноценности, провал в самооценке, потеря позитивной групповой идентичности, самоуважения, заниженное чувство чести и достоинства нации. Нужно это вытеснить позитивным национальным самоутверждением.

Подобного рода излишняя психологическая драматизация, на наш взгляд проявляется и в проблеме в казахской национальной среде которую довольно обстоятельно описал современный казахский писатель М.Магуин[13]. Автор по сути дела предъявляет претензию ко всей нации, считая, что существует внутриказахское противоречие - «враг казаха - казах». Но так ли это? Теоретическое его признание означало бы отсутствие вообще всякой национальной консолидированности казахов, что противоречит реальности существования феномена «казахской нации».

Но с чем можно согласиться, с автором, так это с нередко встречающимся во внутриказахских отношениях как в прошлом, так и настоящем проявлении зависти, взаимного недоброжелательства, склоков, повышенных притязаний друг другу и пр., которые никак не способствуют национальной консолидации казахов. Широко известно, что критике этих недостатков в национальном характере казахов немало страниц в своих произведениях посвятили в своем творчестве не только Абай Кунанбаев, но и Сакен Сейфулин, Беймбет Майлин и др. известные казахские писатели

Абай, например, в «Словах назидания пишет « В чем кроется причина разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу? Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием?» (слово 3).

Неприязнь, недоброжелательство людей – качества психологические. Но взятые в философско - мировоззренческом контексте, а именно так их толкует Абай, они качества общие для социальной группы, в данном случае для казахов.

Абай неоднократно возвращается к волнующей его проблеме. «Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть. Неужели нам так и жить, подстерегая друг друга, оставаясь ничтожнейшими из всех народов на земле? Или все-таки, наступят светлые дни, когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем. Вряд ли наступят такие дни» (слово 24)

Сегодня некоторые проявления подобного рода негативов во внутриказахских отношениях – это рецидив прошлого, времени, при котором жил Абай. Поэтому задача состоит в том, чтобы разобраться в природе такого

психологического явления, чем оно обусловлено, какими обстоятельствами порождается. Ведь оно в принципе выступает прямым антиподом формированию национальной консолидации казахского народа.

Есть ли аналогичные примеры в жизни других народов? Или это феномен, присущий только казахам? По мнению писателя Магауина – это массовое явление типичное для внутриказахских отношений, особенно для властвующей элиты.

Но это мнение писателя спорное. И не только потому, что казахи – , традиционно гостеприимны, дружелюбны, в том числе и между собой. Есть факты, говорящие о том, что казахи, проживающие в других странах, отличаются даже большей сплоченностью, чем другие народы. Шведские ученые, посетившие современный Синьцзян (Китай), отмечают удивительную особенность у казахов: «если уйгуры и узбеки довольно быстро ассимилируются, то казахи держаться особняком, не ассимилируются и сохраняют свой язык и культуру». Это является нормой, поскольку казахи до получения независимости в 1991 г. были национальным меньшинством в бывшей, так называемой Казахской ССР (40% от общей численности населения), освоили хорошо русский язык, однако не ассимилировались.[14].

Подобная сплоченность и дружественные обоюдные отношения – это весьма характерное явление для многих национальных меньшинств, живущих в других странах. И казахи в этом отношении не исключение. Это мировая тенденция. Она подкрепляется множеством фактов подобного рода, как истории, так и современности. Современный казахский писатель М.Ауэзов, например, очень тепло в своих воспоминаниях пишет о дружных, теплых отношениях молодых казахов- студентов, которые в 50-60-е годы XX в. жили и учились в Москве. Современные русские в современном Казахстане, по наблюдениям современников живут между собой более кучно, нежели их соотечественники в соседней России. То же самое можно сказать и современных диаспорах корейцев, чеченцев и т.д., которые также проживают в Казахстане.

Таким образом, отрицать реальное наличие позитивных, дружественных отношений в среде казахов, как и других народов нельзя. Более того, можно утверждать, что сам факт существования современной казахской нации – уже свидетельство о реальном приоритете внутриказахских позитивных отношений, выраженное в общем национальном самосознании казахов. Следовательно, писатель несколько абсолютизирует нравственные недостатки казахов, речь скорее должна идти об указанных отрицательных явлениях, как о весьма распространенных в среде казахов в Казахстане.

Сложный вопрос, чем это объясняется, в чем причины негативных взаимных отношении казахов. В российской литературе склонны объяснять их родо-жузовыми дифференциациями казахов. И, к сожалению, как мы видели

выше, история взаимных отношений представителей разных родов казахов дает тому немало примеров. Действительно, остающиеся в психологии родоплеменные отношения я и в начале XX в. продолжают оставаться серьезным препятствием на пути складывания казахской нации. Но проблема то стоит шире, ведь казах рассматривает другого казаха в качестве своего врага не из-за родовой противоположности, а в межличностном противоречии.

Писатель М.Магауин ссылается на мнение венгров, которые объясняют такие отношения казахов незнанием определенной их частью родного языка. В результате, считает писатель, вслед за венграми, неприятие казахского языка и своей культуры последними(шала-казахами) находит продолжение в неприятии себе подобных

С такой логикой объяснения проблемы также, на наш взгляд, нельзя полностью согласиться. Получается, что дифференцируется по сути дела определенная группа казахов, которых сегодня называют «шала-казахами», и именно им приписывается злобное психологическое качество враждебности к своим соплеменникам. Но если судить непредвзято, согласимся, отношения взаимного недоброжелательства наблюдаются в целом среди казахов, а не только среди тех, кто владеет, и кто не владеет казахским языком.

Следовательно, думается, причины явления лежат в другой плоскости. Они в казахском обществе появились не сегодня, и имеют вполне определенные исторические основания. Но их никак нельзя связывать с временами после получения государственной независимости РК, как голословно считает писатель М.Магауин.

Корни отмеченного негативного явления лежат на наш взгляд еще в более ранних периодах истории казахов в характере специфического социального мира кочевого общества, в котором формировалась личность степного казаха. Исходным здесь являлась специфика процесса автономизации личности степняка, которая в условиях господства патриархально-традиционных структур происходила во внеэкономической сфере, как личная самореализация перед своим соплеменником-казахом. В этом в частности, решающая особенность формирования личностного начала в кочевом обществе, в отличие от становления личности в эпоху Возрождения в Западной Европе, где она развивалась на базе хозяйственной деятельности, основанной на частной собственности. В западных странах в условиях капитализма личность становилась и формировалась, прежде всего, под воздействием частнособственнической базы. Владение частной собственностью была той исходной фундаментальной основой, которая формировала на протяжении столетии подлинное самоуважение, как к себе, так и другому собственнику. Но, как известно, для сравнения, не только господства, но и наличия в массе казахов частной собственности ни в кочевой период, ни позже, вплоть до получения

государственной независимости РК в исторических судьбах казахского народа не было.

Поэтому в отличие от европейских стран формирование личности казаха происходило не сколько в экономической, а прежде всего и главным образом во внеэкономической общественной сфере. Они находились в надстроечной области: акынстве, песенном творчестве, поэзии, военных баталиях и т.д. Личность выражала себя через воинскую удаль, физическую силу, родовую принадлежность, талант акына-импровизатора и пр. Внеэкономическая многовековая практика индивидуального самовыражения казаха в надстроечной области постоянно заставляла рассматривать своего соплеменника – казаха, как индивидуального соперника в борьбе, личного оппонента, которого надо обойти, выиграть. Подобное «личностное» самоутверждение проявлялось тем сильнее, чем тверже человек стоял на ногах, чем уверенней он себя чувствовал. Отсюда в психологии казаха пренебрежение своим соплеменником, а то и откровенно враждебное отношение к нему, как элемент личностного самоутверждения играло веками исторически исключительную роль.

Психологической основой такого отношения являлся господствующий патриархальный взгляд, являющийся традиционным, при котором казах исторически рассматривал своего соплеменника не как отдельную автономную личность со своими независимыми качествами, внутренним автономным миром, собственностью и пр., а индивидом более близким, родственным. Иначе говоря, казах в глазах другого казаха всегда традиционно выступал и сегодня, заметим, традиционно выступает для него не только как понятным, близким, но и самое главное, родственным. Из истории известно, что все казахи во все времена, выступали по отношению друг другу родственниками. Казахи например, до сих пор, считают свое родословие «жеты ата» (семь предков) по трем линиям; 1) Ата_журт, предки по отцу; 2) нагаши_ата, предки по матери; 3) кайын_журт, предки жены. В принципе, при традициях экзогамии, считающих брак на «трехлинейной» родне до 7 колен инцестом и грехом, каждый казах приходится, так или иначе, родственником или свойственником любому казаху. Родственные отношения считаются до 40 колена: до 7 колена - родные, с 8 по 14 _ двоюродные, с 15 по 21 _ троюродные и т.д.

Подобное «свойское» отношение к другому казаху, внутреннее непризнание его автономности как личности, исторически приводило к завышенным притязательным требованиям к своему соплеменнику, постоянному сопоставительному сравнению слагаемых «моего» и «его», его личных достижений и моих, что становилось нередко психологической базой для проявлений чувства взаимной зависти, недоброжелательства и пр.

Конечно, время неумолимо, патриархальные стереотипы в характере трансформируются. Но с формированием казахской нации прежние ценностно-

смысловые приоритеты и взаимного личностного соперничества и ныне все еще продолжают жить в сознании и психологии современного казаха, хотя уже в осовремененном виде, независимо от того, кем он является, механизатором, чиновником и пр. Примечательно, что в условиях функционирования государства и его институтов с усложнением социально-иерархической лестницы патриархально-родственные рецидивы подобного порядка в современном казахе стали своеобразно выражаться в борьбе за более высокие высоты служебно-иерархической лестницы, собственного материального обогащения. Главным средством выражения личностного «Я в условиях рынка ныне чаще всего становятся не победы на айтысах, песенном творчестве и т.д., а чиновничий пост, материальная должность. Но при этом, преследуются интересы отнюдь не общие, национальные, государственные. Для современного казаха все еще зачастую важно, прежде всего, утвердиться в глазах своего соплеменника, для которого, как и для его оппонента важно личностное возвышение, а не благо государства, нации.

Можно сказать, что казахи и сейчас в немалой степени продолжают жить проблемами внутриродственного мира (включая сюда семейные, родовые и пр.), нежели общими, национальными гражданскими. Естественным следствием такой парадигмы личностного самоутверждения нередко становятся достижения не столько реальных результатов, а сколько показных мероприятий, в которых главным является форма, а не содержание. Характерна адресность таких показных мероприятия – они предназначены, прежде всего, для своих соплеменников – других казахов. Подобная обстановка личностно-родственного соперничества проявляющаяся внутренне в душах людей как в быту, так порой в служебно-государственной работе сегодня и выступает основой все еще встречающихся отношений взаимных отношений зависти, недоброжелательства и пр. казахов.

Естественным образом возникает вопрос, а на каких путях возможно искоренение подобного негативного явления, влияющего на процесс консолидации казахской нации? На наш взгляд – если кратко, на экономических, конкретно рыночных путях. Укрепление и расширение частнособственнических отношений в современном Казахстане, в который вовлекаются все большее количество казахов способно явиться главной основой ликвидации негативов во внутриказахских личностных отношениях. И в этом плане знаменательно современное историческое время Республики Казахстан связанное с появлением личности казаха-предпринимателя обладающего качеством автономности. Именно в лице казахских предпринимателей объективно создается тот индивидуальный социальный носитель, основным принципом которого становится уважительное отношение к себе подобным, понимание автономности и независимости личности другого казаха.

В рыночном мире ареной общения становится, как известно, уже весь мир, все люди. Ареал общений и отношения личностей, неизмеримо расширяется. В подобном социально-рыночном экономическом механизме своего функционирования находится современный Казахстан, казахская нация. Национальная психологии современного казаха переживает под влиянием новых экономических отношений радикальную психологическую трансформацию. Появляются т.н. «новые казахи» личности-предприниматели деловые, творческие» олицетворяющие иное национальное лицо казахского народа. Автономные личности – в лице представителей среднего класса, становясь, преобладающими формируют объективно иной характер национальной консолидации казахского народа.

Подобные автономные личности экономически независимы, они больше ценят в людях деловитость, рациональность, умение считаться с интересами своего партнера. Для «новых казахов», выступающих носителями автономной личности, не столь существенное значение имеет принадлежность человека к тому или иному роду, жузу, нации. Для этой новой категории казахов не столь важны показные, мнимые показатели работы. Оценка человека, независимо от того, к какой национальности он принадлежит, происходит по его деловым качествам, умению совместно с ним добиться весомых практических результатов. Все это создает благоприятные предпосылки для снятия специфических внутриказахских препятствий в процессе формирования национальной консолидации казахов.

Отрадно, что с углублением и расширением рыночных отношений в республике такая социальная база, способствующая внутриказахской сплоченности, будет укрепляться. Хотя, признаемся, на практике не все обстоит дело так уж однозначно. Психологические рецидивы осовременного прошлого с вполне осязаемыми «понтами», чванством вполне уживаются с национальным самосознанием, деловым хватками «нового казаха». Бесповоротно уйдя от родоплеменного и связанного с ним родственного сознания казахи, пришли к национальному единению, но еще не в полной мере подошли к объединяющему всех казахов, цивилизованному его состоянию. Тому самому, при котором национальная консолидация базировалась на общей сплоченности «атомарных единиц», многообразии автономных личностей делового плана. Массовидность появления подобных «автономных личностей – залог большей внутриказахской консолидации, искоренения негативов взаимных отношениях

Достижение национальной консолидации казахов – это естественноисторический процесс. Но в тоже время, несомненно, в достижении духовно-психологической спаянности нации весомую роль могли бы сыграть национальные интеллектуалы, выражаясь термином Л.Гумилева «пассионарии». В частности, в создании общенациональной идей, способной заметно ускорить

формирование нации. Известно, что идея нации есть по своей сути невыразимая в словах субстанция. Но будучи по своей исторической роли пассионарной в нации, дух нации, несомненно, способен вербально выражаться в национальной идее. Отсюда исключительно важное значение приобретает содержание национальной идей, решающую роль в создании которой призваны играть интеллектуалы. Коротко можно сказать так: *есть идея – есть пассионарность, нет идеи – нет и пассионарности.*»

В нашей литературе правильно отмечается, что задача национальной идей состоит в консолидации общества, укреплении и сохранении территориального, полиэтнического единства в рамках одного государства. Но этим, констатируется только одна – несомненно, важнейшая сторона национальной идей. Но есть и другая, состоящая в том, что реальная национальная идея является апофеозом, определенной кульминацией в развитом состоянии национального самосознания.. Национальная идея позволяет рационально выразить систему базовых принципов, представлений, взглядов нации на свое место в истории и современном мире среди других народов. Отсюда, национальная идея выступает мощной, консолидирующей силой, является показателем силы и мощи этноса. Можно отсюда сказать, что всякая продвинутая нация является таковой, когда она выражает себя национальной идеей. Подтверждением тому является практика современных нации в мире, где национальные идеи имеются. Наиболее известные из них: американская национальная идея – идея американского мирового превосходства, национальная идея Германии эпохи Первой мировой войны – идея культурного превосходства, французская национальная идея – идея свободы, равенства и братства.

Можно по-разному относиться к данным национальным идеям: не соглашаться, критиковать отдельные из них и т.д. Например, критические нотки вызывает американская национальная идея. Но в любом случае, несомненно, наличие национальной идей благотворно сказывается на росте национального самосознания народа, выступает объединяющей силой, мощно развивает национальную гордость, национальный патриотизм. Мировой опыт показывает, что национальная идея возникает там и тогда, где и когда перед страной встают задачи консолидации всех ее сил: политических, экономических, культурных, духовных, народных во всех позитивных формах их проявлений, для выполнения задачи гигантской сложности – осуществления принципиально нового этапа в ее развитии». Соответственно, все вышеуказанные страны достигли своего всестороннего развития благодаря усилиям всех граждан государства посредством правильно сформулированной национальной идеи и верно построенной идеологии. В этом отношении те народы и цивилизации, которые обладают и сохраняют свои фундаментальные духовно-

идеологические основания, имеют преимущества в формулировке своей национальной идеи (Индия, Китай, страны исламского мира).

Национальная идея может выражаться чрезвычайно кратко, в двух, трех выражениях, например, как русская идея XIX в. «православие, самодержавие, народность». Может выступать и более развернуто, например, в политическом документе, декларации, как скажем, известная казахская программа «Алаш-орды», созданная в 20-х годах XX в. Или посредством художественных произведений или различных философских текстов. В любом случае, независимо от формы своего выражения национальная идея представляет сущностное рационально-концентрированное выражение дум и чаяний нации, обращенное к осмыслению настоящего и направленное к достижению новых высот будущего. Это, на наш взгляд, в национальном идее главное, основное.

Народы, которые не смогли сохранить свою национальную идею или не нашли для неё адекватные национальной истории идеологические формы, исчезают с исторического поля или находятся на грани национального вырождения (народы Африки, Западной Европы) Нация не имеющая национальной идеи, имеет и слабые духовные механизмы единения общности. Такие нации, как правило, аморфны, безинициативны, слабо проявляют свой собственный национальный интерес. Отсутствие национальной идеи характерно для нации становящихся, находящихся в стадии своего естественного формирования. Именно в таком в настоящее время состоянии, в частности, по нашему мнению находится казахская нация.

В условиях современного Казахстана политически сложен вопрос от имени кого должна выступать национальная идея. Широко распространено мнение, что в качестве такового выступает весь народ Казахстана. Таково мнение, в частности, М.Сабита [15], считающего, что национальная идея проявляется тогда, когда весь народ Казахстана действительно дружно, сплоченно, в едином порыве будет возводить прочное здание общего нашего Дома и двигать нашу страну, наше государство в ряды наиболее развитых государств. Отсюда сторонники подобной позиции в качестве таковой национальной идеи считают казахстанский патриотизм. Однако при всей привлекательности подобная идея не совсем адекватно отражает своего национального носителя, ибо казахстанцы как нация пока не существуют. Поэтому сообразуясь с реальностями более точно утверждать, что казахстанский патриотизм – это идея народа Казахстана, но не казахстанской нации, которая находится в стадии начального формирования.

В этих условиях носителем, именно, национальной идеи в республике Казахстан, как основная градообразующая нация должна выступать казахская нация. И в качестве, национальной идеи казахов могла бы по нашему мнению выступать национальная их общая идентичность «Мы-казахи». Вполне можно допустить, что подобное изложение национальной идеи способно вызвать

возражение. Ведь словесно очень просто. Но необходимость такой установки в качестве национальной идеи объясняется и историей, и конкретным нынешним состоянием казахской нации, находящейся в состоянии своего становления и формирования. После десятилетий нивелирования и унижения всего национально-казахского при СССР, которое, по сути, поставило нацию в ситуацию возможного исчезновения, подобная формулировка национальной идеи представляется более чем актуальной. Она способна не только консолидировать градообразующую нацию, но и выступить весомым фундаментом развития национальной гордости, патриотизма, достоинства, ответственности всех казахов.

Подобная национальная идея проста и понятна. Тем более, на массовом уровне, она в принципе так и излагается у многих народов мира. Когда говорят, например «Мы-американцы», «Мы-французы» и пр. то эти национальные идентичности, как правило, ассоциируются в сознании современного человека с могуществом, демократией, свободой, богатством стран, которые эти понятия оно выражают.

Установка «Мы-казахи» есть духовно-психологическое выражение самосознания казахской нации, живущей в стране Великой степи, о которой говорил президент Казахстана. « Мы страна — Великой степи. Великая степь, вечное синее небо, здесь наши предки жили. Тенгри — небо. От света, зелени Великой степи и синего неба родился цвет нашего Флага. Мы — дети Великой степи. Вот под этими лозунгами и новым брендом мы должны показаться миру новым Казахстаном», — отмечал Н. Назарбаев. Казахская консолидация, основанная на идее страны Великой степи должна формироваться на основе гордости за свою нацию «Мы – казахи», за свою историю и культуру, а также перспектив развития казахской нации и веры в процветание Казахстана.

Таким образом, представляется, что процесс дальнейшей консолидации современных казахов должен основываться на развитии как объективных, так и субъективных оснований. Определяющей основой этого процесса способна выступить сама динамика дальнейшего развития и углубления рыночных отношений в Республике Казахстан, которая объективно в перспективе создаст нацию современных казахов, свободных от донациональных негативов прошлого. В субъективном плане основой национальной консолидации способна стать принятая всеми казахами общая национально- этническая идея «Мы – казахи», органично гармонирующая с идеей казахстанского патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сейсенова Н.Б. Роль политической модификации как фактор консолидации многонационального казахстанского общества в ценностном измерении. гуманитарные проблемы современности. Научные труды молодых ученых. Вып. 15, Бишкек, 2012, с.415
2. Доктрина национального единства Казахстана. Астана, 2010, с.16
3. Тойнби А. Постыжение истории. М., 2002, с.431
4. Абдыгалиев Б. Казахская миссия. – Алматы, 2007. – С. 17
5. Принадлежность к Старшему жузу указали 17,7% опрошенных, к Среднему 51,9% и к Младшему – 19,3%. См.: Кризис и казахстанское общество: социологическое измерение/ Мухамеджанов Б.Г., Жусупова А.С. – Алматы, 2010. – С. 54.
6. Принадлежность к Старшему жузу указали 17,7% опрошенных, к Среднему 51,9% и к Младшему – 19,3%. См.: Кризис и казахстанское общество: социологическое измерение/ Мухамеджанов Б.Г., Жусупова А.С. – Алматы, 2010.– С. 56
7. Масанов Н. brif.kz | ? P =1122
8. Мамыраймов Т. Политический трайбализм в Казахстане. Трибуна. 13 ноября 2013
9. Бектуров Ж. Последние дни Сакена // состав.ю Лукина Л.П. Сатыбалдиев Е.А. О чем не говорили: докумен. рассказы и очерки. Алматы, 1990, с.80
10. Джандосов (Сутюшева) Ф.Х. Двадцатые годы: Ташкент и Кзыл-Орда, ред. Жандосов А.
11. Кайран Ораз-Легендарный Ораз Жандосов замадаста козімен. Алматы, 1993, с.132
12. Тоффлер Шаг будущего. М., 2004
13. Къркегор С. Или-или. СПб, 2011

14.Магауин М. Ултыздану урынов. Газета «Алтын-Орда» (23-29 июля 2004)
Сабит М. Национальная идея и казахстанская действительность.//Содержание и мобилизующий потенциал...: материалы научно-теоретической конференции. С.42-43 -130.

15.Казахский мир. 2012, № 2(02) от 01.03. 2012

16.Сабит М. Содержание и мобилизующий потенциал общенациональной идей. (матер. респ. научно-теоретической конф.) Алматы, 2008, с. 42-43

О КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРИРОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩНОСТИ РК

Проблема национальной идентичности в условиях современного Казахстана остра не только для казахов, но и в не меньшей мере и для других общностей, других нации и народностей, проживающих в стране. Проще говоря, идентичность в условиях Казахстана – это не только внутринациональная проблема казахов, но и разных национальных групп, проживающих в республике - диаспор, и более того, в целом, всей общности, проживающей в республике.

В условиях же Казахстана острота основной проблемы национальной идентичности применительно ко всему общему сообществу в стране приобрела особую актуальность. Суть ее сводится к проблеме - из чего должна определяться идентичность всех проживающих в Республике Казахстан: из этнического или конструктивистского понимания. Вопрос этот важен, дискуссионен, ибо он связан с тем на какой базе должна происходить консолидация всего населения Республики Казахстан – на национально-этнической (казахской) или гражданской (казахстанской). Ведь речь по сути дела идет ни много ни мало об общности народа Казахстана включающего в себя свыше 130 нации и народностей. Естественным образом возникает вопрос, какова природа в целом такой общности, как с ней соотносятся проживающие в Казахстане этнические группы.

Сам фактор многонациональности, существующий в одной республике, способствует обострению этого вопроса. Известно, например, что в республике сегодня проживает порядка 4-5 миллионов русского населения. Это самый крупный этнос после казахов. Кто они по этнической принадлежности, и кем они сами себя считают? С какой этнообразующей общностью они связывают свое будущее? Подобного рода вопросы стоят не только перед русским населением, но и другими диаспорами в современной РК. Одни считают, что это самостоятельные нации (например, русская, украинская и пр.), что не совсем логично. Другие, мы эту позицию разделяем, склоны их считать частью общей русской нации, общей украинской и т.д., т.е. диаспорами. Диаспора, согласно общепринятому в научной литературе мнению - это не просто "кусочек" одного народа, который проживает в другой стране, это этническая общность, которая обладает основными чертами национального своеобразия народа - языком, культурой, самосознанием. Она сохраняет этнические качества через организационные формы функционирования - начиная от групп, вроде землячеств, и до наличия общественных, национально-культурных и политических движений. В то же время совокупно, все в Казахстане диаспоры вместе с градообразующей нацией – казахами именуется одним общим именем –

казахстанцы, природа, которой и вызывает, в частности вопросы.

На уровне массового сознания, хотя нет четкого понимания смыслового значения понимания нации, инстинктивно идет отторжение частью некоренного населения понятия «казахская нация». Если обратиться с этим вопросом для определения национальной идентичности к жителям Казахстана, то выясняется, что однозначного, общего для всех его граждан ответа на него нет. Одна часть граждан Казахстана дает на этот вопрос ответ: «Мы – казахи», тогда как другая часть граждан не хочет признавать себя казахами и предлагает другой ответ: «Мы – казахстанцы». Получается, что сегодня в Казахстане существуют две национальные идентичности, в зависимости от того, как различные части общества отвечают на вопрос: «Кто мы?». Одну из этих идентичностей можно определить как казахскую, поскольку она опирается на определение «мы – казахи». Другая идентичность может быть определена как казахстанская, поскольку она исходит из формулы «мы – казахстанцы»

Здесь совершенно четко вырисовывается реальная проблема национальной идентичности, общая и актуальная для проживающих этнических групп в Казахстане. В своем сущностном выражении, она сводится к вопросу, что реально скрывается за понятием «казахстанцы», как она соотносится с собственной внутринациональной идентичностью диаспор. Здесь диллема «мы-они», обращена и как общему, так и всех к особенному в лице градообразующего этноса «казахи».

В процессе противостояния между коренной и некоренной частями населения Казахстана в этой этнопроблеме, как представляется необходимо видеть форму и реальное содержание. Формально этот процесс происходит зачастую из-за терминологического противостояния и символов Республики Казахстан. Говоря о первом нельзя не обратить внимание на различие мнении относительно слов «казах» и «казахский», с одной стороны, и «казахстанец» и «казахстанский», с другой стороны. Это касается, например, официального названия нашего государства «Республика Казахстан», которое было принято сразу же после провозглашения независимости страны в декабре 1991 г. При обсуждении Конституции РК летом 1995 г., в ее первом варианте было высказано предложение переименовать государство в «Казахскую Республику». Однако это предложение встретило сопротивление, как среди разработчиков основного закона неказахской национальности, так и в неказахской массе населения. В конце концов, в окончательном варианте Конституции сохранилось название «Республика Казахстан».

Как известно слова «казах» и «казахский» относятся к коренному населению Казахстана и несут в себе, прежде всего, этнокультурный, этнонациональный смысл. Термин «казахстанский» относился к Казахской ССР и ко всему, что с ней было связано. Аналогичным образом этот термин теперь

относится к Республике Казахстан. Территориальное, административное, политико-идеологическое содержание присутствует и в термине «казахстанец», который был введен для обозначения всего проживающего на территории Казахской ССР населения, включающего в себя представителей всех национальностей Казахстана. Благодаря исторической преемственности, этот термин широко используется и в современном, ставшем суверенным, Казахстане в том же собирательном значении, хотя в его содержании произошла определенная трансформация, о чем будет сказано ниже.

Исторически сложилось таким образом, что правом выступать от имени всех национальностей страны, от всего казахстанского общества в целом могут только лишь термины «казахстанец» и «казахстанский». Термины же «казах» и «казахский» не могут выступать в этой роли, так как относятся только к части, а не ко всему населению страны. Это мнение прочно утвердилось в общественном сознании Казахстана.

Любопытно при этом, то, что, на самом деле, слова «казахстанец» и «казахстанский», как и слова «казах» и «казахский», нагружены вполне определенным этническим смыслом. Само слово «Казахстан» переводится с персидского языка как «земля казахов» или «страна казахов». Поэтому слова «казах» и «казахстанец», «казахский» и «казахстанский» оказываются в своем логическом содержании полностью эквивалентными. Это означает, что «казахстанец» по своему смыслу есть не что иное как «казах», а слово «казахстанский» следует употреблять в том же значении, в каком мы употребляем слово «казахский».

Однако, политическая, социальная и национальная практика советского, а затем и постсоветского общества способствовала тому, что слово «Казахстан» в его реальном употреблении во многом утратило свое исходное значение «страна казахов». То же самое произошло и со словами «казах» и «казахский», которые с определенного периода перестали относиться ко всему Казахстану во всех его социально-политических значениях – территориальном, административном, государственном, национальном и прочих, оставшись только в упомянутом выше партикулярном этнокультурном употреблении. Универсальное же употребление в этих сферах социальной жизни Казахстана приобрели искусственные конструкции «казахстанец» и «казахстанский».

Не меньшие претензии, распространенные в основном на массовом уровне проявляются и в конкуренции за символы государства Республики Казахстан. Для понимания этой проблемы надо вспомнить, что в социологии, как известно, одним из важных методов определения структуры общества является дихотомия «центр – периферия». Центр общества как раз состоит из тех социальных групп, которые определяют основные символы общества. Под символами общества, нации, этноса, класса и любой другой социальной группы подразумеваются

идеальные и материальные предметы, личности, исторические события, выражающие и представляющие социальную группу. Если говорить о казахском народе, то его символами следует считать кочевой образ жизни и все связанные с ним материальные предметы (казахская порода лошадей, юрта и ее конструктивные части, зимние и летние места кочевков и т. д.). Важнейшими символами казахов является казахский язык, музыка и музыкальные инструменты, и другие элементы народной культуры. Фигуры ханов Кирея и Джанибека, Абылай хана, Абая, Чокана Валиханова, Курмангазы, Ахмета Байтурсынова и других деятелей партии «Алаш» и многих других относятся к важнейшим символам казахского народа. Война казахов с джунгарами, присоединение Казахстана к России, народное восстание 1916 г. под предводительством Амангельды Иманова, кампания коммунистического режима под названием «Малый Октябрь» и связанный с ней голод и массовая гибель казахов в начале 1930-х гг. и целый ряд других исторических событий являются важнейшими для казахов национальными символами. К числу своих главных символов казахи относят свою землю, историческую родину с ее степным ландшафтом и такими местностями, как Сары Арка, Алтай, Алатау, Арал, Каспий и многие другие.

Символы играют определяющую роль в формировании любого человеческого сообщества, включая и нацию. Ведь что делает то или иное сообщество людей устойчивым в социальном времени и пространстве? Главным условием здесь является общественное сознание, это те символы, ценности, традиции, которые разделяются всеми членами сообщества. Одним из первых на это указал Эмиль Дюркгейм, для которого центральным понятием социологии стала солидарность. Для Дюркгейма солидарность является «цементом» любой социальной группы, превращающим разрозненных индивидов в цепкую, устойчивую целостность. Для того чтобы индивиды ощутили себя членами когерентного человеческого сообщества, начиная от самого малого по размеру коллектива до массового национального общества, необходимо освоение (то есть превращение в «свое»), или интернационализация ими символов, ценностей, норм и принятых в этом обществе образцов поведения. Человек усваивает символы уже в раннем детстве, они глубоко проникают в его духовный и эмоциональный строй. За символы (точнее, за те идеи, ценности, смыслы, которые стоят за символами) человек готов отдать свою жизнь.

Современные крупные человеческие сообщества представляют собой сложные, комплексные социальные образования. Например, большинство современных наций представляет собой многоэтнические общества. Это относится и к Казахстану, в котором проживают представители 130 этносов. В многоэтнических обществах каждая этническая группа имеет свою систему символов, и это создает сложность для формирования нации как единого

политического сообщества, поскольку этнические символы могут быть несовместимыми друг с другом. Несовместимыми являются, например, религиозные символы, если этносы многоэтнического общества являются последователями различных религий.

Как же в таком случае оказываются возможными нации, как они цементируются, вокруг каких символов происходит их консолидация? Ответ на эти вопросы заключается в неоднородной структуре общества, в наличии в нем центра и периферии. Центральные группы находятся в привилегированном положении, так как они задают основные смыслы, ценности и ориентации общества, которым вынуждены подчиняться нецентральные и периферийные группы. Логика поведения нецентральных и периферийных групп состоит в том, чтобы переместиться в центр общества. Одним из важнейших способов достижения этого является такая трансформация символов общества, когда символы периферийной группы становятся основными символами общества, а прежние основные символы уходят на периферию, либо вообще сходят с социальной арены.

В советском Казахстане казахи находились на полупериферийном положении. Нельзя было сказать, что они были задвинуты на периферию общества, поскольку советская национальная политика стремилась представить союзные республики если не как национальные государства, то по крайней мере как образования, отражающие их национальную специфику. Однако эта специфика занимала подчиненное положение по отношению к господствующей идеологии режима и его символам. Поэтому символы режима рассматривались как основные символы советского общества. Например, флаг и герб Казахской ССР содержали в себе в большей мере советскую символику, повторяя в основных чертах символы советского флага и герба, например, основной красный цвет флага и почти полную схожесть советского герба с гербом Казахской ССР. Национальная символика имела декоративный характер и второстепенное значение по отношению к основным символам советского общества. Например, тонкая голубая полоса у нижнего основания красного полотнища флага Казахской ССР.

К тому же надо иметь в виду, что у казахов символика исторически не имела политических традиции. В советское время символическое творчество казахов ограничивалось сферой этнокультуры, орнаментом и узорами.

Начиная с 1991 г. казахи ощущают, что теперь они уже не являются полупериферийной группой, а находятся если не в центре нового общества, то достаточно близко к нему. Символы казахского этнического, или титульного, национализма во все большей мере становятся символами всего Казахстана. Так, тонкая светло-голубая полоса на основном красном фоне флага Казахской ССР превращается в основной цвет национального флага Республики Казахстан. По

мнению экспертов, чистый голубой цвет наиболее близок к душе, природе и миропониманию казахского народа. Он свидетельствует о культурно-этническом единстве казахского народа и одновременно указывает на идею неделимости государства.

В соответствии с логикой титульного национализма казахи стремятся к тому, чтобы его символы стали конституирующей основой социальной жизни Казахстана, его политической системы. В частности, чтобы такой символ как этноним «казах» стал бы названием всего многоэтнического национального сообщества Казахстана. Так, казахстанский журналист Серик Малеев, комментируя предварительные результаты переписи населения Казахстана 2009 г., выразившиеся в увеличении доли казахов в общем населении страны до 67 процентов, приходит к выводу: «Сегодня мы видим перед собой ярко очерченные контуры возникающей новой, большой, единой модернизированной общности, слагаемой из различных этнических компонентов, которую при желании можно называть казахстанцами, хотя и на самом деле, если отбросить в сторону всякий политес, куда правильнее нас именовать казахами»[1].

Ставя своей целью придать казахским символам, центральное положение в постсоветском Казахстане, казахские элиты стремятся к тому, чтобы прилагательное «казахский» стало бы главным определением возможно большего числа сфер социальной и культурной жизни Казахстана. В первую очередь казахи стремятся к тому, чтобы их важнейший символ – казахский язык – распространился если не на все, то на максимально большое число социальных и культурных сфер общества. Главное для них, чтобы казахский язык занял место русского языка в качестве языка межнационального общения в Казахстане, то есть основного средства коммуникации в обществе. Они стремятся к тому, чтобы казахский язык и другие казахские символы определяли систему образования в стране, а также другие социальные системы общества.

Несмотря на это, уже более двадцати лет мы наблюдаем, как казахский язык и другие казахские символы не могут занять господствующего положения в нашем обществе. В значительной мере это такая ситуация связана с тем, что символическому творчеству в политической сфере Казахстана уделяется недостаточное внимание. Но без символов нет идентичности, а без идентичности нет нации. Не говоря о том, что такая инертная ситуация ставит под сомнение претензии носителей казахской идентичности на их центральное положение в новом обществе. Следовательно, ставятся под сомнение претензии казахской идентичности на статус национальной идентичности Казахстана. Естественно, что имеет место сопротивление стремлению казахского языка и других казахских символов занять господствующее положение в иерархии символов нового казахстанского общества.

В качестве примера можно указать на статью «Новый гимн – фактор

сплочения или ...?», опубликованную Александром Павловым на сайте «Русские в Казахстане» 13 января 2006 г. Здесь автор обсуждает ситуацию со сменой государственного гимна Казахстана. Решением Парламента РК в декабре 2005 г. был принят новый гимн на музыку известной песни «Мой Казахстан». Прежний гимн был новой музыкальной редакцией старого гимна Казахской ССР, который, как флаг и герб Казахской ССР, был создан в русле советской идеологической символики, но с элементами казахской культуры. Мелодия гимна Казахской ССР по своей музыкальной стилистике напоминала мелодию гимна СССР, написанную Б. Александровым. По мнению Павлова, достоинство этого гимна заключалось в его музыкальной преемственности, а также, что важно было для неказахского населения, – одним из его авторов был неказах Е. Брусилковский.

Новый гимн не устраивает Павлова из-за того, что в нем представлены только казахские символы и отсутствуют символы остальной, неказахской части народа Казахстана. В первую очередь это касается текста гимна. Павлов обращается к строке «горд и силен мой казахский народ» и отмечает, что «больше о том, что из себя представляет народ Казахстана, в гимне не говорится. И у читающего и поющего возникает мысль, что еще четырежды упомянутое слово «народ» относится к казахскому народу. Такая ситуация вряд ли будет вдохновляющим моментом при исполнении гимна гражданами-неказахами».

Можно говорить о пассивной и активной формах указанного сопротивления. Пассивное сопротивление выдвиганию казахских символов на центральное положение и соответствующему вытеснению старых основных символов вылилось в форме «протеста ногами». Речь идет о массовом выезде из Казахстана в первой половине 1990-х гг. русских и других некоренных национальностей на историческую родину, где их символы оставались центральными и не подвергались сомнению. Вследствие эмиграции некоренного населения из Казахстана, его население в 1999 году сократилось за десять лет на два миллиона человек, с 16,9 млн. человек в 1989 г. до 14,9 млн. человек в 1999 г.

Если пассивное сопротивление оказывается на массовом уровне, то активное сопротивление казахским символам оказывается элитами славянских и других некоренных народов в самом Казахстане. Это может быть, например, прямое игнорирование закона о языках, либо такое его исполнение, которое по существу равносильно игнорированию. Известно ставшее анекдотичным исполнение радио- и телеканалами положения закона о языках, требующее не менее половины эфирного времени вещать на государственном языке, когда это вещание ведется в ночное время, а днем вещание ведется на русском языке. Активное сопротивление выражается и в том, что порой представители некоренных народов Казахстана открыто выражают несогласие с программой правительства по переводу делопроизводства на государственный язык, давая оценку этим мерам как дискриминационным по отношению к этим народам.

Активному сопротивлению превращения казахских символов в основные символы казахстанского общества способствует ориентация Казахстана на Россию в политической, экономической, культурной и других сферах. Эта ориентация ведет к сильному влиянию России на Казахстан, продолжая в новых условиях русификацию казахов. Казахи были в числе самых русифицированных народов Советского Союза. Таковыми они остаются и сегодня, но уже среди постсоветских народов. Русификация казахов и российское влияние на Казахстан являются во многом важнейшим объяснением того, что казахские символы до сих пор не могут занять господствующего положения в современном Казахстане. Эта же причина объясняет то, что казахская идентичность, настаивающая на центральном положении казахских символов, не может стать легитимной, признаваемой всеми частями общества, национальной идентичностью.

Русификация является тем фактором, который формирует сложное и неоднозначное отношение казахов к конкуренции казахстанской и казахской идентичностей за статус национальной идентичности Казахстана. С одной стороны, они хотят, чтобы казахские символы стали доминирующими в новом обществе. С другой стороны, многие казахи не хотят, чтобы ставшие привычными символы русской культуры и советского времени ушли бы на периферию казахстанского общества.

Это означает, что многие казахи имеют наряду с казахской идентичностью и казахстанскую идентичность. В принципе, современный человек может обладать множеством идентичностей, причем некоторые из этих идентичностей могут находиться в противоречии друг с другом по разным основаниям, в том числе и в вопросе о том, символы какой из идентичностей должны занимать центральное положение в обществе, а какие должны находиться на периферии.

Было бы упрощением рассматривать противостояние казахстанской и казахской идентичности как противостояние русских и других некоренных национальностей Казахстана, с одной стороны, и казахов, с другой стороны. Социальная и культурная реальность современного Казахстана демонстрирует, что русифицированные казахи нередко оказываются по своей идентичности, по своим культурным ориентациям ближе к русским, чем к тем казахам, кто отрицательно относится к русской культуре и российскому влиянию на Казахстан в различных сферах.

В этой связи важно отметить и то, что казахская и казахстанская идентичности не являются по своей структуре и составу чем-то однородным и непроницаемым по отношению к другой идентичности. Каждая из них подразделяется внутри себя на группы, придерживающиеся различного отношения к влиянию противоположной идентичности на себя. Такие группы имеются как внутри казахской идентичности, так и внутри казахстанской идентичности.

Таким образом, то, что внешне выглядит как противостояние монолитных, отрицающих друг друга казахской и казахстанской идентичностей, при внимательном анализе оказывается множеством сплавов этих идентичностей с различным удельным весом той или иной. На самом деле национальная идентичность Казахстана представляет собой целый спектр идентичностей, полюсами которого оказываются ортодоксальные формы казахской и казахстанской идентичностей.

Один полюс спектра составляет та форма казахской идентичности, которая утверждает, что основными символами казахстанского общества должны быть исключительно казахские символы. На другом полюсе этого спектра находятся те группы некоренного населения, которые противятся выдвиганию казахских символов на господствующее положение и ратуют за то, чтобы оставить все так, как было в советское время. Указанные формы идентичности находятся между собой в непримиримом противоречии. Между этими полюсами находятся различные тона, полутона и оттенки казахской и казахстанской идентичностей.

В целом же, дискуссии относительно словесно-понятийного аппарата и символов современного Казахстана - отражение реальных проблем определения национальной идентичности этнических общностей, проживающих в стране. Действительной содержательной причиной борьбы за те или иные словесные термины и символы Республики, приводящий к необходимости выбора диллемы идентификации является внешний фактор: развал Советского Союза, сравнимый с геополитическим катаклизмом, с крушением Римской империи.

Миллионы граждан разных национальностей бывшего СССР оказались внутри границ новообразовавшихся национальных государств. Люди внезапно оказались перед мучительным выбором, - с какой страной себя соотносить: страной проживания или же с этнической (исторической) Родиной - центром их жизни в национальном смысле. Особенно драматичной ситуация становится тогда, когда между этнической Родиной, ставшей суверенным государством и страной проживания возникают трения и даже конфликты. В таком случае, конкретная личность становится заложником конфликта интересов, к возникновению которых она сама не имеет никакого отношения. Немало тех, кто не выехал в Россию, остались, кто решил связать свою жизнь с судьбой Казахстана, а значит, принял решение, словно в одной семье, разделять его удачи и промахи как свои собственные.

Оказавшись в пограничном положении, человек мучительно переживает и находится в стадии "мерцающей, плавающей идентификации". Он мечется и вынужден постоянно переходить от соотношения себя со своей нацией, этнической Родиной, и, наоборот, к идентификации со страной проживания. Ведь последняя тоже его Родина, поскольку он здесь родился, стал личностью и все вокруг родное и привычное.

В таком незавидном положении оказались в условиях суверенного Казахстана миллионы людей разных национальностей, но особенно это коснулось русских как самой многочисленной нации, бывшей советской страны. Русские и другие некоренные народы Казахстана, не хотят, чтобы русский язык и другие их привычные символы ушли бы на периферию нового общества со своего центрального места, которое они занимали в советском обществе. Отсюда элементы социальной конкуренции, – между титульными казахами и нетитульными диаспорами. Всякие межгрупповые отношения, в частности, между различными и этническими, предполагают наличие доминантной и подчиненной групп, между которыми власть и привилегированное положение распределены в неравной степени. Иначе говоря, отношения между «Мы» и «Они» являются ассиметричными уже по определению. В подобной ситуации каждая этническая группа вырабатывает некие поведенческие модели – стратегии идентичности. Французский психолог Э.М.Липиански характеризует стратегию идентичности как систему скоординированных операций и действий, направленных на достижение цели. Как утверждает польский психосоциолог Х.Малевска-Пейер, «система маневров» служит для того, чтобы избегать чувства тревоги, страха или недооценки себя [2].

У идеологов казахской идентичности основное внимание направлено на усиление этнического компонента в гражданском обществе, с требованиями построения государства на основе лингвистического и этнокультурного критериев через усвоение всеми группами населения казахской культуры и овладение казахским языком. Русские же Казахстана отстаивают свои права на признание русского языка в качестве официального наравне с казахским, и на некоторые политические права, в частности, на признание их особой культурно-политической влиятельной группой.

Сегодня вопрос «казахская идентичность» или «казахстанская идентичность» становится водоразделом того, в каком направлении будет развиваться именно национальная общность в РК. В Казахстане, как замечает историк и политолог Н.Мустафаев, «представители этнических объединений ... опасаются, что казахстанская нация будет означать постепенное стирание этнокультурных различий, и в конечном счете, исчезновение этносов. Исходя из неверного отождествления нации и этноса следует жесткая альтернатива «или или». Или казахстанская нация или казахская нация. И именно поэтому ими столь огромное значение придается тому, как будет называться нация в Казахстане»[3].

Если же углубляться в нашу недавнюю историю, то обнаружим, что исторически проблема национальной идентичности в Казахстане имела разное звучание. В советские времена по политическим и идеологическим причинам для Казахстана приоритетным было то, что он являлся частью СССР, его союзной республикой. Иначе говоря, понятие «Казахстан», как и понятия «казахстанец» и

«казахстанский», несло в себе в то время в значительной мере политико-идеологическое содержание, нежели национальное значение. Это значит, что в советской системе ценностей и приоритетов для Казахстана было важнее быть частью СССР, чем «страной казахов».

В этом смысле казахстанцы являлись частью «новой исторической общности» – советского народа, той его части, которая проживала на территории Казахстана. Казахи были частью казахстанцев, которые были, в свою очередь, частью советского народа. Это было определение казахов в духе советской идеологии, которая утверждала интернационализм и отрицала национализм национальных меньшинств, к которым относились и казахи, под угрозой жестких санкций и репрессий.

В этих условиях казахи были в значительной мере этносом, то есть культурным сообществом, тогда как возможности его превращения в политическое сообщество, или нацию, были минимальными. Казахи рассматривались коммунистическими лидерами как «образцовая советская нация», а Казахстан как «лаборатория дружбы народов». Характеристика казахов как образцовой советской нации означала, что они, в отличие от закавказских или прибалтийских народов, не выступали с национальными требованиями и претензиями и всегда следовали в русле национальной политики Москвы. Из этого, однако, не следует, что у казахов отсутствовало национальное самосознание, и они не были подвержены этническому национализму. Ростки этнического национализма у казахов советского периода, несомненно, были, но они не приобрели тех зрелых форм, которые существовали в Закавказье и Прибалтике.

В этих условиях у казахов сложилась соответствующая иерархия идентичностей. Самой главной идентичностью была советская идентичность («мы – советский народ») с ее главной ценностью интернационализма и дружбы народов. Затем шла казахстанская идентичность, которая так же объединяла казахов и неказахов в одно сообщество, казахстанский народ, на основе интернационализма и дружбы народов. На низшей ступени была казахская идентичность, которую коммунистический режим таким же образом ориентировал на идеи интернационализма, расцвета и слияния наций, как советскую и казахстанскую идентичности. Вместе с тем, казахская идентичность потенциально содержала в себе семена столь нелюбимого коммунистическим режимом этнического национализма, представлявшего собой угрозу интернационализму, а, следовательно, советской и казахстанской идентичностям.

События декабря 1986 г. со всей очевидностью продемонстрировали, что казахи оказались отнюдь не такой «образцовой советской нацией», как это представляли себе коммунистические лидеры, а казахская идентичность восприимчива не только к ценностям интернационализма, но и в не меньшей

степени к ценностям этнического национализма. Дальнейшие события в Советском Союзе, в Центральной Азии и в Казахстане способствовали укреплению тенденции формирования казахской идентичности, как и идентичностей других советских национальностей, вокруг идей и ценностей этнического национализма.

Этнический национализм, этническая мобилизация в тот период способствовали заметному развитию национального самосознания казахского народа. Рост национального самосознания, в свою очередь, способствовал повышению самооценки казахов, благодаря которой казахская идентичность стремилась утвердить себя в новом качестве и выйти из подчиненного положения по отношению к казахстанской идентичности. Казахская идентичность все больше и больше стала обретать собственную значимость и ценность. Иначе говоря, казахская идентичность во все большей мере трансформировалась из этнокультурной идентичности в национальную, или, выражаясь точнее, этнонациональную идентичность.

Одновременно произошла трансформация понятий «казахстанец» и «казахстанская идентичность». Понятие «казахстанцы» сохранилось в постсоветский период и даже сохранило свое собирательное значение. Однако теперь это понятие означает не часть советского народа, а совокупность всех граждан Казахстана безотносительно к их этнической принадлежности. Казахстанская идентичность уже не имеет над собой советской идентичности, а относится исключительно к Казахстану, который является теперь по своему статусу не союзной республикой, а национальным государством.

В советское время казахстанская идентичность не была национальной идентичностью в ее гражданском понимании, поскольку тогда Казахстан не обладал собственным гражданством. Гражданство в то время было общим для всех советских людей, поэтому советская идентичность реально по своему статусу была национальной идентичностью в гражданском смысле. Что касается казахстанской идентичности, то она по своему реальному положению имела некий промежуточный характер, будучи своего рода республиканской идентичностью. Союзная республика была в соответствии с советским национально-государственным устройством номинальным, но не реальным государством, у которого не было такого важнейшего атрибута как собственное гражданство.

В настоящее время казахстанская идентичность как идентичность всех граждан Казахстана со своим (или считающимся таковым) национальным государством является по своему формально-правовому статусу национальной идентичностью. При въезде в другие государства казахстанские граждане всех национальностей, заполняя таможенные и иные декларации, в пункте о своей национальности указывают «Казахстан», что говорит о национальной

идентичности. Однако в национализирующемся по своему реальному положению государстве Казахстана на статус национальной идентичности, кроме казахстанской, претендует и казахская идентичность. Многие казахи определяют свою национальную идентичность как казахскую («мы – казахи»), тогда как другие национальности не хотят, чтобы их называли казахами и определяют свою идентичность как казахстанскую («мы – казахстанцы»). В то же время, многие из тех, кто определяет свою идентичность как казахскую, отрицают, в свою очередь, казахстанскую идентичность и не хотят, чтобы их называли казахстанцами. Красноречивым в этом отношении является заголовок «Казахи не желают быть казахстанцами» обзора казахской прессы, опубликованного в ноябре 2007 г. в газете «Мегаполис» журналистом Сериком Малеевым.

Основу обзора составило открытое письмо-обращение к народу: «Станут ли казахи заложниками казахстанской идеи?», напечатанное газетой «Жас Казак» в октябре 2007 г. Свои подписи под письмом-обращением поставили семьдесят три видных представителя казахской интеллигенции. В их числе писатели – Музафар Алимбай, Абдижамил Нурпеисов, Мухтар Шаханов, поэт Туманбай Молдагалиев, композитор Ескендир Хасангалиев, певица Бибигуль Тулегенова. Этот отряд казахской элиты категорически возражает против идеи создания «казахстанской нации», которую еще в 1994 году высказали в СМИ 150 русскоговорящих предпринимателей-казахов. По их мысли, казахстанская нация, основанная на казахстанской идентичности, сродни советскому народу, приведшему, в конце концов, к развалу СССР. Отсюда следует вывод, что нацией в Казахстане могут быть только казахи и, соответственно, национальная идентичность является казахской.

Современные национал-патриоты Казахстана ссылаются на то, что республика в течение относительно долгого времени, по их мнению, не может найти национальную идею, по причине именно отсутствия у многих казахов национальной идентичности. При этом ссылка такова. В процентном соотношении от своего населения в XX веке, особенно в 30- годах больше других народов бывшего СССР пострадали именно казахи. Кроме того, они исторически лишились традиционного образа жизни, и как итог к 80-м годам у них со всей остротой встала проблема с национальной идентичностью, с существованием казахов как нации вообще. И хотя, по признанию национал-патриотов, за 20 с лишним лет политической независимости ситуация изменилась в лучшую сторону и прежняя актуальность проблемы потери национальной идентичности несколько спала, но она все же полностью не исчезла.

Широко и публично, в частности, о наличии проблемы национальной идентичности казахов было озвучено на страницах СМИ весной 2010 г., в ходе широкого обсуждения политического документа под названием «Доктрина национального единства», который вызвал жаркие споры. Дискуссия по

документу показала не только наличие, но также своеобразие проблемы национальной идентичности в Республике Казахстан. Все участники дискуссии были единодушны в том, что сам по себе фактор определения идентичности – одно из важных условий правильного и безконфликтного развития национальных отношений в стране. Было вполне обосновано отмечено, что национально-этническая идентичность выступает психологической основой этнополитической мобилизации, эффективности реализации современных национальных интересов страны.

Обсуждение Доктрины отчетливо показала, что проблема национальной идентичности сегодня в Казахстане стоит и как на уровне в целом населения страны, так и отдельно взятых индивидов. При этом, потеря национальной идентичности по мнению национал-патриотов наиболее остро стоит перед общностью в целом - казахским народом, как основным градообразующим этносом. Эту мысль вполне определенно сформулировал М.Шаханов – один из лидеров казахских национал-патриотов, согласно которому речь идет не много не мало о процессе растворения казахского народа в казахстанской нации.

Однако такое мнение, на наш взгляд излишне драматизировало сложившуюся этноситуацию в стране. Ведь если говорить откровенно понятия «казахстанская нация» нет в документе Доктрины. Но тогда с чего вдруг оппоненты усмотрели в Доктрине понятие «казахстанская нация».

Ответ таков, что это якобы следует из общего смысла Доктрины. Но будем откровенны, это весьма общий, абстрактный и субъективный ответ. В «Доктрине национального единства» скажем еще раз, нет ни упоминания понятия «казахстанская нация, ни тем более его теоретического анализа.

Данное понятие надуманно. Показательно, в этой связи, как односторонне интерпретируется некоторыми политиками в ходе обсуждения Доктрины одно из положений в выступлении президента Казахстана Н.Назарбаева в 2006 г: «С самого начала мы сделали выбор в пользу формирования гражданской, а не этнической общности, совмещения интересов народов, проживающих в Казахстане, открывающего для всех этносов возможности участия в государственном строительстве» [4].

Примечательно и совершенно правильно с нашей точки зрения, что эта цитата вошла полностью в первоначальный текст Доктрины национального единства. Но оппоненты этого положения, главным образом из национал-патриотов интерпретируют это положение таким образом, что оно де совершенно исключает учет и динамику национальных запросов этносов, и говорит только о формировании гражданской нации. Но, однако, приводимая цитата главы государства по смыслу, содержательности является стратегической, методологической, но отнюдь не сиюминутной, конкретизирующей.

Президент Н.Назарбаев вычленяет два уровня идентичности. Первый

уровень, подчеркнем, связан с формированием не казахстанской нации, как утверждают оппоненты, а народа Казахстана как единой гражданской и политической общности. Эта задача выступает по его мнению как первоочередная. В тоже время существует другой уровень идентичности, который по справедливому мнению Н.А. Назарбаева, связан с национальной идентичностью казахстанских и приезжающих зарубежных казахов. Характеризуя актуальность казахской национальной идентичности в работе «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» для сравнения Н.А. Назарбаев отмечает, что в советские времена лозунг «слияние наций» вытеснил нравственные основы и традиции казахского народа. Теперь надо вернуть не только их, но и внутреннюю моральную силу и национальный дух казахов, самобытность, уникальность, связь поколений и времен. Но решая проблемы внутренней национальной идентичности казахской нации, никак нельзя забывать о первом уровне идентичности – политической и гражданской идентичности казахстанского народа.

Таким образом, президент делает различие между подходом, направленным на формирование единой этнической общности (казахов) и подходом, направленным на формирование гражданской общности (народа Казахстана). Оба они, по его мнению, тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены. В то же время нельзя не отметить, что между двумя идентичностями Казахстана – казахстанской и казахской – существует и конкуренция за статус национальной идентичности страны. Эта своеобразная конкуренция возникла сразу же после обретения Казахстаном суверенитета в декабре 1991 г. Конкуренция казахской и казахстанской идентичностей находит свое выражение через попытки и претензии каждой из них на утверждение своего права единолично представлять Казахстан как национальное государство, определять его внутреннюю и внешнюю политику. Речь идет о попытках и претензиях каждой из идентичностей определять, в конечном счете, судьбу Казахстана.

С позиции национал-патриотов на волне этнической мобилизации конца 1980 – начала 1990-х гг. произошло превращение казахской этнокультурной идентичности советского общества в этнонациональную идентичность постсоветского Казахстана. Это изменение содержания своей идентичности позволило казахам совершить переход с полупериферийного положения общества в его центр, по крайней мере, заявить о своих претензиях на центральное положение в казахстанском обществе.

Одновременно, по их мнению, выросла другая угроза развитию этого позитивного процесса; существует опасность раствориться в общем глобализационном котле, потеряв не только многое из того, что бережно хранилось и передавалось многими поколениями предков, но и сам смысл фразы «быть казахом». Поэтому вопрос поиска национальной идентичности казахского

народа обусловлен, по их мнению, как сложившимся характером и историей внутриэтнического состава Казахстана, так и современными глобализационными вызовами мира.

Вывод таков – в век высокотехнологических открытий и всеобъемлющего интернета казахский народ вошел в состоянии глубокого духовного кризиса, потеряв присущие ему ментальные ориентиры. Эта тенденция утраты духовных и культурных корней ставит под угрозу существование казахов как нацию. Отсюда Казахстан относится к тем государствам, где национальную ситуацию характеризует различное понимание национальных аспектов жизни между коренным народом, давшим имя государству, и остальной, некоренной частью населения. Казахский титульный национализм не утвердил до сих пор своего доминирующего положения в национальной сфере Казахстана. Поэтому между казахской и неказахской частями населения наблюдается порой совершенно различное понимание трактовки национальных проблем.

Необходимость диалектического толкования процессов «казахстанской» и «казахской» общностей в развитии этнических процессов РК высказал, в декабре 2007 года Институт философии НАН РК, возглавляемый академиком А.Н.Нысанбаевым при проведении провел круглого стола на тему "Содержание и мобилизующий потенциал общенациональной идеи". В частности, А.Нысанбаев отметил: "Ведь можно являться казахом, признавать свою этническую самобытность, болеть душой за судьбу казахов и в то же время считать себя казахстанцем, т. е. органической составляющей единого казахстанского народа. Этническая самобытность сохраняется и сберегается в казахстанском сообществе, именуемом президентом Нурсултаном Назарбаевым казахстанским народом и, более того, казахстанской нацией"[5]. Т.е. согласно А.Н. Нысанбаеву обе общности, развиваясь не будут мешать друг другу.

Соглашаясь в целом с верным утверждением А.Н.Нысанбаева, хотелось бы обратить внимание, что все же с понятием «казахстанская нация» надо быть более осторожным. Казахстанская нация, если во главу угла ставить естественноисторический процесс развития нации, пока в реальности нет, она находится в стадии формирования. Нацию нельзя создать волевым политическим решением или пусть даже благими намерениями, если в нем не живет ощущение духовной исторической общности, скрепленное языком. Сторонники реальности казахстанской нации по сути дела рассматривают ее, как некий продукт внешнего фактора, государства, государственной власти. В этом случае, естественность смены форм исторических общностей разрывается и казахстанская нация объективно противопоставляется логике образования казахской нации (род, племя, народность, нация).

Сторонники подобной позиции видимо полагают, что этнически нации в Казахстане уже сформировались и речь должна идти уже образованию уже

казахстанской нации, которая создается по их логике уже другим путем, актом государства.

Всем известно, например, что в политологическом лексиконе не применяется термин «российская нация», хотя в России, например, на сегодняшний день живут более 130 народов и народностей (с 44 религиозными конфессиями). В тоже время в мировом общественном мнении, например, признается наличие американской нации, представляющей сплав различных народов Запада и Востока, многие из которых сохраняют свой язык, национальные особенности и традиции. И такая дифференциация понятий, как представляется, не случайна. Есть определенная объективная духовно-психологическая градация между понятиями «народ» и «нация».

Гражданская консолидация по своему исходному смыслу - это отношения взаимного доверия, открытости, которые существуют в том или ином государстве между людьми, независимо от их этнической принадлежности. Такого характера отношения выступают и в виде общности народа и в виде гражданской нации. Скажем таковой является американская нация, где проживающие в США, именуют себя независимо от этнической принадлежности американцами. Англичане, бельгийцы, немцы и т.д., в этой стране вполне спокойно себя относят к представителям американской нации. Эта фиксация не только формально-юридическая, ибо в паспортных данных оно зафиксировано, но и что немаловажно, внутренняя. Несмотря на этнические различия, представители всего населения США в преобладающе части своего сознания единогласно относят себя к американской нации. Та же преобладающая тенденция общего национального самосознания характерна, например, для многонациональных государств с многочисленным населением, как Китай, Индия, Англия, Франция и др. В этих странах понятие нация действительно используется не в этническом, а в гражданском смысле слова. Мы говорим, например «американская нация», «французская нация» - эти понятия характеризуют всех исконно проживающих в этих странах. Но одновременно каждая из них является отдельно и народом. В известном смысле такой подход оправдан, ибо нации в этих странах выступают одновременно и народом. Можно сказать, что внутренняя спаянность, духовно-этническая единство достигло такой степени, что различия между «народом» и «нацией» в этих государствах в значительной мере стерты.

Между тем, в условиях Казахстана различия понятия «народ» и «нация», применительно ко всей общности в республике значительно сохраняются. Да, всех проживающих в стране, независимо от их национально-этнической принадлежности можно объять общим понятием «народ Казахстана». И с этим все согласны. Но тогда спрашивается, можно ли столь однозначно эту всю общность назвать «нацией Казахстана». Вопрос стоит так: является ли общность всего населения республики сложившейся реальностью наподобие американской

нации, или это народ, который еще не сложился в нацию. Какое из вышеназванных понятий адекватно отражает совокупность всего населения Республики Казахстан – гражданская нация или народ. Речь, таким образом, идет об общей идентичности всего населения республики

Есть в основном две точки зрения на этот счет. Сторонники конструктивистского подхода дают утвердительный ответ на этот вопрос. Они склонны считать, что общность в Казахстане есть не что иное, как казахстанская нация. В таком случае, согласно приводимым аргументам подобная нация должна характеризоваться высокой духовно-психологической спаянностью, наподобие американской. Иметь общеказахстанское национальное самосознание, выраженное в достаточной развитости казахстанского патриотизма, казахстанской национальной гордости, общей национальной ответственности и пр.

Заметим, как теоретическое, так и практическое решение этого вопроса во многом определяет интересы выработки стратегических целей этнополитики современного Казахстана. Что строить, этнократическое государство, с преобладающим доминированием казахов, или гражданское сообщество, учитывающее запросы всего населения страны, независимо от их этнической принадлежности. Официальная позиция в этом отношении совершенно определенная. Достаточно сказать, что все главные стратегические документы Республики Казахстан, прежде всего, Стратегия «Казахстан – 2050» ориентированы на построение в стране гражданской нации.

Отметим также, что гражданское или конструктивистское толкование нации по своему предназначению в большей мере является практико-прагматическим и в сущности политологическим. Оно интерпретирует нацию как политико-правовую категорию. Под нацией оно понимает совокупность всех граждан страны, объединенных государственной властью. Данное определение удобно для понимания нации, как политического инструмента сплочения населения данной страны, хотя конструкция его этим самым не может не нести в себе определенные искусственные черты, о которых ранее мы отмечали.

Интересно, что опыт межнационального развития в гражданских сообществах был привлекателен и для СССР. Приведем на этот счет любопытный факт. Автору этих строк приходилось, как то читать в одной из газет СМИ интервью бывшего ответственного партработника ЦК КПСС А Вольского о том, что при всей идеологической неприязни Ю.В.Андропова к США, его привлекал в этой стране опыт решения национального вопроса. На территории СССР существовала, как мы помним, административно-национальное деление по республикам, автономиям. Места компактного проживания этносов и определяли, например, тот факт, что традиционно в Советском союзе существовали и кучно проживали в определенных территориях отдельно

представители русской нации, украинской нации, башкирской нации и т.д. Подобное национальное расселение, по мнению Ю.Андропова мало способствовала интернационализации общественной жизни. Поэтому, пишет газета, Ю.Андропов и поручил А.Вольскому изучить досконально американский опыт и возможности его внедрения в СССР. Однако Генеральный секретарь это, как и многое другое не успел довести начатое дело до конца.

На наш взгляд, формирование этнической казахской и гражданской нации не исключают друг друга, а могут, как показывает современная динамика развития национальных процессов в Казахстане, вполне способны уживаться друг с другом. И здесь нельзя не сказать, что этнонациональные образования в республике, благодаря взвешенной и правильной этнополитике власти РК, имеют все условия для развития в нынешнее время своего языка, традиции, культуры. И этому никто в стране не препятствует. Но согласимся, если речь идет о государстве под названием «Казахстан», то вполне естественно, что государственнообразующая нация – казахи также должна развивать свою культуру, язык. При этом с известным приоритетом, ибо напомним, еще раз, речь идет о Казахстане. Но такая логика, допускающая беспрепятственное развитие и этнической казахской нации и гражданского сообщества одновременно не всем нравится. Некоторые склонны признавать необходимость развития только гражданской, т.е. казахстанской нации. По их мнению, должна речь идти только об одной новой нации под названием «казахстанцы», которая будет отличаться тем, что в ней все одинаково хорошо будут говорить на трех языках: казахском, русском, английском. «Казахские националисты,- упрекает своих оппонентов журналист С.Дуванов,-из нынешнего внеэтнического по сути Казахстана хотят построить сугубо казахское этническое государство, где все должны говорить только по-казахски, где безусловно должна доминировать казахская традиция. Желание вполне понятное и оправданное ... для 17-19 века. Но во дворе 21 век. Казахстан многонациональное государство, построенное совместными усилиями всех проживающих в нем этносов, имеющих общую историю, традицию совместного проживания и значительный процент смешанных браков. Все это определило, что государство оформилось как надэтническое образование исключительно на принципах гражданства». Формирование гражданской общности казахстанцев, должно по его мысли исключить попытки построения казахского »этнического мира».[6]. (.С.Дуванов «Националисты и «ватники» как близнецы-братья»).

Такая логика рассуждения журналиста С.Дуванова не диалектична, а метафизична, ибо она построена на признании в естественном противоречивом процессе, в данном случае в национальной жизни современного Казахстана, только одной стороны и искусственном игнорировании другой.

Национальные общности будь то этнического, или гражданского толка, не

создаются, не провозглашается директивно, а они формируются многолетним опытом совместной жизни народов. Более того, в любом многонациональном государстве эти две общности развиваются естественным образом параллельно. Вопрос лишь в том, какая из них в условиях той или иной страны явится в конце концов преобладающей и в конечном счете господствующей. Реально же на сегодняшний день определяющим для всей совокупности населения Казахстана является состояние народа, но отнюдь не нации. Общие национальные духовно-психологические признаки всего населения Казахстана еще только складываются, находятся в процессе их становления. Поэтому хотелось бы возразить в отношении популярного ныне подхода, трактующего реальность казахстанской нации исходя из внешних, хотя и необходимых компонентов национальной общности, как то общей политической культуры, образа жизни и т.д., которые в действительности не выступают основными показателями наличия нации. Сторонники такой позиции указывают видимые признаки, но не учитывают главного показателя наличия нации, степени зрелости духовно-психологической общности, что приводит к утверждениям типа, что «нация – есть политический субъект, и может объединять множество этносов в рамках определенного государственного образования»[7]. При этом, что неубедительно приводятся доводы не сущностные, затрагивающие глубинные основы феномена «нация», а сравнительно-механические, внешние. Согласно их логике, например, раз национальность любого гражданина США – американец, то любого гражданина Казахстана – казахстанец, Узбекистана – узбекистанец и пр. Отсюда, кстати уже и отечественные отдельные отзвуки внедряемые в сознание в виде словосочетания «казахстанская нация».

Беда многих в прошлом существовавших в истории провозглашаемых гражданских общностей в тех или иных странах, состояла как раз в том, что они были искусственными, политически декларативными, что естественным образом приводило их в конечном счете к разрушению. . Вспомним провалившуюся в свое время попытку А.Македонского сплавить воедино греков и персов, несмотря на щедро им оплачиваемые смешанные браки, или в более позднее время попытку образования «советского народа».

О наличии нации (будь то природно-естественном контексте или гражданском), как впрочем о его возникновении, становлении, развитости необходимо, судить по одному, общему универсальному критерию: уровню духовно-этнической консолидированности населения народа, зрелости формирования общего национального самосознания общности. .В этом, на наш взгляд принципиальное отличие нации от понятия «народ», в основе которого лежат в основном параметры общности административно-территориального начала. Но народ имеет перспективу стать нацией, что требует, как показывает та же история американской нации исторического времени, благоприятных

условии.

К сожалению, некоторые авторы отечественных публикации проблему наличия нации склонны определять по внешним, поверхностными показателям национальной картины Казахстана. Чаще всего подобное наблюдается в трактовке определения и наличия гражданской нации в Казахстане. Показательна в этом отношении содержание полемики журналиста С. Дуванова и политолога С. Жунусова на страницах газеты «Республика» в 2008 г. по национальной идее. С. Дуванов предлагает этноним «казах» рассматривать в качестве гражданской идентичности. Он пишет: «Суть этого компромисса (между сторонниками этнического и внеэтнического варианта государственности – Р.С.) в том, что все неказахи – граждане Казахстана, должны стать казахами, но при этом само понятие «казах» перестает быть этническим и выражает принадлежность к государству. Все предельно просто: мы все единая нация – казахи. При этом каждый в этническом плане остается тем, кем он был» [8.]. Идея С.Дуванова на первый взгляд логична, ибо все проживающие по его мнению должны именовать себя казахами. Кстати, в российских СМИ этот вариант уже давно (получил) широкое употребление: казахами там часто называют граждан нашей страны с совсем не казахским обликом и фамилиями. Но по существу эта логика журналиста нереальна..

Та же идея искусственной конструкции гражданской нации Казахстана содержится и в сторонниках решения этого вопроса эволюционным путем. Они также добиваются того, чтобы всех в Казахстане считать казахской нацией. Но в отличие от С.Дуванова, они приводят несколько логические, а сколько эмпирические доводы. Свои целевые аргументы они строят исходя из бесспорных социально-демографических реалии. Они приводят такие цифры. В 1989 году казахи в Казахстане насчитывали 39 % от общего количества населения, в 1999 г. уже 53 %, в 2009 г. казахов становится уже 67 %. Т.е. если в недавнем прошлом казахи в Казахстане составляли этническое меньшинство, то в настоящее время они численно преобладают. Вторым по численности населения в стране, как известно, идет русское население, которое составляет порядка 29 %.. Отсюда доктор исторических наук Азимбай Гали, приходит к выводу: "Что такое хорошо для Казахстана и казахов? Интеграция, ассимиляция и аккультурация на основе казахских ценностей...Будут уменьшаться носители этого (русского — Ю.Ч.) языка, меньше будет эмигрантов и в качестве международного: казахи предпочтут английский, в качестве родного — казахский". И здесь во главу угла образования казахской нации приводятся в сущности внешне привлекательные доводы: увеличение количества казахов. Но одно голое увеличение представителей основного этноса не приведет к образованию национальной общности, объединяющей все население Казахстана, ибо нацию образуют факторы духовно-психологического единения людей

Этноказахскую идею в его природном аспекте предлагают и некоторые известные деятели и ученые Казахстана в открытом "Письме-73", подписанным представителями казахской интеллигенции, однозначно признающих в республике только феномен «казахская нация». Будущее Казахстана, по их мысли, это формирование и развитие только казахской нации, не допускающей образования иной этнической общности. А остальные диаспоры должны «оказахиться». По мнению сторонников этой позиции, такие прецеденты есть и в современном мире. Так, по их мнению, например, самые руссифицированные из прибалтийских народов латыши, сейчас начали ассимилировать русских. В национальном государстве, согласно их логике, это должно быть нормой.

Иначе говоря, эволюционисты считают, что этническая нация казахов как государствообразующая должна ассимилировать, гомогенизировать все общество, призван по их состоящее из многих других этносов и создать нечто единое целое, общность. Казахский этнос, по их логике должен ассимилировать все этносы в Казахстане и создать нацию. В принципе нам предлагается та же идея гражданско-культурной общности казахстанцев, называемой уже «казахской нацией». Заметим, тенденции этноказахского самоутверждения на массовом уровне наиболее сильно проявляются на западе республики – в Актау, Актобе и Атырау.

Но доводы как С.Дуванова, так и эволюционистов в принципе несостоятельны. Позиция С.Дуванова излишне упрощенная, ибо динамику формирования такой сложнейшей конфигурации, как национальная общность он предлагает решить чисто словесно, назвав просто всех казахами. Конечно, назвать всех казахстанцев казахами, в принципе несложно. Это простая фиксация на уровне документов. Но одно словесное провозглашение всех в республике «казахской нацией» явно недостаточно, реально такой общности от этого не будет.

В действительности, внутри Республики Казахстан понятие «казах» имеет четкую этническую принадлежность и ничего более. Поэтому, когда некоторые другие представители диаспор в республике утверждают себя казахами, то они скорее выражают себя свое почтение титульной нации и ее традициям. Этнически, да и социально они являются принадлежащими к другой нации.

Но и доводы эволюционистов также не выдерживают критики. Ведь аналогии СНГ, на которые ссылаются авторы письма неуместны, там этнонациональная структура другая, нежели в РК. Вспомним в России, Украине, Узбекистане, Грузии или любой другой стране СНГ, национальные процессы естественным образом предполагали титульную нацию как интегрирующую основу для всех этнических групп, проживающих на ее территории, их ассимиляцию в господствующей языковой среде. Так сложилось там исторически. Другая же картина национальной демографии складывалась

исторически в Казахстане.

В принципе, по большому счету, как сторонники определения населения Республики Казахстан понятием «казахстанская нация», так и национал-патриоты, предлагающие «казахскую нацию» имеют общую неточность. Их доводы, как представляется несут в себе заряд изрядного простого словесного провозглашения, без опоры на действительные критерии. Ведь согласимся, от того, что всех мы назовем казахами, или казахстанцами нации как таковых не образуется. По логике, тем не менее, как тех, так и других получается, что вполне достаточно им самим предложить, а власти государства директивно объявить всех живущих в стране одним общим понятием «нация» и назвать ее «казахстанской» или «казахской» и этого вполне достаточно: и национальная общность уже существует. Нация получается как результат чисто государственной самоидентификации. Но такой подход по своей сути есть не что иное, как «либеральный рецидив» науки, стремящийся приглаженную отечественную этнонациональную картину выдать за действительную, за реальность. Здесь мы вполне солидарны с марксистской критикой, в частности, данной в работе И.В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм»: «При вашей схеме пришлось бы утверждать, что: а) ирландцы стали нацией лишь после образования “Ирландского свободного государства”, а до этого времени они не представляли собой нации; б) норвежцы не были нацией до отделения Норвегии от Швеции, а стали нацией лишь после такого отделения; в) украинцы не были нацией, когда Украина входила в состав царской России, они стали нацией лишь после отделения от Советской России при Центральной раде и гетмане Скоропадском, но они вновь перестали быть нацией после того, как объединили свою Украинскую Советскую республику с другими Советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик. Таких примеров можно было бы привести многое множество. Очевидно, что схема, приводящая к таким абсурдным выводам, не может считаться научной схемой».[9].

Государство и его власть необходимое условие образования гражданской общности, ибо без него как показывает история, гражданская нация не создается. Государство - сила консолидирующая население, способствующая его превращению в нацию. Но государство – есть видимый, внешний признак, условие провозглашаемой гражданской нации, но не показатель его сформированности. Между тем задача состоит в том, чтобы сущность образования нации искать в глубинной его духовно-этнической природе народа, уровне его единения. И с нашей точки зрения, таковым критерием наличия гражданской нации должно выступать осознанное желание каждого или как минимум явно преобладающего большинства населения различных диаспор Казахстана считать себя принадлежащим к одной единой, общей гражданской нации.

Известно, что в мировой практике различных стран любой индивид, несмотря на имеющиеся у него внешние иноэтнические параметры, свое территориальное местопребывание, язык, на котором он разговаривает вправе вполне свободно относить себя исходя из тех или иных мотивов к определенной нации. Такова практика, в частности, развитых европейских стран и США. Можно сказать, под влиянием в конечном счете процессов глобализации индивидуально-субъектная самоидентификация национального самосознания выступает сегодня в мировой этнополитике все более распространенной.

Более того, по нашему мнению в складывании и формировании механизма гражданской национальной общности предпочтительность личности в выборе той или иной конкретной нации становится ныне все более главенствующей. Иначе говоря, этот выбор сегодня все более определяется не столько генетической предрасположенностью индивида, а сколько национально-этническим выбором самой личности. И здесь при таком выборе существенными при принятии решения решающими становятся нередко социальной параметры той или иной нации: уровень социально-экономического благосостояния той или иной страны, фактор толерантности этнической среды, уровень и престиж существующей системы образования, здравоохранения и т.д.

В результате гражданское национальное самосознание толерантно и допускает свободу самоопределения личности в отношении национальной принадлежности, оно неотрывно от четко выраженного личностного начала, от представления о свободной равноправной личности. Этим, в частности, нация в гражданском состоянии отличается не только от донациональных общностей (включающих в себя род, племя, народность.), подчиняющихся в большей мере бессознательным, кровнородственным узам, но в известном смысле от этнического толкования национальной общности. Вспомним, этническая нация в своем развитии, механизмах функционирования больше определяется влиянием объективных условия - общностью экономики, территории, языка, культуры. При таких заданных условиях свобода национально-этнического выбора, хотя и существует, но выступает ограниченным, количественно небольшим..

В гражданской нации в этом плане ситуация более благоприятная. Можно сказать, что в гражданской нации феномен «автономная личность» определяющий сам свободно национальную самоидентификацию, выступает более типичным, более массовым, нежели для этноприродного процесса развития нации. Исходным, тому выступает глобализация мирового процесса, которая сближая регионы и государства, предоставляет человеку возможность большего выбора в своем определении национальной идентичности. Можно сказать отличительный внешний водораздел отличия гражданско-конструктивистской нации - в объединении автономно самостоятельных

индивидов осознанно относящих себя к определенной общей нации. .

Побудительными мотивами формирования гражданской нации выступают эмоционально-психологические мотивы современной личности при выборе своей национальной принадлежности. В гражданской нации, иначе говоря, исходным духовным механизмом его формирования и развития должен выступать фактор национального самосознания личности, его осознанный выбор и желание принадлежать к казахстанской нации. Такую позицию в частности разделяет известный казахский поэт Олжас Сулейменов. Во главу угла им берется признак субъективный – желание субъекта, в данном случае, конкретного человека относить себя к той нации, где он желает себя видеть. Исходя из такого подхода, он утверждает, что следует говорить о существовании на свете нации, например «туркменистанской», «узбекистанской», «таджикистанской» и т.д. (что неверно, ибо о таких нациях мы нигде не слышали). Но правильность подобной позиции в другом, в том, что она исходит из соотнесенности индивида к гражданской нации не в природно-генетическом, а из личностного желания человека. Скажем, индивид знает о том, что он, например, латыш, русский, украинец и пр. но он себя исходя из социально-гражданской предпочтительности и живя в США относит себя к американской нации.. Здесь основным выступает желание индивида относиться к той или нации, но желание гражданское, не исходящее из этноприродной общности, к которой он принадлежит. Точно так же, например, считающий себя этнически русским, вправе свободно, без принуждения считать себя исходя из гражданских помыслов принадлежащим к казахстанской нации. И если подобного рода примеры станут массовыми в среде представителей самых разных диаспор, преобладающими – это и есть главный показатель образования гражданской нации в Казахстане. А как она будет называться: «казахстанской», «казахской» и пр. это не столь важно.

По своей сути в реальности, идентичность - это некий устойчивый комплекс самоощущений, которые дифференцируют данную группу от других групп. Человек способен внутренне совершенно четко на основе своей этнической предпочтительности сделать гражданско-национальный выбор. Этот фактор довольно гибкий. Ведь исторически, например, советская идентичность оказалось достаточно легко утрачиваемой и постсоветские люди ее охотно поменяли на российскую, украинскую, прибалтийскую идентичность, многие поменяли на американскую идентичность, европейскую идентичность и так далее. Здесь важным представляется анализ самоощущений, которые делают человека членом данной группы, а не запись в паспорте. Официально, декларативно этническая принадлежность групповая - это просто запись в паспорте. Но важен фактор не де-юре, а де-факто. Для административно-статистических органов, конечно формальные данные паспорта более важны. Но адекватное отражение этноидентичности требует средствами науки учитывать внутренние

самоощущения людей. Иначе говоря, почему он не по записи в паспорте, а реально, почему он является казахом, казахстанцем, русским, еще кем-то. Если речь идет о казахстанцах, то какие здесь есть реальные механизмы, инструменты самоощущения, кроме записи в паспорте? Что делает, проживающих в РК казахстанцами, кроме записи в паспорте? Что делает из них одних казахами, других русскими и пр. кроме записи в паспорте? Какие самоощущения, какие элементы, черты, культура?

Мировой глобализационный процесс во многом благоприятствует выбору национально-этнической принадлежности человека. Ведь сегодня национальное самосознание в различных странах в, условиях глобализации развивается в рамках всеобъемлющих интеграционных процессов; которые ведут к определенному нивелированию этнической самобытности, унифицированию бытия народов, что придает этим процессам одновременно некоторую противоречивость. Хотя конечно, интеграция, сопровождаемая унификацией и стандартизацией, не всегда и не обязательно нарушает национальное разнообразие, поскольку самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции складывается из единства; разнообразия. Последнее предполагает не подчинение одного народа другим, не утрату самобытности и традиций, не забвение своих корней, почвы и истории, а разрушение преград и барьеров, мешающих свободному единению людей,. Это обстоятельство и создает условия для появления все более преобладающей массы автономных личностей, которые все более свободными становятся в выборе своей национальной принадлежности. Современную гражданскую нацию характеризует общность, в которой преобладают личности, осознано и свободно относящие себя к определенной конкретной нации.

Реальная сложность и противоречивость процесса складывания и формирования гражданской национальной общности в Казахстане, в частности, довольно наглядно иллюстрируется некоторыми данными отечественных конкретно- социологических исследований. Нами, в частности, были использованы данные Б.Бектургановой, президента АС и П, а также результаты социологических исследований российских ученых Н.Фоменко. Все эти результаты представлены в Интернете. В частности, приведены некоторые социологические данные Н.Фоменко по рассматриваемой тематике, проведенные им в Казахстане в период с 1992 по 2004 гг. Кроме того, использовались данные контент-анализа СМИ, а также такой нетрадиционный источник, как Интернет-форумы, на которых обсуждаются проблемы межэтнических отношений в Казахстане.

В приводимых социологических данных мы обращали внимание на данные , характеризующие состояние и тенденции развития общегражданского самосознания казахстанцев. По нашему мнению именно духовно-

психологическая составляющая, связанная с динамикой национального самосознания позволяет нагляднее всего судить о состоянии процесса формирования гражданской нации в Казахстане. Между тем, заметим, в литературе и отечественной публицистике, на наш взгляд преобладают здесь более упрощенные оценки. Так, широко распространен демографический подход при оценке казахской и казахстанской нации, при котором дифференциация между ними производится на основе голого количественного подсчета казахов с одной стороны и представителей других диаспор с другой. Не в меньшей степени широко используется языковой принцип, который делит население Республики Казахстан на владеющих казахским языком, и не умеющих, или слабо знающих государственный язык. К слову сказать, последний подход некоторыми используется не только при делении на представителей казахской и казахстанской нации, но и при дифференциации внутри самих казахов.

Обратим внимание, что в советское время понятие «мы - казахстанцы», фигурировало всегда и везде, и в разговорах, но, однако оно не выступало ценностной идентичностью, это была идентичность территориальная, которая одновременно выступала отчасти социокультурной. В подтверждение последней заметим, что не казахи, проживающие на территории Казахстана, относили к этому понятию некие социокультурные характеристики и критерии, включающие, например, национальную пищу казахов. С созданием казахстанского независимого государства эта тенденция заметно усилилась. Территориальная идентичность получила подкрепление в виде паспортной, государственной идентичности. Безусловно, этим самым нельзя понятие «гражданская идентичность» отождествлять, идентифицировать с понятием «государственная идентичность». Это не адекватные понятия. Паспортно-государственная идентичность, это не гражданская идентичность.

Помимо перечисленных, некоторые, хотя и более редко используют при дифференцировании национальных общностей еще и территориальный подход (например, южане, северяне), урбанизированный принцип(город, село).

Данные подходы при всей их внешней приемлемости, все же не отвечают на вопрос, как, и на каком уровне складывается духовно-психологическое единение казахстанцев как гражданской общности. Тем более того, как складываются тенденции его развития в настоящем и возможном будущем. Внешний подход не гарантирует от ошибок, особенно при конкретном анализе субъекта нации. Поэтому всякая оценка констатации складывающейся общности гражданского порядка предполагает анализ, прежде всего состояния изменения самосознания национально-этнических групп в Казахстане и прежде всего казахов и русских как наиболее многочисленных этносов в стране. Иначе говоря, именно уровень духовно-этнической спаянности народов и нации проживающих в стране, и должен выступать в конечном счете основным при определении

реальности и зрелости гражданской нации.

Социологические исследования фиксируют в целом устойчивую тенденцию утверждения в республике как этнического, так и гражданского самосознания населения. С одной стороны, этому способствует в высокой степени толерантное отношение казахов к иноэтническим группам. С другой стороны, свою лепту в этот процесс вносит отказ государства от этнонационального принципа формирования субъекта республики и замена его принципом согражданства. Большинство казахстанцев занимает цивилизованную позицию, признавая равенство прав всех народов, проживающих в республике.

И в этом плане небезинтересно проследить состояние трех слагаемых структур этнонационального самосознания основных диаспор, проживающих в РК — когнитивной, эмоциональной, поведенческой, отмечаемых исследователями.

Когнитивное поле этнонационального самосознания - составляют представления казахов и диаспор об общегражданской казахстанской идентификации (осознания принадлежности к одной общности «казахстанцы»); представления (и их интерпретация) о родной культуре, языке, территории, истории, государственности, казахского народа – условно говоря «образ мы». К когнитивным компонентам общегражданского самосознания казахстанцев относятся и историческая память, которая вбирает в себя знания индивида об истории казахского народа.

Бесспорно, государственно-политическая независимость Казахстана особенно благоприятно сказалась на состоянии этнонационального сознания основного градообразующего этноса страны - казахского народа. Казахи, впервые в своей истории, благодаря изменившимся политическим условиям, получают адекватные своим естественным этнореальностям представления о своей национальной истории и культуре. В тоже время, результаты опросов, в частности, АСиП эмпирически фиксируют, что в большинстве случаев представители других диаспор РК (казахстанцы) либо не знают, либо отрицают в частности, наличие исторических личностей и современников, которыми они, как граждане страны, могут гордиться. Из опрошенных казахстанцев большую осведомленность чаще всего проявляют сами казахи, среди которых пользуются популярностью А. Кунанбаев, Ч. Валиханов, Д. Кунаев, Н. Назарбаев, О. Сулейменов, И. Есенберлин, М.Ауэзов-старший, Бауржан Момыш-улы [10].

Эмпирические данные не дают оснований говорить об усилении казахского этнонационализма. В составе разных возрастных групп казахов «пик» согласия фиксируется по поводу суждения о Казахстане как общем доме для всех проживающих в нем народов. Апелляция к превосходству казахов, оправдываемая исконным предназначением коренного этноса нести ответственность за свою историческую родину, в среде городских казахов

находит поддержку во много раз реже по сравнению с первым суждением. Она более свойственна главным образом, сельским казахам.

Показательны ответы на анкету с таким вопросом: «Каким, на Ваш взгляд, должен быть путь развития Казахстана?». Полученные ответы лишь подтверждают известный факт: этноцентризм (ориентация на самобытность), как национально-психологический комплекс, в Казахстане представлен не столь широко, как, например, в России или других странах СНГ. В среднем по массиву опрошенных 35,2 процента придерживаются мнения, согласно которому у Казахстана должен быть свой национальный путь развития, учитывающий традиции и менталитет народа. 34,5 процента склоняются к мысли, что Казахстан должен объединиться с Россией. 13,4 процента считают, что Казахстан должен следовать западному пути развития. 15,2 процента затруднились ответить.

Вообще казахскому национальному самосознанию чужды сколько-нибудь выраженные националистические устремления. Вместе с тем это не исключает роста национал-патриотических настроений в связи с переживаемым периодом возрождения и строительства новой государственности. В первую очередь обнаруживается, что среди казахов 54 процента поддерживают идею самостоятельного национального пути развития Казахстана. Примечательно, что сторонниками этой идеи являются также около трети опрошенных русских. Главное, что подъем национал-патриотизма не носит «взрывного» характера. Например, по данным опроса за 2005 год, среди городских казахов национал-патриоты составляют 19,9 процента, националисты – 7,5 процента; среди сельских их, соответственно, 25,1 и 10,1 процента. Основная же масса казахов поддерживает идею равноправия всех народов Казахстана.[11].

Довольно своеобразными выступают и эмоциональные компоненты этнонационального самосознания казахского народа. Природа данных компонентов в том, что присущая всякой группе психологическая общность выражается в условиях современного Казахстана формировании определенного чувства «мы – казахстанцы». Наиболее емко она выражается в чувстве национальной гордости, общенациональном, патриотическом чувстве любви к своей Родине и народу, осознании своей принадлежности к определенной нации, выражающееся в понимании общности интересов, национальной культуры, языка и религии. В национальных чувствах отражаются ценностные отношения субъекта к объекту. В казахском этнонациональном самосознании в советский период оно представляло противоречивым, сочетающим действительные этнические мотивы с инонациональными элементами. Если вспомнить, при СССР, оно было подменено чувством идеологизированной общесоветской гордости, которая по пропаганде того времени должна была органически сочетаться с аналогичным национальным чувством. На практике же безраздельно пропагандировалась и утверждалась в сознании народа чувство общесоветской

гордости, которое в условиях полиэтничности Казахстана имело более благоприятные условия для своего развития, нежели в обстановке большинства моноэтнических республик СССР. Не случайно, в практике существования СССР представители национальных республик представляясь за рубежом, прежде всего, говорили о себе, что они «советские», «рашэн», а уж только потом иногда для конкретизации о своем этническом происхождении – «казах», «таджик», «белорус» и т.д.

Совершенно иные национально-этнические представления выступают в условиях независимости. Патриотический компонент этнонациональной самоидентификации проверялся с помощью вопроса: «Гордитесь ли Вы своей национальной принадлежностью?» Судя по ответам, полученным на этот вопрос, этнонациональная самоидентификация и у казахов, и у русских, и у лиц другой национальности достаточно устойчива и имеет позитивную направленность. Большинство ощущает гордость за принадлежность к своему этносу. И об этом говорят данные индивидуальной субъективной соотнесенности. Эмпирические данные показывают, что среди основной массы казахстанцев острого переживания кризиса национальной идентичности незаметно.

Не получают подтверждения и расхожие утверждения по поводу угрозы обострения межнациональных отношений в Казахстане. По данным опроса, проведенного в минувшем году, большинство казахстанцев не верит в возможность конфликта на национальной почве в республике (в среднем 67,1 процента) [12].

Результаты опроса показывают, каким образом в сознании представителей разных этнических групп определяется выбор национально-этнической принадлежности. Характерен в связи с этим вопрос: «Что для Вас лично означает Ваша национальная принадлежность?» В результате обнаружилось превышение лиц, отдающих предпочтение этноприродному критерию идентификации в сравнении с гражданским. В большинстве люди воспринимают свою национальную принадлежность через «генетическую связь с Родиной, языком, ее историей и культурой, традицией и землей предков», реже увязывают это с «гражданством, общностью проживания на одной территории». Особенности национального характера, вытекающие из общности уклада жизни, играют более важную роль в восприятии национальной принадлежности у русских и менее значимы для казахов.

«Патриотизм, национальная гордость» оказались более присущи казахам, чем русским. В числе менее значимых для представителей разных этносов назывались «кровно-родственные отношения», «связь с религиозными верованиями», «неприятное отношение к представителям других наций». О несущественности этнонациональной принадлежности («ничего не означает, это понятие давно устарело») говорят немногие. Интересно, что к суждению об

известной устарелости самого понятия «национальность» чаще всего склоняются экономически активные категории респондентов в возрасте от 30 до 50 лет.

Таким образом, характер эмоционально-этнических предпочтений различных представителей нации в РК фиксирует большую их предпочтительность ценностям этноприродной культуры нежели слагаемым гражданско-национального сознания.

Можно вполне определенно на сегодняшний день фиксировать: «казахская идея» до настоящего времени пока не является базовой в структуре гражданской идентификации. Попытки некоторых современных казахских политиков и публицистов понимать понятие «казахи» в республике расширительно не соответствуют реальности. Данные конкретно-социологических исследований, свидетельствуют об однозначной ориентации национально-этнической идентичности представителей казахстанских диаспор с исконной родиной, с которой связаны их язык, далекие предки. Такого же характера приверженность демонстрируют и представители диаспор, родившиеся в Казахстане, при этом, даже, во-втором и третьем поколениях.

Попытки хотя бы в первом приближении зафиксировать с помощью опросов количественные пропорции сторонников идеи межэтнической консолидации вокруг титульной нации в разные годы дают критически низкие результаты. В гражданской идентификации чаще всего срабатывают такие фундаментальные факторы общности, как территория (от 20 до 40 процентов в разные годы) и единый народ Казахстана (от 20 до 30 процентов). Широко поддерживаются надэтнические ценности и установки. Хотя в целом, по данным регулярных замеров АС и П, процесс гражданской идентификации медленно, но все же закрепляется на уровне массового сознания. Ранее такие понятия, как независимость и суверенитет Казахстана, защита Родины, гордость за страну до 1998 года собирали по 9-10 процентов голосов поддержки. Тем не менее, эта идея не сопрягается с идеей казахского национализма.

В структуре этнонационального казахского самосознания и самосознания диаспор своеобразно проявляет себя и регулятивный, поведенческий компонент, который выступает реальным механизмом не только осознания, но и проявления себя членом казахстанского народа, построения системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Здесь действительную картину, в частности дают этностереотипы, которые представляют собой "устойчивое, схематично-упрощенное и эмоционально-ценочное мнение одной этнической общности о другой и о самой себе". Этностереотипы, оказывают огромное влияние на социализацию, на поведение подрастающих поколений в отношении представителей той или иной этнической общности. Примечательно, что этноповедение казахов здесь вполне типичное для представителей сложившейся национальной общности. Представители казахского народа на личностном

уровне в своих контактах с представителями других этносов органично ассоциируют себя с казахской нацией. Об этом свидетельствуют данные автостереотипов - мнения, суждения, оценки, которые характеризуют отношение к своей этнической общности. Как правило, в них преобладают положительные оценки. Здесь сказывается природа архетипа - ментальность казахского народа, которая традиционно характеризовалась уважительным отношением к представителям других этносов, толерантностью к другим религиям, обычаям, традициям.

Довольно любопытны данные гетеростереотипов, отражающих оценочные суждения о других народах, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. Здесь представляют интерес гетеростереотипные оценки представителей, как казахов, так и русской диаспоры, как наиболее крупных в республике. Так, по социологическим данным исследования российского ученого Ю.Г. Чернышова "запас прочности" позитивных, добрососедских отношений между русскими и казахами сохранялся в своей основе даже в самые критические моменты. Исследования по ценностным ориентациям показывают близость позиций казахов и русских, выросших в Казахстане. Положительные характеристики, как правило, преобладают над отрицательными в гетеростереотипах и русских, и казахов (особенно — у представителей старших поколений).[13].

Вместе с тем исследователь отмечает и отдельные проблемы в гетеростереотипах. По мнению Ю.Г.Чернышова, если казахи в массе своей считают, что теперь стало "все нормально", то представители других национальностей посылают совершенно иные сигналы: "нет, далеко не все нормально: мы считаем себя ущемленными в кадровой, языковой политике" и т.д. Почти все русские жалуются, что конструкция власти в Казахстане носит этнократический характер. Их аргументация такова: «Представители так называемой титульной нации, то есть казахи, заняли ключевые посты на всех уровнях власти, доминируют в бизнесе и т.д.» Но возникает вопрос, а почему при этом они не кивают на Россию при полном совпадении процессов? Почему наши казахстанские русские не говорят, что государствообразующей нацией в Российской Федерации являются русские, а в том же российском правительстве на всех государственных должностях находится абсолютное большинство именно русских? Иначе говоря, этот аргумент не выдерживает критики в свете реального массового русского присутствия (и на наш взгляд вполне естественного) в этих же сферах общественной и государственной жизни в соседней России. Получается, что по отношению к себе мы де будем руководствоваться одним правилом, а другим в аналогичной ситуации рекомендуем жить по другим правилам, которые мы укажем. Нелогично.

Что касается дискриминации по языковому или этническому признаку, то создается впечатление, что эти факторы нагнетаются искусственно. Русский язык сохраняется, и еще долго будет сохраняться в Казахстане как мост к большому миру. Для любого в Казахстане это неотъемлемость: как степной ландшафт или горы Алатау. Совершенно прав, ведущий о научный сотрудник Института востоковедения МОН Еркин Байдаров, который считает, что русский язык «невозможно вытеснить. Это один из шести мировых языков, на котором говорит более двухсот миллионов человек».

Таким же «раздутым» является и этнический фактор – ведь русские продолжают оставаться второй по численности национальной группой в республике после казахов. Оба этноса связывают длительный период совместного проживания, общая история, культурные и духовные ценности.

По данным другого исследователя Л.С.Назыровой в группе казахов как авто-, так и гетереостипы носят положительный характер. Русские же единодушно дают позитивные оценки только в отношении русских. В отношении казахов благожелательны школьники, а гетереостереотипы взрослых и студентов носят несколько выраженный негативный характер. В целом, русские студенты и взрослые ярко демонстрируют предпочтение своей этнической группы.[14]. И поэтому встречающееся мнение о том, что русские в Казахстане, отличаются от русских в России, они (казахстанские русские) требует правильного понимания. Речь здесь об отличиях отдельных ментальных проявлений – отношения к труду, к своим служебным обязанностям, понимания роли мужских обязанностей в семье и т.д. Но национальная самоидентификация русских в Казахстане не меняется, она обща с русскими России.

Для русских и других нетитульных групп вхождение в новую эндогруппу под названием «казахстанцы» означает потерю важных черт их родной культуры и языка и угрозу для коллективной идентичности. До сих пор многие казахстанские русские воспринимают своей родиной Россию, а не Казахстан. С.Дуванов этот факт объясняет тем, что «... русские, живя уже в новых исторических условиях, по сути, в другой стране, продолжают воспринимать себя в первую очередь русскими без привязки к новой общности, именуемой казахстанский народ. И это объяснимо. Психологически большинство русских все еще воспринимают себя частью России, волей судеб оказавшейся вне ее. Казахстанцами они стали не по своей воле, их таковыми сделали, и в этом смысле это дань обстоятельствам – так получилось» [15]. Эту же мысль высказывает другой казахстанский политолог А.Ахмеджанов: «Идентификация с другим государством не обязательно есть свободный выбор человека или группы людей. Причины могут быть внешними по отношению к личности. Как раз такой редкий геополитического катаклизма, сравнимый с крушением Римской империи, имел место в связи с распадом Советского Союза. Миллионы граждан разных национальностей оказались

внутри границ новообразовавшихся национальных государств. Люди внезапно оказались перед мучительным выбором, - с какой страной себя соотносить: страной проживания или же с этнической (исторической) Родиной – центром их жизни в национальном смысле... В таком незавидном положении оказались миллионы людей разных национальностей, но особенно это коснулось русских как самой многочисленной нации, бывшей советской страны [16].

Немалое количество русских и представителей нетитульных этнических групп не воспринимает модель казахстанской идентичности на базе казахского этнического компонента. Для них казахстанское гражданство не имеет такой же высокой цены, как этническая принадлежность. Характерно, с точки зрения представителей диаспор этничность должна фигурировать в документах удостоверяющих личность, чтобы напоминать о культурных корнях. В то же время казахи более спокойно относятся к удалению из персональных документов пункта об этнической принадлежности, так как у них сильна идентификация со страной. Названия «казах» и «казахстанец» для многих казахов обозначают одно и то же. Для казахов представления о казахстанской идентичности базируются на основе казахской идентичности, поэтому этническая идентичность для них важна и рассматривается как объект гордости. Быть казахом – означает иметь привилегированный статус.

Если гипотетически сейчас в данное время включить в персональные документы графу о национальной принадлежности «казахстанец» то можно предположить, что в массе своей казахи это событие будет воспринято довольно спокойно. В то же время, полагаем русскоязычное население к такому повороту в своей национальной идентичности не готово. Нужно время и немалое, необходимо дождаться развития естественного результата событий.

Прошло уже более 20 лет с момента создания Республики Казахстан, но русское население все еще не полностью адаптировалось к новым культурным и демографическим реалиям. По-прежнему, продолжается отток русского населения, хотя и в меньших размерах, нежели в 90-х годах. По-прежнему значительное количество русских не видят в Казахстане будущего для себя и своих детей, так как по их мнению выстроенная в республике система не оставляет надежды на это и особенно на возможность самореализации. Отсюда не редкость, когда представители русского населения в стране нередко выбирают стратегию изоляции, живут в своем мире. Причем эта тенденция сохраняется и даже усиливается. Уже давно не секрет то, что некоторые коммерческие компании, возглавляемые русскими, практически полностью состоят из представителей славянских этносов. Но долго так жить нельзя. Облик Казахстана меняется. Все чаще слышится на улицах казахская речь, становится больше численность казахов, и это одна из причин дискомфорта для русского населения. Привычное окружение меняется. Оно становится казахизированным.

Наличие названных гетереостереотипных проблем со стороны русской диаспоры, на наш взгляд, в большей степени объясняется все еще сохраняющимся уже упомянутым этностереотипом «старшего брата». Это вполне косвенно признает и сам Ю.Г.Чернышов говоря, что «из всех советских республик именно Казахстан был тем полигоном, на котором в СССР особенно смело испытывали и ядерное оружие, и "целину", и концепцию "новой исторической общности — советского народа"[17]. Ситуация после получения государственной независимости РК, когда кардинально изменилось демографическое соотношение в пользу казахов (за 1989-1999 гг. количество русских сократилось на 26 %, украинцев — на 38 %, немцев — на 63 %) не могло не привести к болезненной ломке этносознания славянского населения, в их представлениях о собственном месте в новом государстве. Казахи стали составлять абсолютное численное большинство в стране, заняли ключевые посты в органах власти, стали единственным "титულным" этносом. Такая новая социальная ситуация отдельными представителями диаспор не была осмыслена адекватно. Некоторые лидеры русскоязычных общин, к сожалению, так и остались в плену старых идеологических догм, весьма далеких от современной реальности. Отсюда в гетереостереотипных представлениях русских, в частности, в известной мере отражается недовольство в отношении стремления казахов доминировать с использованием азиатских традиций (помощь своим родственникам в устройстве на работу, авторитаризм и т.д.).

Если рассмотреть общую ситуацию с положением титульной нации и другими этносами в Казахстане, то можно уверенно констатировать, что положение вторых здесь по сравнению с остальным постсоветским пространством имеет самые благоприятные условия для жизнедеятельности. Русский язык обширно присутствует в культурно-экономической и общественно-политических сферах, у нас, нет скрытых войн по национальному признаку, как в той же России с участием скинхедов.

Думается, что как русским, так и русскоязычным казахстанцам надо постараться понять, хотя это психологически и нелегко, что страна — это все — таки исконная земля казахов, и они не поставлены в массе своей перед выбором государства для проживания. Необходимо в известном смысле переосмысление самой русской идентичности в Казахстане. Переосмысление означает не только новое осознание собственной группы (Мы), но и переоценку образа другой группы (Они). Многие русские остались убежденными в превосходстве русской культуры и с трудом воспринимают тот факт, что теперь им навязывается другой язык в том же качестве, что и их родной. Это негативное отношение усиливается из-за понижения статуса русских в постсоветский период. Русские в Казахстане считают себя наиболее пострадавшими в результате распада СССР. Будучи в социально-профессиональном отношении доминантной группой в течение

нескольких поколений, ныне русские в Казахстане зачастую переживают психологическую фрустрацию из-за необходимости адаптироваться к новому статусу «меньшинства» и «диаспоры». Поэтому русским казахстанцам труднее воспринимать послесоветский Казахстан как новую страну. Они не рассматривают гражданство как гарантию успешного будущего и стабильности.

Но, согласимся, прежний опыт межнационального единения в советское время не может полностью быть взят в качестве фундаментального исходного старта Республикой Казахстан на пути к созданию гражданской национальной общности. Безусловно, советский опыт обладал неоспоримыми достоинствами, достаточно вспомнить общую победу советского народа в Великой Отечественной войне, Но эта же модель одновременно показала и органически присущие ей серьезнейшие недостатки, которые, как мы тоже помним, привели к вселенской катастрофе – развалу СССР под влиянием национальных конфликтов.

В условиях Республики Казахстан все яснее прорисовываются контуры будущей модели межнациональных взаимоотношений в постсоветских странах, принципиально, отличающейся от прежней, советской, когда представителям русской культуры не было необходимости взаимодействовать с национальной культурой "титупьной нации". Надо создавать "герменевтическую" модель ("вживание", "вчувствование" в чужой культурный контекст), которая, как показывает историческая практика межкультурных взаимодействий, успешная, довольно успешно формирует гражданскую нацию. Такая модель требует в качестве необходимого условия готовность к созданию в республике полифонии различных языков, культур, традиций, менталитетов. К слову сказать, развитие русской культуры за пределами России не обеднит ее, а сделает еще богаче, вызовет к жизни новые способы и формы взаимодействия с другими национально-культурными системами.

Главной тенденцией в этой модели становится встраивание в общекультурный контекст на демократических принципах. В этом случае русская культура становится органичной частью единой поликультурной системы, что способно обеспечить содержательный и глубокий диалог с национальными культурами, "титупьной нацией" на взаимной, встречной основе на всех основных уровнях, начиная с межличностных отношений. Понятно, что в силу исторических причин казахский язык во многом пока остается языком аграрного социума и не может в достаточной мере отвечать современным потребностям в научно-технической, индустриально-промышленной сферах. Но, это сегодня, казахский язык развивается, он все более становится массовым. Все нации проходили через этот этап. Вследствие этого, важным является знание хотя бы минимального уровня языка национального большинства, поскольку национальный язык есть тот инструмент, при помощи которого происходит "раскодировка" чужой культурной системы. Необходимо так же знание

основных событий казахской истории, знакомство с основными фактами культуры национального большинства Другое дело, что в этом деле не должно быть спешки или принуждения..

Отказ от советской модели культурного взаимодействия непривычен, психологически труден, потому что определенная масса казахстанцев к этому не готова, особенно из лиц старшего поколения. На поверхностном уровне это может быть квалифицировано как историческое поражение, как некая сдача позиций, как уступка национал-патриотам "титупьной нации", которые, скорее всего, не преминут громко заявить о своей "победе", якобы невозможной без их титанических усилий.

Формирование подобной новой модели межнационального взаимодействия в целом будет противоречивым. Творчество русской культуры в рамках становящейся новой модели межкультурного взаимодействия, очевидно, станет затруднительным для постсоветских русских с фантомными болями по безвозвратно ушедшим временам, но станет культурным призванием русских подлинно демократических убеждений. Будущее русского народа в Казахстане - за русскими демократами-патриотами. Вместе с ними представители других национальностей построят новый Казахстан, где человек любой национальности будет иметь возможности полноценного удовлетворения своих интересов, включая и национально-культурные. Пока их мало в русской среде, но процесс этот имеет перспективу. В этой модели содержится больше возможностей для повышения не только уровня толерантности для всех, в том числе, русских, но, главное, способности взаимодействовать с культурами коренных народов на всех уровнях их функционирования и по всем параметрам их национального бытия. Не формальные граждане страны проживания, а со-творцы единой в национальном многообразии культуры Казахстана.

Только при таком "сценарии" можно не опасаться, что наступит упадок русской культуры в странах так называемого "ближнего зарубежья". Да, многие черты советской модели уйдут в прошлое, но, это не упадок, это - рост на новой основе. Такого культурного будущего опасаются только те, кто не желает освободиться от застарелых догм советской модели взаимоотношений русской культуры с культурами "национальных окраин".

Глубокое понимание и сопереживание проблемных зон "Другого" - представителя другой культурной системы - вот постмодернистский уровень дискурса на диалоговой площадке Будущего. Такая позиция создает условия для диалога, являющегося большей частью вопрошанием, а не готовым ответом на все перипетии человеческой жизни в сфере культуры, которая, по сути, всегда есть проблемное бытие. И, в том случае, когда нет ответа на конкретную ситуацию, на вопрос об отношении к культурному явлению в иной культурной системе, то все равно сознание такой личности покоится на ПРЕД - убеждении,

что Другой культурный мир обладает самоценностью, ибо ценности в принципе не поддаются рационализации.

Реалистический, полноценный путь строительства "гражданской нации" в Казахстане невозможен без общенациональной культуры. В этом случае, "казахский национал-патриотизм" и "русский национал-патриотизм" в Казахстане - две стороны главного казахстанского межнационального противоречия в социокультурной сфере способны дополнять друг друга и взаимодействовать между собой в рамках цивилизованного диалога.

Можно ожидать, что в перспективе все более подавляющее большинство, сделавших выбор в пользу общего дома - Казахстана способны с нарастающей количественной силой ощущать себя органической частью общеказахстанского социокультурного мира. Само историческое время, ход естественного развития нового Казахстана определит лицо конкретных приоритетов новой своеобразной общеказахстанской культуры : языка, быта, традиции и пр.

Решающим условием формирования нации в гражданском смысле, на наш взгляд должен выступать массовый сдвиг в конкретном этническом сознании всех существующих диаспор в Казахстане. Необходимо осознанное, свободное желание каждого признать приоритет гражданской идентичности, при сохранении своей природной этничности. И в этом смысле условием такого массового сдвига национального самосознания, как показывает историческая мировая практика, могут выступать и исторические основания и социальные предпочтения. Именно эти два обстоятельства чаще всего и образуют нацию в гражданском смысле слова.

Пример США демонстрирует важную роль исторических оснований в формировании гражданской, где люди самых разных национальностей приехав в эту страну, имели только одного врага – коренное население индейцев, которых они полностью истребили, а других загнали в гетто. Поселившись, где попало, работая, общаясь, переселенцы за многие десятилетия и столетия совместной жизни образовали американскую нацию, которая по существу является сборной, ибо состоит из представителей разных народов мира.

Но сегодня в функционировании нации в гражданском смысле больше действует второй упомянутый фактор, который мы назвали «социальным предпочтением». Суть его в том, что людям просто выгодно сегодня себя называть американцами, французами, ибо эти страны ныне уважаемы в общественном мнении, богаты, демократичны. Иначе говоря, люди называют себя американцами, французами и пр. не потому что им просто так хочется, а потому, что ассоциирование себя с могучей и уважаемой страной, благополучным образом жизни в США, Франции является выигранным в глазах того представителя народа, который живет в другой стране. Здесь, биолого-генетическая составная предполагающая, что он, например, литовец, украинец,

мексиканец и пр. подчиняется социальной, гражданской.

О важности фактора социального предпочтения, на наш взгляд, свидетельствует и то, что он сегодня играет не только повышенную роль по сравнению с историческим, но и по сути дела является главным, единственным функционально действующим в современной этносоциальной практике переселения людей. Проще говоря, люди разных национальностей предпочитают уезжать в США, Францию и другие аналогичные страны потому, что эти страны уважаемы в мировом общественном мнении, богаты, сыты, благополучны. Отсюда называть себя американцем, французом выгодно, почетно. Представляется, что и в Казахстане именно материальное обстоятельство в известной мере объясняет все еще имеющиеся, но уже не столь уж массовые как в начале 90-х годов отъезды русских, украинцев на свою историческую Родину. Ситуация в этом вопросе сейчас такова, что у тех представителей диаспор у кого есть материально-финансовые возможности и позволенные возрастные показатели предпочитают все же чаще выезжать в Россию, Украину, на свою историческую Родину. Если же этих слагаемых нет совокупно, или отсутствует один из них, то предпочитают оставаться в Казахстане. При этом если есть возможности у родителей (материальные, родственные и пр.), стремятся учить своих детей в российских вузах, или в филиалах вузов России.

В ряду отмеченного фактора лежат и участвовавшие в последние годы случаи возвращения русских обратно в Казахстан именно по материальным причинам. Эксперты отмечают, что сейчас русские из Казахстана не рвутся бросать наложенную жизнь и пускаться в неизвестное. Во-первых, размер «подъемных» не окупает огромных затрат на переселение, во-вторых, большие проблемы с жильем. А тот, кто предполагает переезд, уже не действует сгоряча, как это было в 90-е годы – вначале приезжает на разведку. И увиденное в России его не обнадеживает. Поэтому многие мигранты сегодня предпочитают тактику временных выездов на работу, а не на постоянное жительство.

Благополучие, материально-бытовой престиж страны в общественном мнении, предпочтительность экономических условий существования по сравнению с другими странами ускоряет процесс формирования и развития нации в гражданском понимании. Подобные материальные условия выступают побудительной причиной переезда и совместного проживания людей различных национальностей в определенном государстве, в котором происходит процесс этнического смешения, образования общих, гражданско-этнических культурных ценностей, характерных для данной нации.

Как представляется недооценка социально-экономического фактора формирования нации в гражданском понимании и лежит в основе недостаточной развитости «казахстанской нации», как сложившейся реальности.

В известной мере это напоминает установки официальной национальной политики СССР, где полагали, что пропаганды идеологии марксизма вполне достаточно, чтобы образовать новую историческую общность «советский народ».

Иначе говоря, образование нации в гражданском толковании возможно там и тогда, когда происходит не только естественный процесс взаимовлияния и взаимообогащения национально-культурных контактов различных нации и этносов в определенном государстве. Его необходимо обязательно дополнить достаточным материальным уровнем благосостояния людей в этом государстве, высокими социальными гарантиями для населения, развитием демократии и свобод человека. Неполная, недостаточная развитость данных слагаемых не позволяет образоваться сейчас, в данный момент . казахстанской нации, нации в гражданском понимании.

Конечно, сказанное не умаляет роль патриотизма - единого общего чувства принадлежности всего народа Казахстана к своей стране, любви к своей Родине и земле, огромного уважения к ее истории и культуре. Но вот вопрос, по каким слагаемым мы должны судить о реальности казахстанского патриотизма. Ведь в реальной практике жизни нередко чувство казахстанского патриотизма толкуется людьми по-своему.

Не секрет, что для определенной части людей, руководствующихся обывательским сознанием и некоторой части казахских национал-патриотов, он довольно часто выливается в "кумысно-бешбармачный патриотизм" придерживающихся лишь показной, внешней части традиционалистских ритуальных обрядов. Справедливости ради отметим, что такой патриотизм, основанный на абсолютизации формы культурного потребления, давно ушедшей номадической архаики, вызывает неприятие остальной части казахстанцев. Такой фольклорный образ казахской нации уместен лишь на историко-фольклорных празднествах и не адекватен в других случаях. Ясно, что такой казахский этнический рай - исторический тупик в первую очередь для самих казахов, т.к. не предполагает коренного изменения своих поведенческих моделей, ценностных ориентаций, требуемых временем

Не менее распространен в Республике и патриотизм, который мы бы определили как «государственно-пропагандистский». На практике он зачастую сводится к почитанию государственных символов, герба, флага, лояльности к государству. Такой патриотизм, который пропагандируется во всех государственных СМИ, крайне формализован. Хотя бесспорна значимость подобного выражения казахстанского патриотизма. Однако и она по своей природе является эмоциональной, внешней, не затрагивающей глубинные основы человеческой идейности. От того, что на государственных телеканалах постоянно и монотонно твердят, что патриотизм – это хорошо, что мы должны гордиться государством, какими-то отвлеченными макроэкономическими

параметрами – патриотизма не станет больше.

Есть аксиома: содержание патриотизма зависит от понимания человеком того, что он считает Отечеством. Не секрет, что например русские, называя себя казахстанцами, тем не менее, многие из них своим Отечеством считают Россию. Подобная двойственность соотнесения себя с двумя государствами задает и двойственность личностной идентификации, которая не может не отражаться на проявлении чувства казахстанского патриотизма. И здесь не надо упрекать русскую часть населения Казахстана, ибо чувства их естественные. Но они свидетельствует о сложности формирования казахстанского патриотизма. Сопереживания за судьбы и трудности современной России у такой части русских нередко соседствуют, а иногда и приоритетны по отношению к проблемам, которые переживает сегодня Республика Казахстан. Весьма наглядно подобные национально-психологические настроения этой части русских проявились в отношении к событиям в 2014/ 2015 г. в современной Украине. Большинство русскоязычных казахстанцев, живя в Казахстане, больше знает и интересуется проблемами соседней России.

Заметим, что подобная двойственность национально-этнического сознания характерна не только для русских в Казахстане, но и для многих самих казахов, ибо казахская нация исторически по сравнению с другими постсоветскими народами все еще продолжает оставаться наиболее русифицированной. Подобное положение, справедливости ради, заметим, объясняется в значительной мере и информационным засильем России в Казахстане. По данным TNS Media Gallup более половины населения Казахстана смотрит российские телеканалы. Этот факт общепризнан, но пока, согласимся, мало делается для коренного изменения ситуации в качестве работы отечественных СМИ.

В этой связи нельзя не сказать, что "национал-патриотизм" в казахской, как впрочем, и в русской среде - во многом закономерный, и в то же время исторически преходящий этап в современных взаимоотношениях между этими общностями. Синтезом, диалектическим "снятием" исторического противоречия в сфере межнациональных, межкультурных отношений должен стать переход в новое качество - уровень социального патриотизма, любовь к общему Отечеству как силы, интегрирующей все социальные слои, независимо от национальной принадлежности. Национальная идентификация в этом случае сохраняется и даже разовьется, но по сущности призвана стать преодоленным противоречием подчиненного порядка перед гражданской идентификацией, идентификацией с единым Отечеством - Республикой Казахстан.

В этой связи вполне логичен и востребован сегодня в условиях современного Казахстана не государственный, а гражданский патриотизм. Тот патриотизм, который основан на гордости казахстанца, прежде всего, социально-экономическими достижениями Казахстана, оценки им высокого отечественного

уровня жизни благосостояния каждого человека в стране. Если Казахстан станет богатой, уважаемой всеми страной, известной не только сырьевыми ресурсами, но и передовыми технологиями производства, развитой инфраструктурой, политическими свободами, полноценным образом жизни своих граждан, то это и станет тем основным условием, при котором каждому будет почетно себя именовать казахстанцем. Это - решающее обстоятельство могущее в известной мере если не радикально, то, по крайней мере существенно повернуть сознание представителей диаспор Казахстана в сторону более решительного включения себя в формирующуюся казахстанскую нацию. Фундамент создания - гражданской общности в Республике Казахстан, таким образом лежит в плоскости достижения нового качества жизни, зримого улучшения материально-общественной жизни всего населения страны.

Важна, безусловно, в формировании гражданской нации и такая составная образа жизни как этническая комфортность. Этот фактор необходимо учитывать в полной мере. Зачастую говоря о ней, мы применяем официально-дежурную терминологию, называя существующую ситуацию в Казахстане стабильностью. Но ее можно назвать и стагнацией и так называемое согласие можно определить уже как безразличие. Ведь фактом сегодняшнего дня является то, что сегодня люди больше живут своими интересами и проблемами. Каждый выживает сам по себе, и ему не до проблем демократии. Некоторым безразлично, сколько палат в парламенте РК, какая Конституция. Обо всем они предпочитают судить по своему уровню жизни.

Но людям со всей ответственностью, можно говорить, не безразличны национальные проблемы. И в этом плане, порой складываются довольно сложные процессы перестройки национального сознания. Более старшее поколение людей, например, жизнь которых преимущественно прошла в советское время, психологически сложнее адаптируется к новым этнополитическим условиям. В тоже время, молодые люди диаспор более органично и естественнее включаются в новые этносоциальные реалии молодого государства, стремятся к знанию государственного языка, обычаев, традиции, ценностей казахского народа.

В этой связи нельзя не отметить, что учет психолого-этнического фактора властью необходим с учетом его значимости для межнациональной обстановки в республике. Игнорирование его ведет к тому, что в Казахстане существует не столько угроза межэтнических конфликтов, сколько недооценка их со стороны местной власти на местах. Вот весьма показательные примеры. Местная власть, например, не обращает внимания на то, как решается земельный вопрос в конкретном регионе, сколько и где торговых центров, ресторанов, гостиниц с этнической спецификой. Ведь понятно, что источники вселенского межэтнического конфликта нередко кроются в таких «маленьких» проблемах регионов.

Сегодня опасность местных социальных проблем в том, что они приобретают порой межэтнический характер. Около 2 млн. казахов живут в депрессивных районах. Их дети в городах в поисках работы. Официальная статистика говорит, что у нас около 0,5 млн. безработных. Неофициальная – более 1.5 млн. с учетом самозанятого населения. И это в основном, казахи.

Скрытая напряженность, неочениваемая местной властью существует чаще всего на бытовом уровне. Так, на западе Казахстана встречаются факты негативного отношения к засилью кавказцев. В пограничных районах с Узбекистаном есть определенная напряженность между узбеками и казахами. Подобного рода факты нельзя игнорировать.

Надо смотреть правде в глаза. Нельзя тешить себя радужными настроениями, когда речь идет о межэтнических отношениях. И здесь повторим, истоки конфликтов в этих отношениях нередко лежат в традиционных предубеждениях, нерешенности бытовых вопросов, т.е. в тех сферах которые, к сожалению, недооцениваются не только учеными, но и местными руководителями.

В целом, можно утверждать, что формируемая гражданская нация, которую называют казахстанской, является на сегодня, говоря словами А. Андерсона больше «воображаемой», нежели реальной. Этническая принадлежность все еще является явно преобладающей доминантой в структуре идентичности подавляющего большинства населения. По мнению Р.Арына, этническая идентификация доминирует у всех этносов Казахстана над гражданской – факт постсоветской действительности, подтверждаемый всеми исследователями [18]. Так опрашиваемые респонденты-казахи почти единодушно показали предпочтение этнической идентификации (96,7%) перед казахстанской гражданской (2%). Понятие «титульный этнос» скрывает сложную реальность восприятий и идентификаций. Примечательно, что 73% респондентов-казахов, считающих родиной – Казахстан вполне сопоставимы с уровнем респондентов русской этничности (70%) и малых этносов (61% от числа респондентов этих этничностей), считающих иные страны этническими Родинами. Иными словами, ни одна этническая группа Казахстана не дошла до 90%-ного осознания страны как общенационального отечества. Консолидирующей роли казахов, в частности, препятствует непомерно высокая роль локальных и регионалистских идентификаций родины с областью, районом и аулом -26%.

Сегодня реальности таковы, что население Казахстана в большей степени несет в себе больше разнообразие этноприродного сознания данные, нежели общегражданского. Такую специфику сознания мы видим на уровне русской нации в Казахстане, украинской, татарской и пр. общностей. Такую специфику мы видим и на уровне казахской нации. Поэтому еще нет зрелого состояния общегражданского сознания всех казахстанцев. Гражданская нация в

современном Казахстане не сложилась окончательно, в зрелом состоянии. Она формируется, но пока не стала доминирующей тенденцией в развитии национальных процессов. В этой связи нельзя не отметить, что не правы отдельные отечественные исследователи, которые полагают, что формирование гражданской нации в Казахстане является определяющей тенденцией в современном межнациональном климате Казахстана. Таково в частности, мнение Е.Байдарова, полагающего, «что доминирующей в Казахстане является... гражданская трактовка нации». Не убеждают в его позиции и данные социологического опроса, приводимые им, согласно которым «больше половины всех респондентов, 55, 51 %, считают, что все национальности вместе взятые... составляют единую казахстанскую нацию»[19]. Не принижая параметры носителей массового сознания, хотелось бы выразить сомнение в научной трактовке ими понятия «нация». Ведь зачастую люди весьма произвольно и субъективно склонны называть любую общность и нацией и народом и пр. О научной дифференциации этих понятии они имеют смутное представление. Тем более, как известно, даже в специализированном сознании (в среде ученых) в отношении этого понятия существует очень большое многообразие мнений на этот счет. Поэтому отдавая дань политической конъюнктуре автор, как представляется, погрешил в известной мере, научной истине.

Отсюда возникает вполне естественный, вопрос общего методологического характера. Может ли применяться понятие «нация» к той общности, которая объединена механически, нежели духовно, психологически. По нашему мнению нет. Подобная общность есть скорее народ, но не нация. Сегодня если применять мерку по отношению ко всему населению республики, мы имеем народ Казахстана, но не нацию. Т.е. общность, которая объединена скорее территориально, экономически, в известной степени по языку (русский знает подавляющее большинство), но в меньшей степени общим духовно-психологическим гражданским самосознанием. Подобное определение населения страны, как народа Казахстана зафиксировано и в Конституции РК., в преамбуле которой записано: «Мы народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле ...» Народ Казахстана = казахстанцы. Это политоним. Градообразующая нация – казахская, а весь народ, в нынешнее время проживающий на территории страны – казахстанский.

Нация не совокупность граждан, которую можно охарактеризовать какими-то цифрами, а душа этой совокупности, не поддающаяся цифровым оценкам, ибо это не количество, а качество. Она либо есть, либо ее нет. Это некое коллективное "Я", схожее по своей природе с "Я индивидуальным, а потому может быть названо «духом». В известном смысле, можно сказать, что народ, т.е. сумма народившихся в стране индивидуумов, превращается в гражданскую

нацию там и тогда, когда при свободе национально-этнического выбора каждый или большинство осознанно и индивидуально относит себя к единой общности, разделяя ее ценности и приоритеты.

Однако такой этап формирования гражданской нации в Казахстане на сегодня не стал господствующим, он скорее выступает как потенция, для которого сегодня создаются определенные предпосылки. Достижение таких целей в развитии казахстанской нации в Казахстане – дело исторического времени. Казахстанская национальная идентичность - формирующееся явление, она находится в тенденции развития.

Проживающие в современном Казахстане представители диаспор, в массе своей казахи, еще не подошли на уровне каждой личности к ситуации осознанного выбора, когда они руководствовались бы приоритетом гражданской идентичности перед этнической. Для такого выбора народ Казахстана должен стать общностью автономных личностей, которые были бы свободны от различного рода узкоэтнических, региональных, групповых, национальных предрассудков и т.д. Поэтому идея гражданской нации сейчас в Республике Казахстан практически пока является преждевременной.. Реальностью она станет при констатации массового, свободного и осознанного желания представителей казахской нации и диаспор Казахстана в пользу выбора ими гражданской нации.

На нынешнем этапе Республики Казахстан, скорее фиксируются только начальные общие признаки казахстанской национальной общности, чаще всего элементов культуры, которые призваны объединять казахов с другие диаспорами страны. Например, казахи сплошь и рядом нередко лучше говорят и общаются между собой, на русском языке, разве это не явление гражданского плана. Или то обстоятельство, что в современном Казахстане, например праздник Наурыз стал общим для всех на его территории, разве также не показатель элемента гражданской нации в стране. И таких гражданских фактов национального единения становится все больше. Но они пока не преобладают

Сегодня складывается новая, можно ее назвать казахстанская духовная аура внутриэтнического сотрудничества Она характеризуется принципиально иными по сравнению с советскими временами признаками. Первое, ее основу составляют не отношения старшего и младшего брата между различными нациями и народностями, как это было в предыдущей модели, а реальное, равноправное сотрудничество, взаимоуважение и что важно взаимовлияние национальных культур. Второе, это то, складывается единая общеказахстанская культура самых различных народов и наций, проживающих в стране. Это думается важный, принципиальный момент нашей общей духовности. Третье – постепенное, может быть не столь быстрое, не без противоречия формирование общности сознания между казахской частью и представителями других этносов

которые решили не выезжать а связать свое будущее бесповоротно с современным Казахстаном .

В процессе дальнейшего становления общенационального единства, которое в РК является реальностью, важная роль принадлежит государствообразующей нации – казахам. В историческом контексте «казахская миссия» должна рассматриваться как этап формирования общенационального самосознания, высшей фазой которого является формирование политической нации граждан. Общая направленность данного процесса - от этнического единения к культурному и языковому единству. Большинство стран мира уже прошли через этот этап. Сегодня они переходят к ценностям нации как сограждан. В этой связи казахской нации, как основному этносу предстоит выработать свод гражданских ценностей, способный консолидировать вокруг себя диаспоры и народности, проживающие в стране. Опыт формирования гражданских нации в развитых странах дает тому пример.

Быть американцем, например, значит иметь соответствующий паспорт и разделять принципы общежития народонаселения США, ключевым из которых является свобода. Быть французом помимо «корочки» означает принятие трех фундаментальных правил существования французского государства и общества: свобода, равенство, братство.

В то же время в Казахстане, какого-либо свода ценностей, подразумевающего потенциальное единение казахстанцев вокруг казахов, пока не существует. Многие казахи, признавая гражданство, акцентируют внимание только на знании казахского языка. Но ведь современная земля казахов обращается ко всем, живущим в стране еще с идеями казахстанского патриотизма, толерантности, которые не менее важны. Поэтому, ко всем гражданским ценностям надо подходить в их совокупном виде. Вкупе, а не в отдельности каждая, они и должны составлять свод специфических ценностей, способных объединить всех казахстанцев в одно единое целое.

Естественно, в процессе формирования казахстанской нации предстоит преодолеть многие стереотипы, предубеждения и даже неверные убеждения, которые формировались массивированной советской идеологической машиной. Ведь остались психологические стереотипы «старшего брата», нежелание учить язык считать этническими группами. Стержнем такого процесса предстоит сделать естественность, отказ от искусственности, форсирования межнационального сближения. У каждого отдельно взятого представителя того или иного этноса должно быть неотъемлемое естественное право выбора Родины, соотнесенности с теми родными корнями, откуда произошли его предки, свободного развития своей культуры, языка. И в этом смысле культура представителей этноса оставшихся в Казахстане согласно новой межэтнической модели должна иметь возможность развиваться как составная часть основного

массива культуры этноса расположенного за пределами страны.

Возникают и новые проблемы, обусловленные самой естественной логикой складывания нового межнационального климата в Казахстане. Эти противоречия во многом отражают динамику и сложности формирующегося гражданского сознания казахстанцев. Можно сказать, что существование и совместное проживание представителей 140 нации и народностей, различающихся по культуре, образу жизни, традициям, обычаям, менталитету способно уже само по себе порождать противоречия между этносами в стране. Скажем, внутреннее недовольство изменившейся демографической аурой страны. Или, скажем перекосы в кадровой политике того или ведомства, предприятия и т.д. Их не надо драматизировать, надо практически решать, с учетом главенства политики общегражданских приоритетов в стране. Здесь требуется кропотливая, повседневная работа по разъяснению национальной политики молодого государства.

Признание гражданской самоидентификации нации должно происходить естественно, осознанно каждой личностью, при свободе выбора национально-этнической принадлежности. При этом, как представляется, вопрос этот не должен подвергаться какой –либо этической, моральной оценке. Хотя в реальной практике жизни, как известно, на уровне бытового сознания переход человека из одной национальной группы в другую не всегда встречает понимание. Но здесь речь идет о переходе личности в гражданско-национальную общность, при которой этническая принадлежность его сохраняется и поэтому моральная составляющая, думается, как минимум будет инертной.

Таким образом, реальная перспектива формирования казахстанской нации вполне существует. Она основывается не только на развитии процессов духовно-этнического единства казахстанцев, но также на современной этнополитике государства, направленной на укрепление гражданской консолидации населения страны. Но пока казахстанская национальная идентичность, в сознании граждан республики не господствует. В стране пока этническая идентичность доминирует. Объявлять же казахстанскую нацию уже фактом сегодняшнего дня – это значит противоречить существующей в стране национальной картине.. Сегодня – это лозунг, выступающий скорее как национальный идеал страны, к которому надо стремиться, но он пока еще не стал полной реальностью. Казахстанская идентичность скорее существует не в прямом, а больше реально, в переносном смысле слова. Она существует в настоящее время в ряду реально реализующих себя современных идентичностей, как «исламская идентичность», «восточная идентичность», «евразийская идентичность» и т.д.».

ЛИТЕРАТУРА

1. Малеев С. Казахи не желают быть казахстанцами. Газета Мегаполис. 2007, ноябрь.
2. H. Malewska-Peyre Le processus de devalorisation de de l identite et les strategies idenntitaires. С 123 in Camilleri, С., Kastersztein, J.(1990) Strategie identitaires, Paris: P. U. F.
3. Мустафаев Н. (2010) Найти себя? Иерархия идентичностей в Казахстане (<http://www.yo-dialog.kz/?lan=ru&id=81&ub=1872>)
4. Н. Выступление Назарбаева Н.А. на X11 сессии Ассамблей народов Казахстана. (Астана, 24 октября 2006). Казахстанская правда. 2006, 24 октября
5. Нысанбаев А.Н. Сб. мат. «круглого стола» (12 декабря 2007 г.) Алматы, КИСИ, при Президенте РК, 2008, с. 24
6. Дуванов С. Националисты и ватники как близнецы-братья / facebook. 2015, 18 мая
7. Осмысление 20 лет независимости Казахстана. Алматы, 2011, с.44
8. Жунусов С. Ответ Дуванову: нацидея – необходимость или блажь // Республика. 16 мая 2008 Дуванов С. Можно ли победить без флага Республики. Республика.2011, 4 февраля, ответ Дуванову: нацидея – необходимость или блажь // Республика. 16 мая 2008 Дуванов С. Можно ли победить без флага Республики. Республика.2011, 4 февраля
9. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. М., 1946, т.2 с. 302
10. Бектурганова Б. президент АС и П Казахская идентичность: трудности обретения // Сайт политической информации в Казахстане. 2008, 15.04
11. Бектурганова Б. президент АС и П Казахская идентичность: трудности обретения // Сайт политической информации в Казахстане. 2008, 15.04
12. Бектурганова Б. президент АС и П Казахская идентичность: трудности обретения // Сайт политической информации в Казахстане. 2008, 15.04

13. www.apn.kz/publications/comments 146

14. Насырова Л.С. Особенности национальных стереотипов русских и казахов (на примере Республики Казахстан) дисс. канд. псих. наук. М., 2001

15. Дуванов С. (2011) Что делать русским в Казахстане ? (http://inosmi.ru/middle_asia/20110907/174360149.html)

16. Ахмеджанов А. О национальном патриотизме в Казахстане (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1266960420>)

17. www.apn.kz/publications/comments 146

18. Арын Р. Эволюция социально-политического статуса коренного этноса. автор. дис. д-ра полит. наук. Алматы, 2007, с.24-26

19. Осмысление 20 лет независимости ... с.49

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня необходимо, как представляется формирование в науке нового взгляда на природу нации и национальных отношений. В существенной мере необходимость подобного шага определяется не только актуализацией проблемы нации в современном мире, но и известной несостоятельностью прежних теоретических представлений о природе и роли национального вопроса в общественном развитии. И здесь, пожалуй, наиболее веское доказательство тому крушение практики и теории национальных отношений при развале СССР.

С нашей точки зрения, одной из причин теоретической не востребоваемости прежних представлений о национально-этнических вопросах была недооценка субъектности природы нации. Образование, национальной общности длительное время рассматривалось как некая пятичленная модель функционирования признаков нации, которая автоматически проявляется при переходе от рода к племени, народности, а затем к нации, увеличивая только свою значимость и роль. Такая объективизация понимания развития нации не позволяла должным образом оценить его субъектную природу, активность и многообразие проявления национальной жизни в обществе. Сталинская трактовка нации превратилась в догму, хотя реалий динамично развивающегося процесса развития национальных отношений требовали иного понимания национально-этнической проблематики.

В этой связи важным представляется такая корректировка прежних теоретических взглядов, при которой должное место было отведено субъектной природе нации, роли национального самосознания в частности. Нация с нашей точки зрения – есть историческая общность людей, характеризующаяся общностью национального самосознания, определяемая общностью экономики, языка, территории, культуры, своеобразием исторических обстоятельств развития народа.

Нация, иначе говоря, по своей природе есть духовно-психологический феномен. Об образовании нации можно говорить там и тогда, когда в ней проявляется на базе единого национального самосознания дух общности, выражаемый в национальном патриотизме, национальной гордости, национальной ответственности, чести. Слагаемые национального духа в свою очередь выражаются в особенностях психического склада (национальной психологии) конкретного народа.

Объективными предпосылками формирования нации (национального самосознания) выступают общность экономики, языка, территории, культуры, возникающие при капитализме, который в исторических судьбах разных народов развивался специфически. В развитых европейских странах, в частности, развитие полного цикла капитализма привело к образованию зрелых нации. В то

же время, неполнота развития капитализма в истории Казахстана, прохождение им цикла развития азиатского «советского социализма», характеризуя историческую особенность прогресса республики, сказалось на особенностях становления и развития основного этноса – казахской нации.

Исторически появление и формирование казахской национальной общности совпало с присоединением Казахстана к России, советским периодом развития, началом государственной суверенизации. Подобная историческая пестрота развития казахского народа и специфика условий формирования нации привела, в частности, в начале 90-х годов XX в. к появлению своеобразного состояния содержания национального самосознания казахов. В нем, под влиянием советского периода, доминирующими постепенно становились интернациональные (руссификаторские) элементы с постепенно исчезающими параметрами национально-этнического лица, с сохраняющимися родо-жузовыми установками.

Рубежом, с которого начали возникать предпосылки для появления полноценного национального самосознания казахов, что явилось получение государственно-политической независимости Казахстана в 90-е годы XX века. С этого времени создается полноценный рынок, условия для развития национальной культуры, языка, государственно-территориальная компактность. Поэтому современная казахская нация – формирующаяся, молодая.

Современные трудности и противоречия казахской нации – это во многом проблемы роста, влияния исторического прошлого, особенностей развития Казахстана. Одна из этих проблем, доставшихся от прошлого, проявляется в известной дифференциации казахской нации. Сегодня современная казахская нация, будучи единой в своих основных параметрах (по языку, культуре, обычаям, традициям и пр.), в то же время внешне в известной мере раздроблена на этноказахские группы – родам, жузам, нагыз-казахам, шала-казахам, сельских, городских, оралманов и пр. Отсюда неутрачиваемые сегодня дискуссии в СМИ, отечественной науке о природе казахской и казахстанской нации, национальной идентичности, проблемах консолидации казахов и т.д.

Отсюда, одной из актуальных проблем современной казахской нации является процесс его дальнейшей консолидации. Здесь нельзя не учитывать, что реально, существующая внутридифференцированность казахской нации, безусловно, не способствуют процессу дальнейшей консолидации казахской нации. Наиболее трудными и мешающими процессу единения нации представляются родо-жузовые пережитки, отношения между русскоговорящими и казахоязычными, взаимные внутриличностные противоречия казахов. Истоки этих внутринациональных противоречий находятся в истории казахского народа, социально-культурной разнице казахов и демографическом соотношении населения страны. Исходная долговременная основа процесса укрепления

консолидации казахской нации, по нашему мнению, лежит в углублении и дальнейшем развитии рыночных связей которые объективно способны увеличивать удельный вес в среде казахов т.н.» автономных личностей»(предпринимателей), свободных в своем национальном самосознании, от препятствия мешающих консолидации казахской нации. По большому слову объективно общность казахов, состоящая в преобладающем большинстве из «автономных личностей», и есть современная казахская нация.

Во многом современные проблемы казахской нации кроются с нашей точки зрения в серьезной недооценке роли национального самосознания казахов и казахстанцев, и процессов, которые в них происходят. В частности, в решении проблемы национальной идентичности до сих пор должным образом недооценивается роль национального самосознания, как интегрированного духовного показателя состояния нации. Причиной такого положения здесь выступает то, что в современной отечественной исследовательской среде, как некогда в советской общественной науке, наблюдается боязнь трактовки нации как духовного феномена. Между тем, понимание и учет национального самосознания, его основной установки – духовно-психологической соотнесенности каждой личности и общности в целом с конкретной нацией и выступает универсальным и главным критерием национальной идентичности. Применительно к современной казахской нации сегодня установка «Я – казах» является выражением национальной идентичности любого казаха, независимо от того к какой этноказахской группе его общественное мнение причисляет.

Принятие данной национальной идентичности, в частности, способно снять надуманные дифференциальные группы внутри народа, существенно способствовать внутренней национальной консолидации казахов. Подобная исходная установка является фундаментом системы ценностно-нормативных комплексов национального самосознания органически включающей в себя чувства казахского патриотизма, национальной гордости, ответственности, чести.

При принятии подобной установки национальной идентичности, дифференциация в знании родного языка, традиции, обычаев, культуры и пр. не выступают барьером на пути единства казахской нации, ибо овладение ими выступает как органическое следствие принадлежности к казахской нации.

Казахский патриотизм должен формироваться на основе гордости за свою историю и культуру, а также перспектив развития казахской нации и веры в процветание Казахстана. Пока сами казахи не станут образцовым примером для других национальностей в проявлении любви к Родине, уважения к государству, почтения к истории, традициям, к культуре и языку, нельзя добиться, и тем более, требовать этого от других. Отсюда чрезвычайно важным в дальнейшем подъеме казахской нации выступают волевые национальные усилия каждого казаха в развитии национальных спектров своей культуры.. Новая идентичность

казахов должна проявиться в формировании общей воли казахской нации и отдельной воли каждой личности к национально-культурному, политико-государственному самоутверждению общества и страны. Именно на вере народа в себя и в свое будущее способно держаться могущество Республики Казахстан. С ростом авторитета и самоуважения казахов, у других может появиться желание, потребность знать историю, изучить язык, традиции. Неотъемлемым источником казахского патриотизма является также чувство благодарности представителям всех национальностей за их неоценимый вклад в развитие духовного и материального богатства страны. Их благополучие и душевный комфорт в нашем общем доме являются условием процветающего Казахстана.

Не секрет, что неблагоприятное социально-психологическое самочувствие большинства казахов, их неудовлетворенность положением родного языка, состоянием национальной культуры и образования, социальными проблемами и активная эксплуатация этих настроений различными политическими силами, являются серьезными вызовами для современного Казахстана.

В этих условиях полиэтничный состав Казахстана потенциально может превратиться в источник дестабилизации и конфликтов. И только новая национальная идентичность казахов («казахская миссия») может помочь избежать этой опасности. В контексте будущего Казахстана подобная «казахская миссия» должна рассматриваться как этап становления национально-этнического самосознания, высшей фазой которого является формирование политической нации граждан. Проблемы формирования «казахстанского патриотизма» заключаются именно в том, что его пытаются насадить «сверху», в наднациональной абстрактной форме, в отрыве от казахов. Процесс формирования казахстанского патриотизма должен основываться на казахском патриотизме.

Общая направленность данного процесса - от этнического единения к культурному и языковому единству всего народа Казахстана. Процесс консолидации народа Казахстана еще не достиг стадии национальной общности. Поэтому следует считать «казахстанскую нацию» как реальность пока преждевременной. Современная формируемая общность в республике имеет больше черты и признаки народа Казахстана, но в меньшей степени национальной общности. Сегодня национально-этническое в народе Казахстана является доминирующим, гражданская нация в стране только складывается.

Этнополитика Казахстана способна достичь больших успехов при соблюдении естественности образования единой общности казахстанцев. Первоначально это усилия должны быть выражены в объединении всех граждан, равноправных представителей казахстанских этносов в народ Казахстана. Достижение такой цели создаст условия для формирования полиэтнической политической нации с сохранением своей этнической

принадлежности, формированием и укреплением гражданской идентичности. Полное достижение единства возможно не в силу одноразовой декларации, так как нациестроительство или нациеобразование – это длительный процесс. Он имеет своё начало, свою динамику, но практически никогда не заканчивается. Поэтому под национальной консолидацией народа Казахстана надо подразумевать постоянные усилия власти и всех граждан к преодолению внутри- и межэтнических барьеров.